

Сергей Калабухин

*Необыкновенные
приключения
обыкновенных
героев*

Сергей Калабухин

Необыкновенные приключения обыкновенных героев

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-445
К17

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Калабухин Сергей
К17 Необыкновенные приключения обыкновенных героев / Сергей
Калабухин. — [б. м.] : Издательские решения, 2017. — 218 с. —
ISBN 978-5-4485-9854-8

В этом сборнике собраны произведения разных лет, представляющие несколько направлений фантастики — первый контакт, киберпанк, детектив, магический реализм, космическая опера и, конечно же, путешествия во времени.

УДК 82-3
ББК 84-445

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-9854-8

© Сергей Калабухин, 2017

ГИБЕЛЬ АНАРХИИ

— Сожалею, капитан, но ничем не могу вам помочь! — Жирное лицо Кубышки, главного интенданта Анархии, сморщилось в сочувственной гримасе.

— Я заплачу столько, сколько вы скажете, — отбросил дипломатию Крафт.

— Конечно, заплатите, капитан, — снисходительно усмехнулся Кубышка. — Через пять стандартных дней состоится аукцион...

— Я не хочу, чтобы мою жену выставляли на торги! — резко прервал главного интенданта Крафт. — Она и так много пережила. Назовите сумму.

— Вы знаете, капитан, почему наша станция называется «Анархия»? — вкрадчиво спросил Кубышка.

— Мне это безразлично! — Нервно взмахнул рукой Крафт. — Не уходите от ответа: ваша цена?

— Я и пытаюсь вам ответить, капитан. — Укоризненно развёл пухлые руки Кубышка. — Наша космическая станция, как вам известно, находится в нейтральной зоне между Солнечной Федерацией и Веганской Империей. На Анархии нет правительства, но есть законы, за нарушение которых полагается только одно наказание — смерть на арене в гладиаторских боях. Мне нравится моя работа, капитан. Смертельные схватки я предпочитаю наблюдать из личной ложи, участвовать в них у меня нет ни малейшего желания.

— Сколько? — угрюмо спросил Крафт.

— Вы не слышите меня, капитан. — Скорчил печальную мину Кубышка. — По закону любой товар, попавший на Анархию, должен быть продан на аукционе. Речь, разумеется, не о товарах первой необходимости — те напрямую поступают в магазины, рестораны и прочие заведения. А вот контрабанда и добыча пиратов выставляются на торги. У нас нет правительства, а, зна-

чит, нет налогов. Но есть расходы: хранение товара, его реклама, охрана и множество иных. Все мы, граждане Анархии, заинтересованы в том, чтобы продать поступивший товар как можно дороже, так как каждый из нас получает свой процент.

— Сколько вы, лично вы, планируете получить с... продажи моей жены? — с трудом сдерживая ярость, прорычал Крафт. — Я удвою вашу долю. Половину сейчас, остальное — когда вы доставите Марию на мой корабль.

— У нас нет коррупции, капитан, — вздохнул главный интендант. — Я мог бы взять ваши деньги и ничего не делать взамен. Вам всё равно некому жаловаться. Конечно, мне пришлось бы разделить взятку с остальными гражданами Анархии. Таков закон: любые денежные поступления идут в общий котёл. Нарушителя, как я уже сказал, ждёт арена.

— Вы такой честный, или вам нужно что-то ещё, кроме денег? — язвительно процедил Крафт. — Почему вы тратите на меня своё время, если не можете помочь?

— Меня вполне устраивает моё нынешнее положение, капитан, — холодно ответил главный интендант. — Я навёл о вас справки. Вы впервые у нас и, к тому же, состоите на службе в вооружённых силах Солнечной Федерации. А на вашу жену уже подало заявку одно очень влиятельное лицо из Веганской Империи. Мне бы не хотелось, чтобы вы каким-нибудь необдуманным поступком нарушили сложившееся равновесие и втянули Анархию в разборки между федеральными и имперскими силами. Нейтралитет — основа нашего существования. Поэтому я и пытаюсь вежливо объяснить вам местные законы и порядки. Будь вы обычным покупателем или пиратом, доставляющим товар на Анархию, этой беседы вообще бы не было.

— Прошу прощения, главный интендант, если мои слова обидели вас, — заставил себя извиниться Крафт. — Я просто ищу способ поскорее вернуть жену.

— Я понимаю, капитан. — Удовлетворённо расслабился в своём вместительном кресле Кубышка. — Но, как уже сказал, ничем не могу вам помочь. Дождитесь аукциона и предложите

самую большую цену. Это единственный способ.

— А, может, если вы назовёте мне имя продавца, я смогу договориться о выкупе напрямую с ним? — не сдавался Крафт.

— Увы! — С притворным сочувствием покачал головой Кубышка. — Закон это запрещает. Как только товар поступает в моё ведение, Анархия автоматически становится его совладельцем. На равных паях с поставщиком. Аукцион и гласность упрощают расчёты и исключают махинации, одновременно гарантируя максимальную прибыль. Обман и мошенничество практически исключены. Надеюсь, теперь я ответил на все ваши вопросы, капитан? У меня, как вы понимаете, много дел. В таком случае, до встречи на аукционе!

Линда закрыла глаза, чуть повернула голову направо и плотнее притянула Рыжего Пайка к себе, чтобы избежать его слюнявых поцелуев. Хриплое зловонное дыхание потного верзилы обжигало ей шею и левое плечо. Линда с мстительным удовольствием вонзила ногти в заросшую жёсткой рыжей щетиной спину пирата, имитируя нарастающую страсть. Рыжий Пайк зарычал и ускорил темп. Его едкий горячий пот стал заливать грудь и живот Линды. Простыня под ней вскоре стала влажной.

«Почему я продолжаю жить? — с тоской подумала Линда, автоматически издавая страстные стоны в такт движениям клиента. — На что надеюсь?»

Вдруг Рыжий Пайк замер и, обмякнув, тяжёлой грудой навалился на неё. Линда в последний раз вскрикнула, имитируя оргазм, и тоже расслабилась.

«А этот боров сегодня быстро управился», — удивилась она. Вонючая туша продолжала давить, выжимая остатки воздуха из груди. Пират и не думал вставать. «Что-то не так!» — вдруг дошло до Линды и, отбросив притворство, та начала отчаянно выбираться из-под внезапно потерявшего сознание клиента. Но её руки беспомощно скользили по щедро смазанному потом телу Рыжего Пайка, и рабыня с ужасом поняла, что ещё немного, и она сама начнёт задыхаться. Неожиданно тяжесть исчезла,

и Линда жадно втянула в себя воздух. Смерть опять прошла мимо.

— Извините, что помешал, но нам надо срочно обсудить кое-что, — услышала Линда незнакомый мужской голос.

Она села и повернула голову на звук. Рядом на смятых простынях навзничь лежал Рыжий Пайк. Глаза его были широко открыты и бессмысленно пялились в низкий потолок комнаты. Незнакомая коротко стриженная белобрысая девица в военной униформе без знаков различия что-то вводила одноразовым шприцом в набухшую вену руки пирата. Рядом с девицей стоял невзрачный седой мужичок в такой же униформе без погон и с участием смотрел на шумно дышащую Линду.

— У нас мало времени, — сказал седой. — Ваш клиент будет без сознания минут десять, потом он просто уснёт, а когда проснётся, ничего не будет помнить.

— Кто вы, и что вам надо? — прохрипела Линда.

— Я тот, кто может освободить вас из этого пиратского вертепа и доставить домой. Это единственное, что вам надо знать. Ваша история мне известна, потому я и обратился к вам. Год назад вы были стюардессой на туристическом лайнере. Пираты взяли ваш корабль на абордаж, так вы попали на Анархию, пытались покончить с собой, вас вылечили и оставили работать в местной тюрьме. Правильно?

— Да, — кивнула Линда. — Что вам надо от меня?

— Сейчас я хочу получить чёткий ответ на простой вопрос: вы хотите вернуться домой или предпочитаете остаться здесь?

— Но... — Линда в нерешительности замолчала.

— Не бойтесь! — Понял её колебания седой. — Нас никто не видит и не слышит: аппаратура слежения в это комнате сейчас не работает. Моя помощница отключила её прежде, чем мы вошли сюда. Поэтому я и сказал, что у нас мало времени — охрана борделя скоро будет здесь. Итак, ваш ответ?

«Что я теряю? — подумала Линда. — Даже если это провокация, хуже, чем сейчас, уже не будет».

— Да, — решительно сказала она. — Я хочу домой!

— Прекрасно, — с явным облегчением выдохнул седой. — В ближайшее время я или моя помощница свяжемся с вами, чтобы обсудить условия и детали.

Рыжий Пайк внезапно дёрнулся и громко захрапел. Глаза его плотно закрылись, по подбородку потекла струйка слюны.

— Крепкий парень, — усмехнулся седой. — Быстро очухался, и пяти минут не прошло.

— Уходите, а то столкнётесь с охраной, — встревожилась Линда.

— Не волнуйтесь об этом, — спокойно ответил седой. — Главное — вы твёрдо запомните, что нас тут не было, и что случилось с видеокамерами, вы не знаете. Анна, нам пора!

Белобрысая девица положила использованный шприц в карман куртки и подошла к напарнику. На глазах у изумлённой Линды они обнялись и исчезли. Только воздух с шумом занял освободившийся объём, словно лопнул воздушный шарик. За дверью, в коридоре, раздался топот приближающихся охранников, и Линда быстро легла на ритмично вздымающуюся грудь Рыжего Пайка, притворившись, что тоже спит...

— Опять ты! — Скривилась Белая Крыса. — Что на этот раз: жалоба клиента или очередная попытка самоубийства?

Линда, молча, пожала плечами.

— Что-то случилось в номере, где она работала, — доложил Главной надсмотрщице охранник борделя. — Почему-то сгорела вся электроника и, соответственно, личный датчик вашей рабыни. Вот и пришлось мне сопровождать её сюда, чтобы она могла без помех миновать все пункты охраны.

— Ладно, ты можешь возвращаться в бордель. — Махнула ему мускулистой, совсем не женской рукой Белая Крыса.

— А нельзя ли в награду за услугу побаловаться часок с одной из ваших девочек? — просительно осклабился охранник. — Всё ж моя смена давно закончилась, и я потратил своё личное время...

— У тебя полчаса! — Презрительно сверкнула на него своими

жуткими красными глазками огромная альбиноска и приказала маленькой тощей помощнице. — Гиена, проводи этого в тюремную комнату свиданий и дай ему какую-нибудь шлюху.

Поигрывая плетью, главная надсмотрщица вновь повернулась к Линде. Её грубое мясистое лицо налилось злобой, от приземистой мужеподобной фигуры веяло опасностью.

— А теперь займёмся тобой, — прошипела Белая Крыса. — Как ты это сделала?

— Мне было так хорошо с клиентом, — усмехнулась ей в лицо Линда. — Внутри меня будто атомная бомба взорвалась, вот вся электроника и сгорела!

— Шутишь, значит, — зловеще процедила Белая Крыса. — По плётке моей соскучилась?

— Что вы, мадам, — испугалась Линда. Сейчас, когда столь неожиданно забрезжила надежда на освобождение, попасть в лазарет было бы опрометчиво. — Простите меня, я просто хотела поднять вам настроение безобидной шуткой.

— Да? — удивилась главная надсмотрщица. — Это на тебя не похоже, — задумчиво протянула она и, приподняв кончиком плети лицо Линды за подбородок, испытующе посмотрела той прямо в глаза. — Рассказывай! Что там случилось?

— Я была с клиентом, мадам, — с неподдельным страхом глядя в хищные красные глаза главной надсмотрщицы, дрожащим голосом ответила Линда. — С Рыжим Пайком. И вдруг в комнату ворвались охранники. Они всё обыскали, мадам, даже Рыжего Пайка и его вещи, но ничего не нашли. Это всё, что я знаю, мадам! Спросите охранника, что меня сюда привёл, он вам подтвердит, что я говорю правду.

— Ладно, — отпустила её Белая Крыса. — Иди в медпункт, пусть тебе заменят личный датчик.

Когда Линда поспешно убежала, главная надсмотрщица повернулась к вернувшейся Гиене и приказала:

— Найди в гостевом отсеке пирата по имени Рыжий Пайк и узнай у него все подробности...

— Вот, сволочь! — выругался Крафт, покинув кабинет главного интенданта. — Ты всё слышал, Майк?

— Да, Пит! — Лейтенант Смит убрал наушник в нагрудный карман мундира и поспешил вслед за капитаном, в ярости устремившимся прочь.

— Этот жирный ублюдок строит из себя законопослушного гражданина, а сам — обычный скупщик краденого и, вдобавок, работороговец! — рычал на ходу Крафт.

— Тише, Пит, — попытался вразумить разошедшегося капитана Смит. — Мы здесь с частным визитом, на чужой территории. Кругом наверняка «глаза» и «уши» Кубышки.

Они, молча, преодолели остаток пути до гостиницы, но как только за ними закрылась дверь их номера, Крафт вновь взорвался:

— Этот пиратский притон давно нужно было уничтожить! Ты просмотрел архив прошлых торгов? Какие были цены на женщин?

— Посмотрел...

— Ну, и...?

— Видишь ли, Пит, — глядя в сторону, решился, наконец, сказать правду Смит. — Нам вряд ли удастся спасти Машу.

— Почему? — Хмуро посмотрел на него Крафт. — Ну, не мямли, лейтенант, говори чётко и точно!

— Потому что главный интендант не соврал: на Машу уже подал заявку Халид-бей.

— Ну и что? — Откинулся на спинку кресла Крафт. — Кто это такой?

— Главный евнух гарема султана Баязета Великолепного, — уныло ответил Смит.

— Повелителя Альтаира?

— Да. — Виновато посмотрел на капитана Смит. — Я просмотрел архивы, как ты просил. За всю историю торгов не было случая, чтобы Халид-бей кому-нибудь уступил. Анархия, действительно, не скупится на рекламу. Видеоролики, демонстрирующие в голом виде женщин, выставленных на продажу, уже неделю

крутят по галактическому каналу.

— И Машу тоже? — В ярости стиснул кулаки Крафт. — Обнажённой?

Смит, молча, кивнул.

— Раз Халид-бей сделал заявку на неё, значит Маша понравилась султану. Главный евнух лишится головы, если проиграет аукцион. У нас нет ни единого шанса...

— Шанс всегда есть! — Стукнул кулаком по подлокотнику кресла Крафт. — Надо только найти его.

— Где? — безнадежно вздохнул Смит. — У нас нет столько денег, чтобы тягаться в торгах с Халид-беем. Султан, говорят, богаче самого Императора!

— А мы и не будем, — взмахнул рукой Крафт. — Как говорили мои предки: с волками жить — по волчьему выть!

— Что ты имеешь в виду? — не понял Смит.

— Подкараулим его корабль на обратном пути и возьмём на бордаж, — успокаиваясь, ответил Крафт. — Раз уж мы в пиратской зоне...

— Ты с ума сошёл! — воскликнул Смит.

Неожиданно дверь распахнулась, и в номер вошли двое: тщедушный седой мужчина лет пятидесяти, одетый в потёртые джинсы земного производства и толстый коричневый свитер ручной вязки из натуральной шерсти, и молодая девушка в стандартном военном комбинезоне имперского флота без знаков различия.

— Какого чёрта? — Смит мгновенно подскочил к ним, преграждая путь. — Что вам надо?

— Могу я поговорить с капитаном Крафтом? — неожиданно низким голосом спросил седой.

Смит вопросительно обернулся. Крафт кивнул.

— Проходите. — Посторонился лейтенант и закрыл за вошедшими дверь.

— Я сильно сомневаюсь, капитан Крафт, что ваша авантюра удастся, — усаживаясь в предложенное кресло, сказал седой. — Корабль Халид-бея хорошо охраняют, это целый караван

на самом-то деле, — но даже если каким-то чудом вам повезёт, вы освободите свою жену и скроетесь от погони, вас всё равно выдадут султану свои же. Президент не захочет нарушать с таким трудом заключённое с Империей перемирие из-за пиратского нападения. Не забывайте, господа: вы здесь неофициально, за вами никого нет! Вы для всех будете не офицерами федерального флота, а уголовными преступниками.

— Вы нас подслушивали? — хладнокровно произнёс Крафт. — Работаете на Кубышку?

— Секундочку, господа, сейчас я вам всё объясню, — прогудел седой и, повернувшись к девушке, спросил: — Как дела, Анна?

— Четыре микрофона и три видеокамеры, — бесстрастно ответила та. — Глушилку я включила ещё на пороге.

— Вот теперь мы можем поговорить откровенно. — Повернулся к Крафту седой. — Средства слежки, установленные в этом номере, нейтрализованы.

— Вы уверены? — спросил Смит. — Я не видел, чтобы ваша спутница включала какой-нибудь прибор.

— Анна — андроид, — усмехнулся седой. — Все необходимые мне приборы и устройства встроены в её тело.

— Удобно, — кивнул Крафт. — Так кто вы такой, зачем нас подслушивали, и что привело вас ко мне?

— Профессор Иванов Иван Иванович, — представился, наконец, гость. — Прибыл на Анархию, как и вы, три дня назад, но не из Солнечной Федерации, а из Веганской Империи. На подходе к вашему номеру Анна перехватила сигналы следящей аппаратуры. Так мы узнали ваш безумный план. Ну, и Кубышке, а, может, и не только ему он, как вы понимаете, теперь тоже известен.

— Крафт Пётр Андреевич. — Привстал в кресле капитан. — А это — мой друг, Майкл Смит. Но вы, очевидно, и так уже знаете, кто мы, раз пришли сюда?

— Да, — кивнул профессор. — Я навёл о вас справки.

— Иванов Иван Иванович? — недоверчиво усмехнулся лей-

тенант.

— Это имя ничуть не хуже любого другого, — невозмутимо ответил странный гость.

— Так что привело вас к нам, господин профессор? — резко спросил Крафт. — На кого вы работаете?

— На себя! — Развёл руками Иванов. — У нас общая беда, капитан. Моя младшая дочь летела на один из курортов Империи, пираты захватили её яхту и теперь Елену тоже выставили на торги.

— Сочувствую. — Сжал кулаки Крафт. — Я так понимаю, у вас, господин профессор, есть какой-то более реальный план освобождения дочери, чем нападение на караван Халид-бея?

— Есть, капитан. — Нервно потёр ладонь о ладонь Иванов. — Но одному мне не справиться. Нужны, как минимум, ещё один корабль и пара помощников. Я уже думал, что за дни, оставшиеся до аукциона, мне их не найти, как вдруг мы засекала вашу недавнюю беседу с главным интендантом. Видите ли, господа, в первый же день нашего прибытия на станцию я приказал Анне подключиться на всякий случай к записывающей аппаратуре, установленной в рабочих кабинетах и личных апартаментах Кубышки и других правителей Анархии.

— Других правителей? — удивился Смит. — Разве у анархистов есть правительство?

— Не будьте столь наивны, господин лейтенант, — рассмеялся профессор. — Главный интендант, конечно, лукавил, утверждая, что в этой пиратской республике нет правительства. Официально — нет. Анархизм — всего лишь мечта об идеальном обществе. Но на самом деле все важные решения совместно принимают пятеро самых богатых и влиятельных граждан Анархии. Кубышка — один из них. Все они — бывшие пираты, но имеют тайное гражданство как в Солнечной Федерации, так и в Веганской Империи. И, конечно, неусыпно следят друг за другом, что и позволило мне с помощью Анны узнать эти подробности.

— Но как нам всё это поможет? — нетерпеливо спросил Крафт. — Что конкретно вы предлагаете? Шантаж?

— У меня была такая мысль, — признался профессор. — Но эта пятёрка никого и ничего не боится. Они просто уничтожат нас, а президент и император в лучшем случае выразят сожаление гибелью неразумных граждан, опрометчиво сунувшихся в пиратские владения. Видите ли, господа, Анархия тайно финансировала прошлую избирательную кампанию вашего президента и императору не раз ссужала средства на войну с Солнечной Федерацией. А почему, вы думаете, Федерация и Империя терпят у себя под боком пиратский притон?

— Как-то не очень верится в то, что вы говорите, профессор, — раздражённо отмахнулся Крафт. — Султан Альтаира, говорят, несметно богат, и вполне мог бы предоставить своему брату-императору нужные тому средства. Насколько мне известно, Федерации и Империи необходимо безопасное место в нейтральной зоне для тайных встреч и переговоров представителей их правительств. По слухам здесь, на Анархии, были согласованы условия перемирия, которое потом было с помпой в прямом эфире галактического телеканала подписано президентом и императором. И я точно знаю, что именно здесь, в этом пиратском притоне, мы иногда обменивались пленными.

— Султан и император не очень-то ладят между собой, капитан, — вздохнул профессор Иванов. — Трон один, а братьев двое. Баязет родился раньше, но его мать была простой рабыней из гарема...

— Оставим политику политикам, господин профессор, — прервал гостя Крафт. — Давайте вернёмся к нашей проблеме.

— Что ж, не будем терять время на споры, — согласился Иванов. — Анна, покажи нам план станции.

Глаза андроида вспыхнули, из них ударили лучи, и посреди комнаты появилась голограмма вращающегося колеса.

— Внешний «обод» — это космопорты, склады товаров, гостиницы, рестораны, бордели и прочие заведения, обслуживающие гостей, — голос Анны был мелодичен, но лишён каких-либо интонаций и чувств. — В «спицах» расположены казармы охраны, военные склады, боевые лазеры, оранжереи и прочие

службы обеспечения жизнедеятельности станции. В центральном шаре находятся жилые помещения граждан Анархии, атомная электростанция, центр космической связи и телевидения, банк, больница, кабинеты управленцев и специалистов, а также конференц-зал для всеобщих собраний и обсуждений возникающих проблем и принятия решений.

— Чёрт! — воскликнул Смит. — Эта станция — настоящая крепость.

— Живой товар и прочих рабов держат вот в этой «спице», — показала Анна, и выделенная часть макета резко увеличилась, демонстрируя подробности. Остальные части станции исчезли. — У соединения «спицы» с «ободом» находятся защитный шлюз и бункер с десятком вооружённых до зубов солдат. Сразу за пунктом охраны находится аукционный зал с подиумом для демонстрации живого товара. Посторонних пропускают сюда только на время торгов. Из зала короткий коридор ведёт ко входу в тюрьму, в камерах которой раздельно держат мужчин, женщин и детей, предназначенных на продажу. Здесь же находятся жилые комнаты рабов, обслуживающих живой товар. Вот это кухня и прачечная, в которых рабы готовят пищу и стирают. Помещение рядом с общей дверью в тюрьму — ещё один контрольно-пропускной пункт охраны. Здесь постоянно находятся два десятка человек, следящие за мониторами, на которые выведены видеокамеры, установленные в аукционном зале, коридоре и внутри тюремных камер. Другие помещения этой «спицы» для нас не представляют интереса.

— Похоже, штурмовать тюрьму нашими скудными силами — самоубийство, — мрачно сказал Крафт.

— Кубышка жаден, — невозмутимо ответил профессор. — Он заставляет своих рабынь, живущих в тюрьме, в свободное от работы на кухне или в прачечной время улаживать клиентов в борделях развлекательных отсеков станции. Там я вчера и подкупил одну из рабынь, обслуживающих женскую камеру, Она нам поможет.

— Каким образом? — хмыкнул Смит.

— Она найдёт среди сотен пленниц мою дочь и вашу жену, капитан Крафт, и в определённый момент приведёт их в помещение женского туалета, к двери в самую дальнюю кабинку, и тогда Анне не придётся искать их по всей тюрьме. Чтобы ваша жена, поверила этой рабыне и пошла с ней, вы, капитан, должны сообщить нам сейчас «маячок» — слово или выражение, по которому Мария поймёт, что незнакомая ей девушка работает именно на вас. Понимаете меня?

— Да, — кивнул Крафт. — Но каким образом Анна проникнет в тюрьму и, тем более, благополучно выберется оттуда, да ещё не одна?

— Телепортация, — улыбнулся Иванов.

— Что? — не поверил Крафт. — Вы — сумасшедший? Телепортация — сказка для легковых идиотов.

— Не сомневайтесь, капитан. — Успокаивающе поднял руку профессор. — Сейчас вы должны поверить в то, что Анна заберёт в назначенное время пленниц и помогающую нам рабыню из тюрьмы и доставит на мой корабль.

— А чем мой не подходит?

— Тем, что Кубышка первым делом обыщет именно его. Надеюсь, не надо объяснять, почему? Кроме того, вашему другу, лейтенанту Смит, придётся навестить в борделе подкупленную мною рабыню, незаметно показать ей фотографии наших пленниц и столь же незаметно, на ушко, во время ласк объяснить ей, что надо делать. Я обещал девушке, что сделаю это сам, но нам лучше не рисковать — вторичное посещение мною или Анной борделя и конкретно этой рабыни может привлечь преждевременное внимание главного интенданта ко мне и моему кораблю. Учтите, господин лейтенант, комната нашпигована телекамерами и микронами. Рекомендую совместный душ — шум воды заглушит ваши слова. Надеюсь, это задание вам по плечу?

Смит скривился.

— Эта шлюха, хоть, не очень страшна?

— На вкус и цвет... — усмехнулся Иванов. — А так как рабыня исчезнет из тюрьмы одновременно с вашей женой, капитан

Крафт, и практически на следующий день после визита к ней лейтенанта Смита, это будет ещё одной из причин для обыска в первую очередь именно вашего корабля. Я здесь, как вы правильно заметили, под чужим именем, и, к тому же, интересуюсь контрабандой, а не живым товаром. Никто не знает, что Елена — моя дочь. Поэтому после исчезновения трёх пленниц из тюрьмы мой корабль обыщут не скоро, и когда до него дойдёт очередь, Анна перебросит беглянок на ваш, очищенный к тому времени от подозрений. Для этого вы и нужны мне, иначе бы я уже давно освободил свою дочь. Но вряд ли смог бы беспрепятственно покинуть Анархию...

— А как же тюремные видеокамеры? — встрепнулся Крафт. — Вашу Анну засекут и первым делом кинутся проверять именно ваш корабль, профессор!

— Анна проверила — в помещении тюремного туалета нет аппаратуры наблюдения. Ведь оно общее и для пленниц, и для обслуживающего персонала, среди которого есть не только рабыни вроде Линды, о которой я вам рассказывал, но и свободные гражданки Анархии: надсмотрщицы, кухарки и охранницы, например. Поэтому, было бы желательно в назначенное время свести к минимуму вероятность появления случайных свидетелей похищения, отвлечь их внимание на что-нибудь иное. Анна, конечно, справится с любой ситуацией, но хотелось бы избежать лишних жертв. Вы согласны?

— Да, — кивнул Крафт, обменявшись взглядом со Смитом. — Что вы предлагаете?

— Гладиаторские бои на Анархии — самое массовое и любимое развлечение! А вам, капитан Крафт, очень кстати будет алиби, которое сможет подтвердить множество людей. Уверен, и сам Кубышка не пропускает подобные зрелища.

— Вот и для меня у вас работа нашлась, — усмехнулся Крафт. — Бой, но с кем?

— Это ваша проблема, господа! — Встал профессор. — И решить её необходимо как можно скорее — сроки поджимают!

— Есть один момент, профессор, который может свести на нет

весь ваш хитроумный план, — вдруг вмешался Смит. — Вы засветились, придя сюда, и если похищение удастся, люди главного интенданта первым делом придут с обыском к вам, раз уж у нас с Питом будет алиби.

— Нет, лейтенант, как я уже сказал, следящая аппаратура в этом номере выведена из строя. Коридор был пуст, и нас никто не видел, входящими сюда.

— Зато увидят выходящими! — воскликнул Смит. — Наверняка там уже дежурят шпионы Кубышки, ожидая, когда мы покинем номер, чтобы заменить сгоревшую аппаратуру.

— Не увидят, — улыбнулся профессор. — Вы должны верить в успех нашего замысла, а потому...

Иванов подошёл к Анне, обнял её за талию, и с гулким звуком лопнувшего воздушного шарика они исчезли.

— Итак, капитан, что на этот раз привело вас ко мне? — Рас-тянул в любезной улыбке пухлые губы Кубышка.

— Опять личное дело, главный интендант, — не менее доброжелательно улыбнулся в ответ Крафт. — В прошлый раз вы продемонстрировали мне отменное знание местных законов, поэтому я и решил обратиться за помощью именно к вам.

— Сделаю всё, что в моих силах, капитан! — Кубышка радушно указал гостю на кресло. — И в чём же ваша проблема?

— Я хочу отомстить капитану пиратского корабля, похитившему мою жену, — сразу перешёл к делу Крафт.

— Прекрасно понимаю вас, капитан, — не удивился услышанному Кубышка. — Но, чем же я могу вам помочь? Как вы знаете, я не могу открыть вам его имя. Таков закон!

Главный интендант с притворным сожалением развёл в стороны свои пухлые короткие руки.

— Да, я помню, — спокойно улыбнулся в ответ Крафт. — Но на Анархии есть и другой закон, и он позволяет вам обойти первый.

— Какой же? — Заинтересованно подался к нему Кубышка.

— Тот самый, что позволяет мне вполне легально и публично

отомстить своему обидчику. Вы же не будете отрицать, главный интендант, что похищением моей жены и выставлением её на торги мне нанесена обида?

— Вы требуете дуэли? — поразился Кубышка.

— Вот именно! — весело подмигнул ему Крафт. — И вы не можете мне в этом отказать.

— Вы — храбрый человек, капитан, — усмехнулся Кубышка. — Не наведи я о вас справки ранее, заподозрил бы сейчас в глупости. Надеюсь, вы хорошо подумали? Наши гладиаторские бои — не шоу. На арене сражаются насмерть.

— Я это знаю, главный интендант, — холодно ответил Крафт. — Потому и обратился прямо к вам. Я хочу, чтобы поединок состоялся послезавтра.

— К чему такая спешка, капитан? Надо же уведомить вашего противника, оповестить зрителей, провести рекламную кампанию на нашем канале телевидения. Все бои транслируются в прямом эфире, капитан.

— Это ваши проблемы, главный интендант, — невозмутимо ответил Крафт. — Бой должен состояться до аукциона. Если победит пират, мне не придётся смотреть, как продают мою жену. А если победа достанется мне, этот негодяя не получит своих денег и больше уже никому и никогда не причинит горя.

— И, к тому же, по закону победитель получит всё имущество побеждённого! — Алчно потёр руки Кубышка. — А вы — хитрец, капитан! Я вас недооценивал.

— О чём это вы? — нахмурился Крафт.

— Если победит пират, ему ничего не достанется, — усмехнулся главный интендант. — Потому что всё, что у вас тут есть, принадлежит Космофлоту Солнечной Федерации, даже форма, что сейчас на вас. Пират, как говорится, останется при своих. Зато в случае вашей победы, капитан, вам достанется первоклассный корабль и доля от продажи не только вашей жены, но и всей прочей добычи. Конечно, за вычетом долей команды. Учитывая всё это, ваши финансовые возможности в предстоящих торгах значительно возрастают. Вы, видимо, захотите, чтобы вашу жену выстав-

вили на продажу последней?

— Вы весьма проникательны, главный интендант, — процедил Крафт. — Я могу надеяться на вашу помощь?

— Конечно, капитан! — Расплылся в довольной улыбке Кубышка. — Я не могу нарушать законы Анархии и лишать её жителей развлечений. Гладиаторские бои, можно сказать, святое для нас. Готовьтесь, поединок состоится послезавтра, в полдень по местному времени. Вы обязаны прибыть на арену за час до этого, чтобы наши врачи и юристы могли проверить ваше здоровье, засвидетельствовать отсутствие принуждения и тому подобные формальности. Вы всё же здесь гость, капитан, и нам не нужны неприятности с Космофлотом Солнечной Федерацией в случае вашей гибели или увечья. Правила боя вы уже знаете?

— Правила? — удивился Крафт. — Разве есть какие-то правила?

— Только одно — никаких правил! — Захохотал Кубышка. — Кто останется жив, тот и победил. Ничьих не бывает.

— Что ж, меня это вполне устраивает. — Встал Крафт. — Не буду отнимать у вас время, главный интендант.

— Желаю удачи, капитан! — Прощально махнул ему пухлой рукой Кубышка. — Она вам понадобится. Не волнуйтесь, организацию поединка я беру на себя. Задействую все свои возможности.

— Я надеюсь на это, — усмехнулся Крафт и вышел.

Кубышка тут же нажал кнопку на селекторе.

— Белую Крысу ко мне! Быстро!

Открылась потайная дверь в комнату охраны, и вошла главная надсмотрщица.

— Хорошо разглядела его? — всё ещё улыбаясь каким-то своим мыслям, спросил главный интендант.

— Да, господин, — кивнула альбиноска.

— Уверена, что не видела этого человека раньше? Он не пытался проникнуть в женскую тюрьму?

— Уверена, господин. Никогда его не видела.

— Просмотри все уцелевшие записи борделя, где недавно

сгорела аппаратура наблюдения. Проверь, не посещал ли его этот федерал или его напарник. В их номере вчера точно так же отказала аппаратура. Не нравятся мне такие совпадения. Всё поняла?

— Да, господин.

— И не спускай глаз с той шлюхи, как её?

— Линда, господин.

— С Линды. И с жены этого федерала тоже!

— Да, господин.

— Убирайся!

Когда массивная фигура главной надсмотрщицы скрылась за дверью, Кубышка задумчиво пробормотал:

— Что же ты задумал, капитан Крафт? Не думай, что обманул меня. Я не спущу с тебя и твоего лейтенанта глаз, пока вы здесь, на Анархии. А потом, если выживешь, можешь брать на abordаж караван Халид-бея...

Победить в честной схватке у Крафта не было ни единого шанса. Пока плюгавый рефери в модном синем костюме-тройке, ослепительно белой рубашке и галстук-бабочке, радостно скалясь, неожиданно зычным голосом объявлял зрителям имена и физические данные гладиаторов, капитан внимательно рассматривал своего противника. По сведениям, найденным Смитом в космонете, собранных в барах Анархии и дополненных профессором Ивановым, Рыжий Пайк был опытным и безжалостным бойцом. Гориллоподобное тело пирата бороздили шрамы, полученные не только в смертельных abordажных схватках. Ещё подростком Рыжий Пайк не раз участвовал в уличных разборках молодёжных банд Нью-Йорка. Да, он родился на Земле, в одном из величайших городов колыбели Солнечной Федерации.

Повзрослев, Рыжий Пайк с успехом выступал на подпольных аренах Земли в нелегальных боях без правил. В конце концов, он однажды убил своего противника прямо на арене на глазах многочисленных зрителей. Его судили и приговорили к десяти годам тюрьмы. Но в это время войска Веганской Империи зна-

чительно потеснили Космофлот, захватили несколько звёздных систем Солнечной Федерации, и Рыжему Пайку предложили искупить вину кровью на передовой. Так этот отморозок оказался в десантных частях Космофлота, где его быстро обучили всем тонкостям абордажного боя, владению холодным и огнестрельным оружием, управлению десантными видами транспорта и прочим солдатским премудростям.

Однако жестокость и кровожадность Рыжего Пайка вскоре дали себя знать, и тот вновь попал под суд за зверские пытки и убийства пленных веганцев. Молодому десантнику грозил военный трибунал. Рыжий Пайк не стал его дожидаться. Он голыми руками убил конвоиров и с несколькими такими же отморозками, завербованными в армию в тюрьмах Федерации, захватил военный корабль и бежал на Анархию, где со временем и превратился в одного из самых рискованных и безжалостных пиратских капитанов.

И вот теперь этот негодяй стоял в десяти шагах от Крафта и приветственно махал знакомым на трибунах могучей ручищей. Оба гладиатора вышли на арену совершенно обнажёнными, чтобы зрители были уверены в отсутствии у них какого-либо иного оружия, кроме десантных ножей в руках. Как офицер Космофлота Крафт довольно неплохо владел приёмами рукопашного боя, но его умения и навыки, конечно, не шли ни в какое сравнение с мастерством Рыжего Пайка. А уж с ножом пират виртуозно обращался с раннего детства.

«Вам надо продержаться всего минуту, — вспомнил Крафт слова профессора Иванова. — Пусть охранники и узники женской тюрьмы прильнут к телеэкранам. Анна не должна засветиться».

«Легко ему говорить «всего минуту», — вдруг с раздражением подумал Крафт, воочию увидев своего врага. — Целую минуту! Так будет точнее. Шестьдесят секунд, которые во время смертельного боя растянутся на часы.

Капитан постарался подавить ненужные сейчас чувства, не дать ярости и ненависти заглушить голос разума, и, успокоив-

шись, вновь оценивающе посмотрел на врага.

Рыжий Пайк был весь в предвкушении боя. Он весело скалил крупные кривые зубы, приветственно махал знакомым на зрительских трибунах, словом — явно был в своей стихии. Его огромное, заросшее рыжим волосом тело, поражало первобытной мощью, бугрилось узлами мышц. Крафт рядом с пиратом смотрелся худосочным карликом, хотя на самом деле был вполне гармонично сложен и под два метра ростом. Регулярные упражнения в тренажёрном зале укрепили его тело, а участие в боях с веганцами закалило дух.

Наконец рефери убежал, и гладиаторы остались на арене один на один...

Входная дверь распахнулась, и в туалет ворвалась разгневанная Белая Крыса. За ней семенила, торжествующе ухмыляясь, Гиена.

— Какого чёрта вы тут делаете? — рявкнула главная надсмотрщица, подлетая к замершим в ужасе беглянкам и, не дождавшись ответа, приказала Гиене: — Проверь, нет ли здесь ещё кого-нибудь?

Та быстро пробежалась вдоль ряда дверей, проверяя кабинки.

— Итак? — Вперила полный ярости взгляд в жмущихся друг к другу рабынь главная надсмотрщица. — Сейчас вся Анархия смотрит гладиаторский бой. Вы оторвали меня от любимого зрелища. Этого я вам не прощу! Ты! — Белая Крыса концом рукояти плети ткнула Линду в живот. — Отвечай, что вы тут замышляете?

— Ничего, — согнувшись от боли, с трудом выговорила рабыня. — Просто нам не нравятся кровавые зрелища. В камере очень шумно, вот мы и пришли сюда, чтобы спокойно поговорить.

— Ты! — Повела плетью в сторону Марии главная надсмотрщица. — Отвечай!

— Девочки хотели узнать, что сейчас носит молодёжь Федерации...

— Ты! — Кончик плети коснулся груди Елены.

— Да, — пролепетала та в испуге. — Я хотела рассказать об имперской моде.

— Никого нет! — Подбежала, возбуждённо поблескивая маленькими чёрными глазами, Гиена.

— Зови охрану, — приказала ей главная надсмотрщица. — Пусть запрут эту троицу в карцер. Я потом с ними разберусь. Может, успею ещё увидеть концовку гладиаторского боя.

— Да, госпожа! — Угожливо склонилась в поклоне Гиена и направилась к выходу.

— Стой, подлая шпионка! — вдруг, в отчаянии, крикнула Линда. — Ты никуда не пойдёшь.

Она подскочила к остановившейся в удивлении Гиене, схватила её за узкие плечи и несколько раз с силой ударила головой о стену. Глаза надсмотрщицы закатились, тонкие ноги подкосились, и Гиена, потеряв сознание, сползла на пол.

— Ах, ты!.. — Белая Крыса, опомнившись, в ярости взмахнула могучей ручищей. Свистнула плетью, и Линда рухнула рядом с Гиеной.

Взвизгнув, Мария прыгнула главной надсмотрщице на спину. Обхватив длинными ногами поясницу звероподобной бабы, она по-борцовски зажала сгибом правой руки в локте её толстую короткую шею и начала душить. Белая Крыса взревела и завертелась на месте, пытаясь сбросить с себя оседлавшую её рабыню, но та держалась крепко.

Елена подбежала к Линде и склонилась над ней. Глаза несчастной были широко открыты, но жизнь из них уже ушла. На виске алел след от удара свинчатки, вплетенной в кончик плети главной надсмотрщицы. Елена села на пол, взяла в ладони безжизненную руку Линды и заплакала. За спиной что-то кричала Мария, жутко хрипела Белая Крыса, но девушка никак не могла заставить себя встать и покинуть остывающее тело Линды.

— Лена! — звала Мария. — Помоги мне!

Белая Крыса ударила ею о стену.

— Лена! — в отчаянии вскрикнула в последний раз Мария.

Белая Крыса, разжала ослабевший захват ошеломлённой ударом рабыни, и та кубарем покатилась по полу, сброшенная, как неопытный наездник со вставшей на дыбы лошади. Главная надсмотрщица жадно глотала раскрытым ртом воздух. Багровое лицо её перекосила злобная гримаса, сквозь растрепавшиеся белесые космы люто горели красные глаза.

— Я покажу вам... — невнятно прохрипела Белая Крыса, потирая левой рукой горло. Потом в ярости взмахнула правой. Вновь раздался свист плети, и Мария завопила от боли, схватившись за лицо. Елена с ужасом увидела, как из-под пальцев подруги потекли ярко-красная кровь и остатки того, что ранее было красивым зелёным глазом.

Главная надсмотрщица продолжала хлестать корчившуюся у её ног Марию, как вдруг за её спиной распахнулась дверь последней кабинки и оттуда вышла короткостриженная блондинка в военном имперском камуфляже без знаков различия. Елена, вздрагивавшая от каждого удара, достававшегося Марии, смахнула слёзы и с облегчением всхлипнула:

— Анна! Наконец-то!

Главная надсмотрщица резко обернулась, её злобно сощуренные кроваво-красные глазки широко распахнулись от удивления.

— А ты ещё кто такая? Откуда взялась?

Блондинка, не отвечая, протянула изящную руку, небрежно взяла ошеломлённую Белую Крысу за горло и легко повернула кисть. Раздался громкий хруст, и главная надсмотрщица безжизненной грудой рухнула на пол. Анна легко подняла потерявшую сознание Марию и протянула руку Елене.

— Пора домой.

...«Я должен продержаться шестьдесят секунд, — напомнил себе Крафт и начал мысленный отсчёт. — Потом я убью эту гориллу».

Громко прозвучал сигнал гонга, и Рыжий Пайк ринулся вперёд. Крафт отскочил в сторону и бросился бежать. Зрители разо-

чарованно завопили. Раздался оглушительный свист. Капитан остановился. Пират и не думал преследовать его. Он хохотал, картинно кланялся публике и делал оскорбительные жесты в адрес Крафта.

«Двенадцать, тринадцать... — считал про себя капитан. — Что ж, сволочь, покрасуйся пока. Это хорошо, что ты за мной не побежал. Не торопись в бой, время пока не вышло».

Крафт стоял и, не обращая внимания на презрительные выкрики зрителей, ждал нападения. Поняв, что противник не собирается атаковать сам, Рыжий Пайк вразвалочку двинулся к нему.

— Куда бежишь, капитан? — прорычал он. — Я думал, ты не трус, раз бросил мне вызов.

Не отвечая, Крафт попятился. Он старался сохранить дистанцию в пять метров между собой и надвигающимся пиратом. Тот ускорил шаг, капитан тоже, и вскоре оба бежали вокруг арены. Над трибунами стояли оглушительный вой и свист. Наконец Рыжий Пайк остановился. Крафт тоже. Оба тяжело дышали и с ненавистью смотрели друг на друга. Рыжая шерсть пирата потемнела, от него несло животным мускусом и едким потом. Рыжий Пайк больше не улыбался.

— Чего же ты всё бегаешь, капитан? — прохрипел он. — Рассчитываешь загнать меня до смерти?

«Сорок восемь, сорок девять...» — продолжал мысленно вести счёт Крафт.

— Ну же, капитан, — продолжал хрипеть Рыжий Пайк. — Мужчина ты или нет? Не позорь Космофлот!

«Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, пора!»

Крафт попытался плюнуть на лезвие ножа, но рот был пуст, горло пересохло от волнения и бега.

«Вам не победить Рыжего Пайка в честном бою, — всплыл в памяти Крафта спокойный голос профессора Иванова. — Но я увеличу ваши шансы. Мы отравим пирата ещё до дуэли.

— Но будет медосмотр перед боем...

— Врач ничего не обнаружит! — Лукаво улыбнулся профес-

сор. — В крови Рыжего Пайка будет только одна из составляющих яда, сама по себе совершенно безвредная. Вторую часть, тоже совершенно безвредную, вы, капитан, выпьете перед боем. Прдержитесь одну минуту, а затем просто плюньте на лезвие своего ножа. Если вам удастся хотя бы поцарапать им Рыжего Пайка, обе части яда соединятся, и пират потеряет сознание на несколько секунд. Это ваш единственный шанс, капитан, уйти с арены живым. Не упустите его. Помните, через несколько секунд яд разложится на безвредные составляющие, и пират очнётся».

— Дьявол! — выругался Крафт, безуспешно пытаясь вызвать слюноотделение. Хитроумный план профессора летел к чёрту. — Иди ко мне, горилла! — вызывающе крикнул капитан поигрывающему ножом пирату. — В любом случае, я уже победил.

— Неужели? — Хищно оскалился Рыжий Пайк и бросился на Крафта.

Атака была столь стремительна, что капитан с трудом увернулся. Пират был чудовищно силён и невероятно проворен. Серии ударов следовали одна за другой, Крафт с трудом успевал их парировать и вскоре, выронив нож, кубарем покатился по земле. Вскочив на ноги, капитан замер в бойцовской позе. Но пират не спешил его убивать. Широко раскинув могучие ручки, он красовался перед восторженно орущей публикой.

Крафт огляделся в поисках своего ножа, но увидел только красные пятна на белом пластике арены.

«Кровь? — удивился он. — Чья?»

И вдруг почувствовал жжение в левом боку. Там тянулась длинная, обильно кровоточащая полоса.

— Ну что, капитан, продолжим? — насмешливо крикнул ему Рыжий Пайк и картинно лизнул длинным языком кровь с лезвия ножа.

Крафт, не отвечая, ждал скорой смерти. Пират бросился на него. Капитан поднырнул под ручищу с ножом, перехватил её и попытался заломить за спину врага. Он приложил все силы на то, чтобы вырвать у пирата нож. Но Рыжий Пайк вдруг сам небрежным движением кисти отбросил нож, легко освободился

от захвата и сжал Крафта могучими руками в борцовском объятии так, что у того затрещали рёбра.

— Мне не нужен нож, чтобы убить тебя, капитан, — насмешливо прорычал пират, обдавая лицо Крафта зловонием изо рта. — Я раздавлю тебя, как клопа. Сломаю хребет, потом ноги и руки и в конце сверну шею.

Крафт не собирался сдаваться. Он попытался ударить головой пирата в лицо, но тот легко увернулся. Капитан напряг все мускулы, стараясь вырваться из чудовищных объятий и вдруг понял, что с Рыжим Пайком что-то не так. Пират просто повис на нём, дыхание его прервалось, в выпученных глазах застыло удивление.

«Яд! — догадался Крафт. — Этот кретин слизнул с лезвия ножа мою кровь и тем самым отравил себя!»

Не теряя времени, капитан классическим броском швырнул безвольное тело Рыжего Пайка через себя. Мгновенно оседлав врага, Крафт нанёс сильный удар раскрытой ладонью тому в лицо, вогнав кости носа в мозг. Рыжий Пайк умер мгновенно. Капитан с трудом встал. Его тошнило, все мышцы тела мелко вибрировали, в глазах стоял туман, а в ушах морским прибоем шумела кровь. Крафт впервые убил человека голыми руками.

На арене вдруг появилось множество людей. Лейтенант Смит подхватил Крафта с одной стороны, с другой — тряс его руку, задрав её вверх, и что-то верещал плюгавый рефери. Рядом с телом Рыжего Пайка копошились врачи и охранники. На трибунах бесновались зрители...

В коридоре загрохотали солдатские сапоги, дверь резкопахнулась, и в номер ввалились пятеро вооружённых автоматами охранников. Двое из них немедленно взяли на мушку замерших на месте Крафта и Смита, остальные профессионально проверили спальню и ванну.

— Чисто! — громко крикнул охранник с сержантскими нашивками, и в комнату быстро вошёл главный интендант Анархии. Потный от спешки и красный от злости, Кубышка удивитель-

но плавной и лёгкой для его заплывшего жиром тела походкой прошёл к ближайшему свободному креслу и сел.

— Мне сообщили, что вы решили немедленно покинуть нашу станцию, капитан, — нарочито спокойно сказал он и взмахом руки пригласил хозяев номера сесть. — А как же ваша красавица-жена? Торги уже завтра.

— Я вряд ли смогу победить Халид-бея, — хмуро ответил Крафт. — А что у вас случилось, главный интендант? Нашу гостиницу всего полчаса назад обыскали, как говорится, сверху до низу.

— Сбежало несколько рабов, — злобно усмехнулся Кубышка. — Поэтому сейчас охрана обыскивает всю станцию, а не только вашу гостиницу.

— Вот как? — Сделал удивлённое лицо Крафт. — А зачем вы пришли к нам, да ещё лично?

— Вы же подали заявку на вылет. — Хищно взглянул на него Кубышка. — Ответственность перед гражданами Анархии за сбежавших рабов лежит на главном интенданте, то есть — на мне. Поэтому, никто не покинет станцию без моего разрешения. Так что, капитан, мои люди должны обыскать ваш корабль.

— Это незаконно! — вполне искренне возмутился Крафт, хотя и ожидал подобного развития событий. — Мой корабль — это территория Солнечной Федерации.

— Только не здесь, капитан, — злобно усмехнулся Кубышка. — Не забывайте, где вы находитесь. Впрочем, если вы передумали улетать и решили подождать, пока мои люди найдут беглецов...

— Нет, — сдаваясь, пробурчал Крафт. — Вынужден подчиниться насилию. Вы же всё равно обыщите мой корабль, не так ли, главный интендант?

— Приятно иметь дело с разумным человеком! — Легко подняв своё массивное тело из низкого кресла Кубышка, и Крафт впервые подумал, что тот отнюдь не случайно стал одним из пяти тайных правителей пиратской республики. Очевидно, под слоем жира у главного интенданта имеются стальные мускулы,

а за простоватой внешностью скрывается недюжинный ум.

— Пит, смотри, кого я к тебе привёл! — весело вскричал лейтенант Смит и, посторонившись, пропустил в комнату двух девушек.

Давно небритый, измученный бессонными ночами Крафт вскочил с кресла.

— Анна! Госпожа Иванова!

— Просто — Лена, — смущённо улыбнулась ему стройная девушка в серебристом облегающем платье.

— Какими судьбами в наших краях? — спросил Крафт, любезно предлагая гостям сесть.

— Проездом.

Елена непринуждённо расположилась в кресле и с интересом начала разглядывать явно запущенную, давно не видевшую женской руки гостиную. Анна осталась стоять у входной двери, зорко следя за происходящим. Лейтенант Смит по-хозяйски открыл бар, достал бутылки с напитками, быстро расставил бокалы на круглом столе, стоящем посреди комнаты как гигантский гриб.

— Что вам налить? — обратился он Елене.

— Какой-нибудь сок.

— Ну, а твои вкусы я знаю, — хмыкнул в сторону Крафта Смит и быстро наполнил бокалы. — Анна, может, всё же присоединитесь к нам?

Андроид отрицательно качнула головой.

— Жаль, — ничуть не расстроившись, сказал Смит и поднял бокал. — Итак, за встречу!

— Как ваши дела, Пётр Андреевич? — участливо спросила Елена, когда все выпили. — Как себя чувствует Маша?

— Всё хорошо! — бодро ответил Крафт.

— Ну, зачем ты врёшь? — с досадой воскликнул Смит. — Какой смысл скрывать то, что всем известно?

— Майк! — предостерегающе поднял руку Крафт.

— Ты забыл, чья Елена дочь?

— Это ты забыл...

— Не волнуйтесь, Пётр Андреевич, — вмешалась в спор гостя. — Анна нейтрализовала все шпионские штучки в вашем доме, прежде чем я вошла в него.

— Но...

— Всё в порядке, Пётр Андреевич, аппаратура работает, Анна не стала жечь её. Но наблюдатели видят запись, как вы сидите в своём кресле и читаете книгу.

— Вот как? — успокоился Крафт. — Это радует. И давайте отбросим этот официоз и перейдём на ты. Думаю, то, что мы пережили на Анархии, связывает гораздо крепче, чем выпитый на брудершафт бокал вина.

— Согласна! Так как твои дела?

— Честно говоря, не очень, — нахмурился Крафт. — По возвращении меня сначала тайно повысили в звании сразу до полковника, а потом публично наградили за уничтожение Анархии орденом «Герой Солнечной Федерации». Ведь не мог же простой капитан уничтожить пиратскую крепость, которую и генералы не рисковали штурмовать! Я устроил Машу в лучшую клинику, где ей должны на днях имплантировать новый глаз и привести нервы в порядок.

— Поздравляю, господин полковник! — радостно улыбнулась Елена.

— Не спеши, — отмахнулся Крафт. — Через неделю после того, как отгремели торжества, меня лишили звания, всех наград и вышибли из Космофлота с «волчьим билетом» за превышение полномочий, чуть не приведшее к срыву перемирия с Веганской Империей, и недостойное офицера поведение — дуэль с известным пиратом в голом виде. Все мои сбережения ушли на оплату врачей. Этот домик на окраине города, куда мы с Машей были вынуждены переехать из центра, тоже выставлен на продажу. Новый глаз для Маши уже выращен в генетической лаборатории больницы, но денег на операцию всё равно не хватает. Спасибо вот Майку — даёт недостающую сумму.

— А, ерунда! — криво улыбнулся Смит. — Предки оставили

мне кое-какие средства. Я пока не женат, получаю жалованье — Пит показал на следствии, что это он приказал мне сопровождать его на Анархию. Так что денег мне пока хватает. Конечно, карьеру мне теперь в Космофлоте не сделать, но, по крайней мере, у меня есть работа.

— Что ж, — сочувственно улыбнулась Крафту Елена. — Мой папа так и предполагал, когда увидел, что твоё имя вдруг исчезло из списков офицерского состава Космофлота.

— Не надо меня жалеть! — вспыхнул Крафт. — Мне плевать на ордена и должности. Главное — моя Маша жива, скоро будет здорова, и мы с ней снова будем вместе.

— А как дела у профессора? — поинтересовался Смит, гремя кубиками льда в своём бокале.

— Прекрасно! — ответила Елена. — Он тоже ушёл со службы. Нет, папу не выгнали, ведь никто не знал о его участии в событиях на Анархии. Официально мы всё то время отдыхали с ним на одном из отдалённых курортов Империи. А когда вернулись домой, папа попросился на пенсию. Плохое здоровье, и всё такое...

— Жаль это слышать, — сказал Смит. — Мне профессор казался довольно бодрым и...

— О, вы меня не так поняли, — засмеялась Елена. — Папа совершенно здоров! Он просто больше не хочет работать на военные проекты Империи. Оборудовал себе небольшую лабораторию в одном из зданий нашего имения и занимается в ней теми исследованиями, которые интересны ему самому.

— Очень рад за него, — искренне сказал Крафт. — А как ты себя сейчас чувствуешь?

— Хорошо, — бодро ответила Елена. — Я очень смутно помню последние дни на Анархии. Смерть бедной Линды и ужасная рана Марии так потрясли меня, что папа вынужден был держать меня с помощью лекарств в полусонном состоянии. Вы, наверно, и сами это знаете?

— Конечно, — кивнул Крафт. — Ты же провела несколько часов на нашем корабле, когда люди Кубышки обыскивали ваш.

— Мы действительно полетели потом на ту отдалённую планету, где я вынуждена была провести пару недель в одном из санаториев, пока окончательно не пришла в себя. Анна подправила тамошние регистрационные записи так, будто мы с папой находились на этом курорте и во время событий на Анархии. Пришлось, конечно, и заплатить кое-кому за молчание и поддержку. Словом, когда к нам позднее, уже дома, пришли люди из соответствующей имперской службы с вопросом, почему одна из выставленных пиратами на торги рабынь очень похожа на меня, папа просто пожал плечами.

— В мире много похожих людей, — ответил он. — Потому и столь популярны шоу двойников.

Елена рассмеялась и сделала несколько глотков из бокала, который нервно сжимала во время рассказа в ладонях.

— Не знаю, поверили ли нам, — продолжила она. — Но больше пока не беспокоили, и когда папа в очередной раз попросился на пенсию, его не стали удерживать, хотя ранее всегда отклоняли такие просьбы.

— Мы с Майком, конечно, никогда не упоминали о вас с профессором во время многочисленных допросов и интервью, — сказал Крафт. — Да нам до сих пор так и не известны ваши настоящие имена!

— Спасибо вам за это, — горячо поблагодарила Елена. — Нас с папой легко бы вычислили, и никакие курортные записи бы не спасли! А зовут меня, действительно, Лена. Точнее — Элен. Но это же не важно?

— Конечно! — поддержал её Смит, наполняя опустевшие бокалы. — А фамилию ты всё равно скоро сменишь.

— Зачем? — удивилась Лена.

— Так замуж выйдешь! Как тебе нравится, например — Элен Смит?

Все, кроме Анны, засмеялись.

— Не могли бы вы рассказать мне о гибели Анархии? — попросила Елена. — Я ж тогда была, можно сказать, растением: спала, ела и ничего не соображала. А папа старается избегать эту

тему, боится тревожить меня. Я, конечно, видела официальные репортажи, но кто же им верит?

— Да, в общем-то, всё было почти так, как показывали в теле-репортажах, — нерешительно начал Смит, вопросительно посмотрев на Крафта. Тот пожал плечами и кивнул — продолжай, мол. — Торги прошли в намеченный срок. Вас с Машей на них, конечно, не было. Объяснили это «резким ухудшением здоровья из-за неудачных попыток самоубийства». Такие случаи на Анархии случались и раньше. С бедной Линдой, например. Так что никто не удивился.

Люди Кубышки раз за разом безуспешно обыскивали станцию и корабли, власти Анархии никого не выпускали, даже Халид-бея. Люди начали роптать, всеобщее недовольство действиями главного интенданта нарастало. Мы тоже сильно нервничали, опасаясь за твоё и Машино здоровье. И профессор приказал Анне выложить в космонет от имени Кубышки секретные сведения о том, как пираты финансировали избирательную кампанию нашего президента и военные походы вашего императора. Оказалось, что такие записи действительно хранились среди секретных файлов личного компьютера Кубышки.

— Так это сделала ты, Анна? — с удивлением посмотрела на андроида Елена.

— Нам всем очень хотелось отомстить Кубышке, — смущённо пояснил Крафт.

— Что тут началось! — с воодушевлением продолжил рассказ Смит. — Президент заявил, что обнародованные документы — фальшивка, и приказал Космофлоту уничтожить Анархию. Император тоже отрицал любые связи с пиратами и в свою очередь объявил им войну. Два сильнейших военных флота двинулись к Анархии, и на станции начался сущий ад! Буквально все гости и даже некоторые пиратские экипажи хотели как можно скорее убраться подальше от обречённой станции, но охрана никого не выпускала. Боевые лазеры держали под прицелом всех и вся.

Мы с помощью Анны, подключившейся к тайным сетям наблюдения пятёрки главарей Анархии друг за другом, были

в курсе всех происходящих событий и планов пиратской верхушки. О беглых рабынях все забыли, даже Кубышка. Главари спорили о том, использовать ли им гостей в качестве живого щита или нет? Кроме Халид-бея, главного евнуха Императора, на Анархии, как оказалось, в это время тайно находился и Андрэ Кикумори, личный представитель президента Солнечной Федерации, прибывший просить очередную порцию спонсорской помощи! Пиратам было заманчиво иметь на руках два таких козыря.

С другой стороны, именитые гости имели при себе немалую охрану. Их люди могли стать пятой колонной, и поэтому придётся отвлечь значительные силы на нейтрализацию возможного удара в спину, когда к Анархии приблизятся военные корабли Федерации и Империи. То же самое касалось и всех остальных гостей и ненадёжных пиратских экипажей.

В конце концов, главари решили пригласить к себе на совет Халид-бея и Кикумори. Кубышка клялся им, что это не он вбросил в космонет секретные материалы, но ему никто не верил. Главари Анархии попросили Халид-бея и Кикумори донести до их властителей, что война никому не принесёт пользы. Надо как-то привести возникшую ситуацию ко взаимовыгодному состоянию. Пиратская республика в лице главного интенданта объявляется публично подтвердить, что обнародованные документы о связях глав Империи и Солнечной Федерации с пиратами Анархии — фальшивка, провокация, направленная на то, чтобы ввергнуть мир в бессмысленную войну.

— Мы даже готовы пойти на материальную компенсацию за причинённый моральный ущерб, — выдавил из себя на этой встрече Кубышка. — В разумных пределах, конечно.

Короче говоря, ворота Анархии открывались для кораблей Халид-бея и Кикумори. Все остальные гости должны были остаться в качестве заложников. Нас это никак не устраивало. Опять затяжка времени. А если пираты договорятся о мире и компенсациях, то опять вспомнят о сбежавших рабынях и начнут их поиск. Но даже если этого не произойдёт, и пираты на радостях всех выпустят, любой корабль, покидающий Анархию, наверняка обя-

зательно проверяют либо федералы, либо имперцы. А профессор не мог допустить, чтобы его захватили и узнали, и поэтому он предложил нам новый план побега. Кровавый план. Но только в хаосе всеобщей битвы могла появиться возможность скрыться без досмотра. И мы организовали такой хаос...

Смит закашлялся и потянулся к своему бокалу.

— И то же вы сделали? — нетерпеливо спросила Крафта Елена.

— Мы с Анной отправились на корабль Рыжего Пайка, — нехотя продолжил рассказ Крафт, давая Смиту возможность отдохнуть и смочить пересохшее горло. — Ведь теперь это был мой законный трофей. Команда собралась в кубрике и как раз занималась выборами нового капитана. Пираты не собирались отдавать корабль мне. Думали, война с Федерацией спишет им нарушение законов Анархии. Они хотели свергнуть меня и захватить в плен, как представителя вражеской армии. Анна перенесла нас прямо в рубку, и мы слышали споры пиратов по включенной трансляции.

Я заблокировал дверь в рубку, и как только ворота космопорта открылись, выпуская караван Халид-бея и личную яхту Кикиморы (другого имени этот подонок не достоин), Анна запустила двигатель, мы вклинились в строй выходящих в космос кораблей, благо находились с ними в одном ангаре. На вызовы охраны мы не отвечали, в дверь рубки колотили чем-то тяжёлым, она стала краснеть, раскаляясь — видимо, пираты палили в неё из бластеров. Как только мы вышли в открытый космос, я включил связь и увидел на экране разъярённого Кубышку.

— Капитан Крафт! — в ярости прорывал он. — Так это вы? Немедленно вернитесь. Ели вы попытаетесь покинуть Анархию без разрешения, я прикажу боевым лазерам порезать ваш корабль на мелкие кусочки.

— Мы в мёртвой зоне, главный интендант, — ответил я. — Ваши лазеры меня не достанут. И я вышел с вами на связь только для того, чтобы вы не искали больше ни меня, ни мою жену. Этот пиратский корабль вовсе не собирается покидать Анархию.

Ждите нас!

Я отключил связь. Анна быстро запрограммировала бортовой компьютер, и мы телепортировались назад, в мою каюту, где нас с нетерпением ожидали Мария и Майк. Сдав меня с рук на руки, Анна исчезла. Видимо, вернулась на ваш корабль.

Дальнейшее не раз транслировали все телеканалы как Федерации, так и Империи. Пиратский корабль, ведомый запрограммированным Анной автопилотом, всё более ускоряясь, полетел прямо на центральный шар станции. Халид-бей записал эту атаку и неплохо заработал на продаже телеканалам. Взрыв атомной электростанции Анархии уничтожил правящую верхушку пиратской республики и превратил боевые лазеры в груды бесполезного металла. Сверкающее огнями «колесо» станции погасло. Пленённые на космодромах корабли разнесли ракетами двери ангаров и вырвались в космос. Началось массовое паническое бегство. Мы тоже не стали ждать и рванули навстречу армаде Космофлота. Теперь от вас мы узнали, что и профессору удалось незаметно скрыться. Вот так вот всё и произошло.

Разумеется, на допросах мы с Майком говорили, что я в последний момент покинул пиратский корабль на спасательной шлюпке. Про Анну, конечно, никогда не упоминали. Как и про телепортацию, в тайну которой профессор нас так и не посвятил.

— Ну, думаю, я могу теперь немного приоткрыть вам завесу. — Смущённо взглянула на Анну Елена. — В общих чертах, конечно, потому что все подробности папиного изобретения мне тоже не известны. Что вы знаете о теории суперструн, о бранах?

— Ничего, — в замешательстве признался Крафт и вопросительно взглянул на Смита.

— Я тоже в музыке не очень разбираюсь, — пожал плечами Майкл.

— Музыка тут ни при чём, — улыбнулась Елена. — Теория суперструн утверждает, что кроме известных нам трёх измерений — длины, ширины и высоты — должны существовать и другие.

— А как же время? — оживился Смит. — Оно же, вроде, счи-

тается четвёртым измерением.

— Речь о пространственных измерениях, — пояснила Елена. — А время — это из другой оперы. Так вот, по теории струн мы, трёхмерные существа, живём в трёхмерном пространстве-бране, которое в свою очередь погружено в четырёх, пяти или более мерное пространство. Но эти дополнительные измерения нам пока недоступны. Предполагается, что там действуют совершенно иные энергии и поля.

— Параллельные миры? — с умным видом спросил Смит.

— Можно и так сказать, — кивнула Елена. — Есть мнение, что так называемые «летающие тарелки», которые люди часто наблюдают в космосе и на планетах, как раз и есть гости из соседних измерений.

— Всё это, конечно, интересно, — вздохнул Крафт. — Но я не вижу связи...

— Ладно, оставим теории, — с облегчением сдалась Елена. — Мой папа занимался в одной из секретных лабораторий Империи изучением остатков потерпевшей крушение «летающей тарелки». Прорваться в соседнюю брану не удалось. Видимо, не хватает энергии. Создаётся некий канал, но из-за недостатка мощности, он загибается петлёй и ведёт назад, в нашу брану, но в другое место. Чем не телепортация?

— Но нас перемещала Анна! — в недоумении ответил Крафт. — Неужели в её теле профессору удалось поместить мощнейший источник энергии?

— А это и есть папин секрет, который он не открыл никому! — торжествующе воскликнула Елена. — В корпусе Анны вмонтирован аккумулятор совершенно иной, пока неизвестной в официально науке энергии. Именно она позволяет перемещаться между бранами. Но, конечно, этот аккумулятор недостаточно ёмок и позволяет создавать канал не более ста километров. Будь иначе, друзья, папе не понадобилась бы ваша помощь для моего спасения. А заряжает этот аккумулятор установка, разработанная папой в его домашней лаборатории. Она спрятана в двигательном отсеке нашего корабля. Прорваться в параллельный мир,

побывать в соседней бране — заветная папина мечта.

— Что ж, — сказал Крафт. — Желаю профессору успеха в его работе. Я твоему отцу по гроб жизни обязан: без его помощи мне никогда не удалось бы освободить Машу. А все наши денежные проблемы в сравнении с этим — ерунда! Раз мы вместе, то преодолеем и их.

— Так для этого я и нашла вас! — воскликнула Елена. — Ведь и папа без вашей помощи вряд ли бы смог спасти меня.

Она обернулась к стоящей у дверей Анне и нетерпеливо махнула ей рукой. Та подошла, вынула из внутреннего кармана комбинезона два маленьких конверта, отдала их Елене и вернулась на свой пост.

— Вот, это папа просил передать вам. — Елена положила конверты на стол. — Здесь номера счетов в некоторых трансгалактических банках и пароли к ним. Счета номерные, на предъявителя, так что у вас не будет никаких проблем с получением денег.

— Не понимаю, — нахмурился Крафт. — Профессор решил заплатить нам, как наёмным работникам, что ли?

— Конечно, нет, — смутилась Елена. — Как ты мог такое подумать?

— Тогда, что это за деньги? — требовательно спросил Крафт.

— Эй, друг, полегче! — примирительно вмешался Смит. — Я уверен, профессор не хотел нас оскорбить. Просто он узнал о наших проблемах и решил помочь. Так ведь, Леночка?

— Конечно! — горячо откликнулась девушка. — Отцу и в голову бы не пришло обижать тех, кто помог спасти меня.

— Спасибо! — Нехотя взял один из конвертов Крафт. — Передай профессору: мы обязательно вернём всё, что потратим. Я не знаю, когда это будет, но...

— Вы меня опять неправильно поняли, — смущённо перебила его Елена. — Это — ваши деньги. Вы ничего моему отцу не должны!

— Наши? — удивился Крафт. — Не понимаю...

— Папа просил вас напомнить о счетах, на которых главари Анархии держали свои личные деньги. А также о тайных счетах,

с которых финансировались предвыборные кампании вашего президента и военные походы нашего императора. После гибели Анархии, эти средства лишились своих хозяев. А Анна, как оказалось, успела во время слежки за Кубышкой и его партнёрами узнать и скопировать в свою память не только личные тайны пиратской верхушки, но и их финансовые секреты. В конвертах — ваши доли. Можете считать эти деньги законным трофеем или компенсацией за потери и пережитое.

Смит вскрыл свой конверт и присвистнул.

— Ай, да профессор! Да тут столько, что и мои будущие внуки не смогут полностью потратить.

Он в возбуждении вскочил и бросился к бару.

— За это надо обязательно выпить! И не вздумай, Леночка, настаивать на соке. Такую новость надо отмечать хорошим вином.

— Так ведь вино, Майк, этот тоже в своём роде сок! — Весело рассмеялся Крафт. — Леночка, а Анна когда-нибудь пьёт?

ПРОБЛЕМА ВЕСА

Рыцарь с трудом сполз с седла. Дальше придётся идти пешком — склон горы становится слишком крут для коня-тяжеловеса и к тому же густо зарос каким-то колючим кустарником. Логово дракона где-то там, наверху. Вот и бурный ручей, который приведёт рыцаря прямо к пещере с сокровищами. Мальчишка-оруженосец, наслушавшись в последней таверне рассказов об огромном огнедышащем драконе, о десятках рыцарей, отправившихся на гору за сокровищем, которое сторожит чудовище, но так и не вернувшихся назад, в последнюю минуту струсил и наотрез отказался сопровождать Питера дальше. Виновато отводя глаза, он трясущимися руками помог рыцарю нацепить тяжеленные доспехи, крепко затянул кожаные завязки панциря, прикрепил к седлу копьё, шлем, щит, меч и небольшой бурдюк с вином. Из-за этого трусливого негодяя Питер последний час плавал в собственном вонючем «соку» внутри раскалившегося на летнем солнце железного панциря, потому что без помощи оруженосца, он вряд ли смог бы надеть его перед боем с драконом.

Подойдя к весело журчащему ручью, рыцарь, лязгая поножем о камни, опустил на одно колено и умылся ледяной водой. Дышать сразу стало легче.

— Интересно, — подумал Питер, — откуда местным крестьянам известно, что этот ручей протекает совсем рядом с пещерой дракона? Никто, ведь, живым с этой горы так и не вернулся!

Рыцарь снял с коня своё нехитрое имущество и с помощью старого шерстяного плаща попытался увязать его в тюк. Похлопав напоследок по холке флегматично жующего прибрежную травку коня, Питер, кряхтя, взвалил тюк на спину и двинулся в гору по протоптанной его предшественниками тропе вдоль берега ручья. Очень мешало длинное двухметровое копьё. Оно

цеплялось за ветви кустарника, именно вдоль его древка из тюка регулярно что-нибудь обязательно выпадало: перчатка, шлем или кинжал. Карабкаться в гору в раскалённом тяжёлом панцире было и так весьма не легко, поэтому рыцарь не раз проклял своего трусливого оруженосца, когда ему приходилось возвращаться назад за выпавшей вещью и заново увязывать дырявый тюк.

Рыцарю казалось, что время остановилось, и он уже неделю карабкается в нескончаемую гору под палящими лучами остановившегося в зените солнца. У Питера было чёткое ощущение, что это не горный ручей шумит на камнях, а хлупают лужицы пота в его стареньких сапогах. Уронив на землю тюк, рыцарь неожиданно хрипло закашлялся. Его давно пересохшее горло вместо хрустально чистого горного воздуха втянуло порцию отвратительной трупной вони.

— Дошёл! — понял рыцарь.

Ручей здесь делал резкий изгиб и исчезал за нависающим над ним скальным выступом. Берега ручья были густо усыпаны костями, кусками гниющей плоти, ржавыми остатками доспехов и оружия.

Питера замутило. Он нагнулся к ручью, но увидел, что дно того тоже усеяно жуткими останками его предшественников — охотников до чужих сокровищ. Резкий изгиб русла, пороги и железо доспехов не дали воде унести вниз ужасные свидетельства былых сражений. Питер не стал пить отравленную воду. Жажда была невыносима, но рыцарь оставил бурдюк с вином, притороченным к седлу коня. Зачем было его тащить, если путь к пещере дракона пролегал в непосредственной близости от горного ручья? Сдерживая тошноту, рыцарь вернулся немного назад, туда, где можно было дышать чистым воздухом, сел на прибрежный валун и развязал свой тюк. Убедившись, что все вещи на месте, и ничего не потеряно по дороге, Питер, сдерживая отвращение, осторожно вошёл в ручей и лёг на спину. Ледяная вода почти мгновенно охладила раскалённые доспехи и смысла усталость. Дождавшись момента, когда зубы начали

выбивать от холода дробь, рыцарь встал, встряхнулся, как собака — хорошо подогнанные доспехи не гремели. Питер справил нужду прямо в ручей, с усмешкой рассудив, что тот не станет от этого грязнее, и, стараясь не поскользнуться на мокрых камнях, вышел на берег.

Расстелив на горячих камнях плащ, рыцарь улёгся на него и расслабился. Он решил отдохнуть и набраться сил перед боем с чудовищем. Очень хотелось есть, пить и спать, но как только жгучее солнце высушило одежду и доспехи рыцаря, тот встал, ещё раз умылся из ручья, стараясь не слизывать капли с губ, надел тяжёлый шлем с узкими прорезями для глаз, толстые кожаные рукавицы, обшитые металлическими пластинками, нацепил на левую руку небольшой продолговатый щит, хотел прицепить к поясу меч, но подумал, что тот при ходьбе будет греметь о доспехи и цепляться за ветви кустов. Вздыхнув, рыцарь взял в левую руку копьё, в правую — меч и осторожно пошёл вдоль ручья, безуспешно стараясь не наступать на гниющие останки.

Обогнув скальный выступ, Питер раздвинул густые ветви прибрежного кустарника и увидел в десятке метров за ним тёмный зев пещеры. Оказывается, ручей вытекал прямо из неё. Рыцарь не собирался лезть в логово дракона. Он хотел подстеречь, когда чудовище приползёт к ручью на водопой, и убить его. Теперь хитрый план Питера рухнул.

— Что ж мне так не везёт-то?! — прошипел сквозь сжатые зубы рыцарь. — Оруженосец — трус, доспехи пришлось тащить самому, еды нет, питья нет, и план боя с драконом теперь новый нужен.

В раздражении рыцарь пнул трухлявое бревно, торчащее из кустов. Неожиданно «бревно» вздулось дугой и захлестнуло рыцаря тугой петлёй. В пяти метрах от Питера из кустарника поднялась огромная змеиная голова, увенчанная кожистым гребнем. Жёлтые глаза с щелевидными вертикальными зрачками злобно уставились на замершего от неожиданности и ужаса рыцаря. Поднявшаяся над землёй гигантская змея и спелёнутый её хвостом рыцарь образовали на площадке перед пещерой огромную

греческую букву «омега». Дракон сильнее сжал кольцо, пытаясь раздавить добычу. Половинки панциря со скрипом стали прогибаться внутрь, выжимая из груди рыцаря остатки воздуха. Питер захрипел и, в отчаянии взмахнув мечом, рубанул по «бревну». Дракон зашипел и выдохнул в лицо рыцаря облако пара. Питера спасли шлем и то, что он не мог дышать и зажмурился от боли. Рыцарь остервенело рубил мечом то, что мог достать. Брызги драконьей крови пузырились на металле доспехов. Пружина гигантской змеи резко разжалась, и Питер, словно камень из пращи, полетел со скалы в ручей. Оглушённый падением, он лежал в ледяной воде среди гниющих останков и бессмысленно глядел в сияющее над утёсом небо. Шлем от удара сорвало, в голове гудело. Рыцарь разевал рот, как выброшенная на берег рыба, пытаясь заполнить грудь воздухом, но смятый чудовищной змеей панцирь мешал этому. Питер с трудом сел и с удивлением посмотрел на словно молью изъеденный шлем и превратившийся в кинжал истаявший меч.

— Кислота! — понял рыцарь. — В крови и слюне чудовища сильная кислота. Вот тот «огонь», которым «плюёт» в своих врагов дракон.

Питер разрезал остатками меча кожаные завязки панциря. Половинки разошлись, и дышать сразу стало легче. Стараясь не спускать глаз с нависшего над ручьём утёса, рыцарь задом, на ощупь, оскальзываясь на камнях и останках, попятился к противоположному берегу. Он почти добрался, когда на фоне безоблачного неба над утёсом поднялась голова гигантской змеи.

— Господи, помоги мне! — в предсмертном ужасе прошептал рыцарь, глядя, как чудовище всё выше вздымает своё огромное тело.

С изумлением Питер увидел, как раздувается бревноподобное тело змеи, как словно из ниоткуда вырастают короткие передние лапы с длинными кинжаловидными когтями на них, и вот уже не змея, а огромный дракон стоит на краю утёса на задних лапах и хвосте, злобно глядя на непрошенного при-

шельца внизу. Неожиданно между задними и передними лапами чудовища распахнулись огромные паруса кожистых перепонок, и дракон взмыл в воздух. Глядя на падающую на него смерть, рыцарь в последнем усилии рванулся назад, но упёрся спиной в прибрежный валун. Смирившись с неизбежным, Питер закрыл глаза. Он ждал смерть, но её всё не было. Где-то рядом страшно шипел, бил крыльями и хвостом по воде дракон, а рыцарь оставался жив и невредим!

Питер открыл глаза. Нанизавшись горлом на его торчащее вверх копьё, над рыцарем бился в конвульсиях дракон. Тупой конец копья глубоко ушёл под прибрежный валун, прислонившись к которому сидел в воде рыцарь. Остриё копья вышло из левого глаза чудовища, туша которого стала проседать по древку всё ниже и ниже, грозя погresti под собой незадачливого рыцаря. Питер неуклюже выскользнул из-под него, стараясь не попасть под удар когтистой лапы или струи кислотной крови. Отбежав от агонизирующего чудовища подальше, рыцарь отбросил пузырящийся от драконьей крови щит и огрызок меча. Он остался совершенно безоружен!

Питер огляделся. Вокруг валялись ржавые остатки рыцарских мечей, булав и кинжалов. Наконец, в прибрежных кустах Питеру удалось найти неплохо сохранившуюся секиру. Видимо, её бывший владелец совсем недавно пытался «освободить сокровище».

— Может, подождать, пока гад сам издохнет? — подумал рыцарь, глядя на судороги дракона. — А если нет? Кто знает, насколько эта тварь живуча? Ишь, как бьётся! Того и гляди, либо сама освободиться, либо копьё выдернет. Нет, ждать нельзя!

Рыцарь осторожно подкрался к дракону со стороны выколото-го глаза и, широко размахнувшись, что есть силы, рубанул чуть ниже насаженной на копьё головы. Ударом перепонки рыцаря отбросило на несколько метров. С трудом выбравшись из кустарника, Питер ощупал себя. Его вновь спас панцирь. Рёбра, кажется, целы, хотя вся грудь наверняка представляет собой сплошной синяк. Подобрал по пути выпавшую из рук секиру, рыцарь вернулся к дракону. Конечно, он не смог одним ударом отрубить

тому голову, но, судя по всему, сумел перебить позвоночник. Голова чудовища, спустившись по древку копья, лежала на валуне, а бревноподобное вновь тело беспомощно извивалось в конвульсиях в ручье. Перепонки и лапы со страшными когтями исчезли. Из пасти змеи, шипя и пузырясь, вытекала кровь, смешанная со слюной.

Рыцарь встал в позу дровосека и, громко хакая, принялся деловито рубить. Опыта у него в этом деле не было никакого, а потому брызги крови и ошмётки мяса летели во все стороны. Хорошо, что ручка секиры была достаточно длинной, иначе наш герой не уберёгся бы от «драконьего огня». Рыцарь почти полностью выбился из сил, пока ему удалось отделить голову гигантской змеи от тела. Отбросив остатки изъеденной драконьей кровью секиры, и сняв остатки своих доспехов, рыцарь, забыв о безразличности, вошёл в ручей чуть выше ядовито кровоточащих останков и умылся, не обращая внимания на кости и куски тел на дне. Потом потёр гудящую с непривычки поясницу и пошёл к пещере...

— Ну, вот и всё. Вставайте, Пётр Иванович. Как ощущения? — Мускулистый врач, живая реклама фирмы, помог Питеру сесть. — Ещё несколько сеансов, и Вы станете обладателем фигуры древнегреческого атлета.

— Вы меня обманули! — хмуро сказал Питер, освобождаясь от шлема виртуальной реальности.

— Выбирайте выражения, молодой человек! — Улыбка исчезла с лица врача. — Наша фирма гарантирует, что за один сеанс, продолжительностью полтора часа, клиент избавится минимум от трёх килограммов лишнего веса. Вы же скинули почти пять! — Врач показал Питеру на электронное табло встроенных в топчан виртуального тренажёра весов.

— Я не об этом, — отмахнулся Питер. — Вы мне обещали, что я буду худеть в процессе захватывающего виртуального приключения. Так?

— Разумеется! Наша методика построена на этом. Когда вам

снится, например, кошмар, Вы просыпаетесь в холодном поту, сердце учащённо стучит в груди, мышцы напряжены и тому подобное. Вы спасались от мнимой опасности во сне, а ваш организм реагировал так, как будто всё происходит в реальности. А эротические сны? Признайтесь, Пётр Иванович, Вы не раз просыпались после таких снов в соответствующем состоянии, а то и более конкретные последствия обнаруживали на простынях своей постели.

— В пещере дракона никаких сокровищ не было! Это обман! — выдавил побагровевший Питер.

— Ах, вот Вы о чём! Ваше сокровище, дорогой Пётр Иванович, это — сброшенные килограммы и накачанные мышцы. — Засмеялся врач. — А победа над чудовищем — это просто дополнительный моральный бонус. Ну, Вы же — взрослый человек, студент пятого курса нашего университета, ну сами подумайте: зачем дракону золото, алмазы и прочие драгоценности? Да и где он их возьмёт? Это же животное! Как волк или медведь. Все их желания — хорошо пожрать и безопасно поспать.

— Ничего себе бонус! — Жирные щёки Питера тряслись от возмущения. — Эта поганая змея меня чуть не убила! У меня всё тело болит.

— Уверяю Вас, Пётр Иванович, Вы были в полной безопасности. Наши клиенты всегда побеждают. Всегда! Никакого риска для жизни и здоровья. Фирма гарантирует. А боль естественна. Разве у Вас её не было после упражнений с гантелями или обычного велотренажёра? Ваши мышцы хорошо потрудились, пока Вы сражались с драконом.

Врач подал Питеру бокал какой-то зелёной жидкости.

— Вот, выпейте. Жажда-то, небось, мучит?

— Ещё бы! — Питер залпом проглотил прохладный напиток. — А что это?

— Стимулятор, совершенно безвредный, не беспокойтесь. Вкупе с обезболивающим. А теперь попробуйте встать. Голова не кружится? Вот и отлично! Душ за той дверью, Пётр Иванович. Там же и Ваша одежда. Одноразовую пижаму, что сейчас на Вас,

бросьте в мусорный контейнер. На нём есть соответствующая табличка, не ошибётесь.

Разъярённый Питер в одних трусах вывалился из душа.

— Что это такое? — заорал он, выпячивая вперёд трясущуюся, как студень, грудь, на которой мокро блестело всеми цветами радуги пятно огромного синяка. — Это — ваша хваленая безопасность? А если б дракон меня укусил или забрызгал своей кровью, в каком виде я бы встал с вашего тренажёра? И встал бы вообще?

— Успокойтесь, Пётр Иванович, не надо так кричать, — озабоченно ответил врач, нажимая кнопку вызова медсестры. — Принесите успокоительное и мазь от ушибов. — приказал он вбежавшей девушке.

— А если б дракон меня убил?! — взвизгнул в ужасе Питер, плюхаясь в кресло, ноги его не держали.

— Это исключено! — твёрдо ответил врач. — Наш клиент всегда побеждает. Ранить, а тем более изувечить его совершенно не возможно. О смерти же вообще речи не может быть. Сюжеты к нашему виртуальному тренажёру писали лучшие программисты страны. Приборы непрерывно контролируют состояние клиента и в случае малейшей опасности для его здоровья — Вашего здоровья, Пётр Иванович! — немедленно прекращают сеанс.

Вошедшая медсестра ловко сделала Питеру укол и начала наносить на синяк толстый слой какой-то жёлтой вонючей мази.

— Я подам на вас в суд! — Оттолкнул медсестру Питер. — За моральный и материальный ущерб. Вы обещали мне похудение в комфортных условиях, а не синяки.

— Вы, молодой человек, видимо, невнимательно читали договор. — Холодно усмехнулся врач, взмахом руки отпуская медсестру. — Там есть пункт 23.4.13, в котором оговорено, что фирма не отвечает за последствия, если клиент окажется ярко выраженным стигматиком. Наши юристы не зря едят свой хлеб.

— Что ещё за стигматики? — растерянно пробормотал Питер. — Нет в договоре никаких стигматиков.

— Разумеется, в договоре применены научные определения и юридические формулировки. Это я для Вас упростил суть. Вы, ведь, знаете, кто такие стигматики, Пётр Иванович? — ехидно поинтересовался врач.

— Конечно, знаю! — обиделся Питер. — Какие-то религиозные фанатики, у которых иногда появляются кровоточащие раны на руках и ногах, как у Христа, прибитого к кресту.

— Так вот, дорогой Пётр Иванович, как оказалось, Вы тоже обладаете подобными способностями. То бишь, Ваш организм реагирует на воображаемую рану так, как будто она настоящая, и эта рана, в данном случае синяк, реально появляется на Вашей груди. Это создаёт нам с Вами определённую проблему.

— Вы хотите сказать, мне придётся вернуться в обычный спортзал к велотренажёрам, гантелям и штангам? — уныло протянул Питер.

— Вовсе не обязательно! — всплеснул мускулистыми ручищами врач. — Просто придётся отказаться от экстремальных сюжетов, всяких там битв и сражений, гладиаторов и пиратов, рыцарей и мушкетёров, столь любимых людьми вашего возраста. Но у нас есть масса и менее опасных в плане травматизма приключений. Альпинизм, например. Не желаете, Пётр Иванович, податься на Джомолунгму?

— Нет, спасибо! — резко отказался Питер. — Я уже достаточно сегодня полазил по горам. К тому же мне не хочется после сеанса лечить возможные обморожения.

— Да, простите, не подумал... — Врач вывел на экран компьютера какой-то список и начал его быстро просматривать. — А вот и то, что Вам нужно! — наконец радостно воскликнул он. — «Гарем султана»! Никакого риска, масса удовольствий, и синяки только от поцелуев страстных красавиц. Фирма гарантирует потерю не менее четырёх килограмм лишнего веса за сеанс! Целый час сплошных удовольствий. Как Вам такой сюжет, Пётр Иванович? Впрочем, если у Вас несколько иная ориентация, то у нас есть тут...

— Нет, гарем подойдёт! — поспешил ответить побагровев-

ший Питер.

— Да уж, **такие** синяки украшают мужчину. — Понимающе улыбнулся врач. — Значит, ждём Вас завтра. Не опаздывайте.

ДЕСЯТЬ МИНУТ СЧАСТЬЯ

Стоя у окна теперь уже не моей хижины, я вижу, как они, волоча ноги, бредут от зева шахты к барaku, чтобы рухнуть там, не раздеваясь, на нары и получить свою порцию счастья. Десять минут блаженства смоют усталость, и эти сволочи легко встанут с жёстких лежанок, скинут с себя вонючую от пота робу и бодро пойдут принимать душ.

А потом будет торжественный ужин. Наглые захватчики решили отпраздновать очередную лёгкую победу надо мной. Что ж, придётся вынести и это унижение. Да, это будет последний мой ужин на Шахте Счастья, но зато он и последний на этой каторжной планете. Я, наконец, покидаю Сиреневую. Космический лайнер, на котором Гольдштейн забронировал для меня каюту-люкс до Земли, отбывает завтра утром.

Вон он, мой заклятый враг, пытит и стонет, повиснув на каменных плечах своих звероподобных телохранителей, подобострастно встретивших хозяина у выхода шахты. Пузан отпихивает их и пытается идти сам, но короткие кривые ножки заплетаются от изнеможения, и телохранители вновь угодливо подхватывают Гольдштейна под локоток. Тот что-то неразборчиво хрипит и «гориллы» отскакивают от измотанного непривычным физическим трудом хозяина. Тот должен дойти до барака сам, без чьей-либо помощи, если хочет получить в награду кусочек счастья. Иначе, все его сегодняшние муки в шахте окажутся напрасными.

За Гольдштейном бредёт Люська. Грязные, серые от шахтной пыли лохмы паклей висят, наполовину скрывая покрытое потёками грязи лицо. Ты-то зачем полезла в эту шахту? Тоже хочешь получить десять минут счастья? Значит, ты несчастна, Люська? Имея практически всё, о чём мечтала, ты несчастна? Ради чего же пять лет назад ты променяла меня на этот мешок золота, бреду-

ший перед тобой? Да, у нас не было миллиардов Гольдштейна. У нас и дома-то своего не было. Зато была любовь и дни, недели, месяцы счастья! Счастья, которого не надо было зарабатывать каторжным трудом в тёмной шахте на первобытной планете.

На Сиреневой нет ничего, кроме тюрем и шахт, в которых каторжники и свободные старатели добывают сирениты. Эти драгоценные кристаллы, конечно, весьма красивы, но и очень хрупки, а потому их невозможно добывать с помощью машин. Только по старинке — кайло и лопата. Учитывая, какой ценой достаются кристаллы, они доступны только очень богатым людям, а потому и вошли в моду в высшем свете Империи. Когда-то почти безлюдная Сиреневая ныне превратилась в «Клондайк» времён «золотой лихорадки». Любой желающий может прилететь сюда, застолбить участок и попытаться добыть несколько кристаллов. Достаточно найти хотя бы один, и все расходы мгновенно окупятся. Если продать его на Земле. В этом-то и состоит основная проблема вольных старателей: где та Земля, и как до неё добраться? И вчерашние вольные становятся вечными рабами ростовщиков, перекупщиков, лавочников, держателей салунов... Я бы никогда по доброй воле не попал сюда.

Наше с Люськой счастье длилось менее года. Деньги, проклятые деньги! Вернее, их отсутствие в достаточном для Люськи количестве. И однажды она ушла от меня к Роману Гольдштейну, этому уродливому рыжему коротышке. И мы остались с Аськой вдвоём. Люська бросила несчастное животное столь же безжалостно, как и меня. Безжалостно...

А ведь Аська появилась в нашей съёмной однокомнатной квартирке именно благодаря Люськиной жалости. Не знаю, уж какие опыты проводились над этим несчастным котёнком. Аська была чуть жива, когда Люська, обливаясь слезами, притащила её к нам домой. Животное списали и должны были уничтожить. К счастью лаборатория занималась генетикой, а не какой-нибудь заразой вроде СПИДа или чумы. Поэтому никто особо не возра-

жал, когда симпатичная лаборантка пожелала взять полудохлого котёнка себе. Да, когда мы были счастливы, нам было жаль всех несчастных. И Аська выжила. Вон она спит на моей койке, беспородная трёхцветная кошечка с умными янтарными глазками и пушистым беличьим хвостом. Пять лет назад мы провели множество счастливых минут втроём, играя с верёвочкой, к которой привязывали в качестве «мышки» клочок бумаги или ненужный лоскуток. «Мы в ответе за тех, кого приручили!» — часто цитировала древнего автора Люська. Как деньги корёжат людей! Пусть она разочаровалась во мне, но как можно было бросить Аську?!

Не знаю, что случилось в нашей жизни раньше: ушло счастье или появился Гольдштейн. Скорее, второе. Видимо, как только Люська поняла, что может иметь любые тряпки (это, оказывается, только для меня они — тряпки!) и украшения, обедать в лучших ресторанах, посещать концерты модных исполнителей, танцевать на великосветских балах, она другими глазами стала смотреть на наш «рай в шалаше». И на меня с Аской.

Я долго и безуспешно пытался её вернуть. Подкарауливал, звонил, унижался, угрожал... В конце концов, «гориллы» Гольдштейна однажды ввалились в мою заросшую грязью и мусором берлогу, оторвали от бутылки дешёвой водки, избили и бросили в багажник своей огромной машины. Очнулся я уже на борту лайнера, летящего сквозь космос к Сиреновой. На груди, под давно нестиранной рубашкой я обнаружил тёплый клубочек Аски...

А потом были ломка похмелья, голод и холод, адский труд в шахтах Сиреновой. Тогда Гольдштейн не требовал с меня плату за билет. Ему было достаточно убрать меня с Земли и из жизни Люськи. Другое дело теперь, когда я стал владельцем единственной на Сиреновой Шахты Счастья! Когда слух обо мне и моей шахте разошелся по всем обитаемым мирам Империи, в мою жизнь вновь вошли Люська и Гольдштейн. И опять с единственной целью: всё у меня отобрать.

На Сиреновой множество шахт. Но только в моей главной добычей являются вовсе не кристаллы сирениита, а нечто иное:

десять минут безграничного счастья и покоя. Это обнаружилось совершенно случайно. Старик Джонсон подарил мне за год до своей смерти шахту. Кристаллов в ней почти не было. А те, что ему удавалось найти, были настолько мелки, что старик Джонсон едва успевал расплачиваться с кредиторами. Махать кайлом в шахте старику было уже тяжело. И Джонсон отписал свой маленький участок и шахту мне с условием, что найденные мною кристаллы сиренита после покрытия текущих расходов пойдут на оплату его возвращения на Землю. Я, конечно, мог и сам застолбить себе какой-нибудь участок. Но мне стало жаль старика, который был столь же одинок на этом свете, как и я. У него даже кошки не было. К тому же я знал, что путь на Землю для меня закрыт Гольдштейном. Так какая мне разница, в какой шахте горбатиться? Лишь бы была еда для нас с Аськой, да крыша над головой. Опять же, не надо строить жильё и приобретать инвентарь. И я согласился.

Однажды Джонсон привёл мне в шахту напарника. Новичка, только что прибывшего на Сиреневую. У парня, как и у меня недавно, ничего не было, кроме крепких рук. И он согласился месяц поработать только за еду и постель, пока не накопит шахтёрского опыта. Махмуд был могуч, горяч и по-восточному нетерпелив. Он махал кайлом, как шашкой. В горячке нечаянно рубанул по стойке, и нам на голову хлынул поток камней. К счастью, мы оба успели отскочить, но оказались по разные стороны завала. Целый день мы каторжно трудились, разбирая преграду. К вечеру, наконец, я увидел отблеск его фонаря, и вскоре совершенно обезумевший от пережитого страха Махмуд выбрался, и мы из последних сил поплелись к выходу из шахты.

Наверху мы молча повалились на серую траву и уставились на заходящее солнце. На грудь мне вспрыгнула Аська. Каждое утро она провожала меня, а вечером терпеливо ожидала. Я машинально гладил мягкую кошачью шерсть и бездумно слушал громкое мурлыканье. Закат окрасил в сиреневый цвет обычно серый пустынный пейзаж, стандартный блок хижины и спешащее к нам от неё старика Джонсона. И вдруг на меня накатила вол-

на счастья!

Пять лет назад, когда Люська бросила меня ради миллиардов Гольдштейна, я испробовал всё: алкоголь, наркотики, гипноз — ничего не дало подобных ощущений. Я повернулся к Махмуду. Тот смотрел на меня огромными глазами, в которых тоже плескалось безграничное счастье.

— Андрей, что это? — прохрипел он. — Ты чувствуешь то же, что и я?

Десять минут назад мы умирали от усталости, нам всё было безразлично, даже великолепные краски заката. А теперь мы бодро вскочили с земли и стояли друг перед другом свежие, довольные и счастливые! А вот подошедший к нам старик Джонсон не чувствовал ничего, кроме недоумения и тревоги.

Так родилась легенда о Шахте Счастья. Каждый желающий мог получить свои десять минут безграничного счастья. Но только после целого дня изнуряющего труда в моей шахте. Именно в моей. Ни в какой другой такого эффекта не наблюдалось.

Сначала люди не верили, и я пускал в шахту любого, кто хотел уличить меня в жульничестве. Я обещал оплатить труд по двойной ставке, если вечером поднявшийся на поверхность шахтёр не испытает десять минут счастья. В противном же случае, тот не возьмёт никакой платы за день каторжного труда под землёй. Разумеется, мне так и не пришлось никому платить.

Испробовав небывалое, люди вновь рвались в мою шахту. Но теперь уже я брал с них плату за это. Они не только бесплатно горбатились на меня целый день без какой-либо халтуры и перекуров, но и готовы были сами приплатить, лишь бы испытать потом свои десять минут счастья. Никакой наркотик не мог сравниться с этими минутами. Поток клиентов рос, и вскоре мне пришлось установить предварительную запись и поднять плату. Я расширил шахту, построил барак с лежанками и душевыми для шахтёров. Старик Джонсон давно уже мог улететь на Землю, но он решил поменять свой билет на возможность посещения шахты вне очереди. Я не смог его отговорить.

— Что меня ждёт на Земле? — ответил он мне. — А здесь я хоть иногда, пусть всего несколько минут, но буду по-настоящему счастлив.

Бедняга слишком часто пользовался своей привилегией и быстро сгорел. Однажды днём он умер прямо в шахте, с кайлом в руках, так и не получив свои последние десять минут счастья...

Многие пытались отнять у меня Шахту Счастья. Сначала предлагали деньги. Я отвечал, что шахта и так приносит мне огромный доход, как деньгами, так и кристаллами сиренита. Зачем мне её продавать? Тогда начинались угрозы. Но у меня к тому времени уже была надёжная охрана, получавшая плату минутами счастья. Подкупить или перекупить её деньгами было невозможно.

Я получил кучу денег от наркоторговцев за возможность взять анализы породы и воздуха в моей шахте. Целая армия учёных пыталась определить, что вызывает столь яркие ощущения у шахтёров. Они измельчали в пыль породу и кристаллы сиренита, выкачивали из шахты насосами целые цистерны воздуха, до изнеможения крутили в заполненном этим воздухом изолированном помещении педали велотренажёров — эффекта не было! Только честный изнуряющий труд в моей шахте приносил в итоге десять минут счастья. В нарколабораториях до сих пор безуспешно ищут «формулу счастья», пытаются определить недостающий ингредиент. А я им не мешаю. Потому что знаю, что они его никогда не найдут.

Как и этот подонок Гольдштейн. Он всё же вынудил меня продать ему Шахту Счастья. Когда сегодня утром его «гориллы» перестреляли мою охрану (никто из моих парней не сбежал и не сдался!), Гольдштейн предложил мне выбор: либо — либо. У меня ведь нет других наследников, кроме Люськи, с которой мы так и не успели оформить развод! Пять лет назад на Земле никто не думал, что мне удастся выжить в шахтах Сиреновой. Тем более — разбогатеть и прославиться на всю Империю. Миллиардеры стоят в очереди в желании помахать кайлом в моей шахте!

И вот сегодня Гольдштейн потребовал с меня плату за билет на Сиреновую. Шахтой Счастья. Этот негодяй решил забрать мой

бизнес бесплатно. Он хочет построить на Сиреновой роскошные отели с ресторанами и казино для богатых клиентов Шахты Счастья. Ещё будучи на Земле он, оказывается, уже заключил массу контрактов с богатейшими и влиятельными людьми Империи на посещение моей Шахты Счастья. И даже получил с них авансом огромные деньги! Корабли с оборудованием, материалами и рабочими уже летят сюда. Так что ни у него, ни у меня нет выбора. Я посмотрел, как «гориллы» Гольдштейна роют огромную братскую могилу для моих охранников и молча подписал все бумаги: развод с Люськой и обмен моего участка с Шахтой Счастья на билет в каюту-люкс до Земли. И Люська с презрительной усмешкой швырнула мне этот билет под довольный смешок Гольдштейна и гогот его телохранителей. Что ж, поглядим, кто будет смеяться последним.

Я хотел немедленно покинуть шахту. Пусть подавятся! У меня теперь достаточно денег на счетах в лучших банках Империи. Но Люська (именно Люська!) запретила меня отпускать.

— Надо испытать наше приобретение, — сказала она Гольдштейну. — Вдруг действительно существует некий тайный ингредиент, о котором Андрей нам ничего не сказал? Пусть наши мальчики не спускают с него глаз и не подпускают к шахте. А мы с тобой, дорогой, будем первыми клиентами теперь уже нашей Шахты Счастья.

И вот они вдвоём почти целый день махали кайлом под землёй, истекая потом, глотая пыль и набивая кровавые мозоли на своих холёных руках. Лично вкалывали! Даже телохранителей с собой не взяли. Значит — уверены в результате! Не желают бесплатно делиться счастьем. Видать, все их миллиарды не стоят десяти минут настоящего счастья.

Я гляжу, как они из последних сил бредут шаркающей походкой тяжелобольных людей и с облегчением падают на вонючие лежанки, от которых ещё утром презрительно воротили нос, рассуждая о роскошных номерах и бассейнах. Они ждут свои заработанные десять минут счастья. И если не получают их, то вместо

каюты-люкс меня ждёт камера пыток.

Что ж, Асюня, твой выход. Иди ко мне, мой тайный ингредиент. Давай дадим напоследок этим выродам рода человеческого десять минут счастья. Они полностью расслабились и теперь готовы его ощутить. Я глажу мягкую шёрстку искалеченной генетическими экспериментами кошки, она громко мурлычит у меня на коленях, и волны счастья плывут от нас всё шире и шире...

ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

...В руке Горгоны вспыхнул огненный цветок, и Сергея Быстрова окутало радужное облако защитного поля.

— Бластер! — изумился Быстров.

Уходя от губительного луча, он нырнул в белесый туман облака. По ушам бил тревожный сигнал стремительно разряжающегося аккумулятора. Ещё немного, и откажет не только защита, но и антиграв, и тогда Быстров просто камнем рухнет в море. Рядом с шипением возникали струи раскалённого пара — Горгона наугад резала укрывшее Сергея облако лучами бластера. Ещё одно попадание, и Быстрову конец. Рванув застёжку кобуры, Сергей тоже выхватил бластер и взмыл к солнцу. Спасительное облако осталось внизу. Солнце слепило Горгону, и потому та не сразу заметила Быстрова. Сергею пришлось впервые стрелять из боевого оружия в живого человека: обычно он обходился парализатором. Но для точного выстрела из пистолета расстояние слишком велико. На сомнения и колебания времени не было. Луч бластера ударил в парящую над волнами Горгону, и та тоже мгновенно укрыло радужное облако защитного поля.

— Чёрт возьми! — выругался Быстров. — У неё не только боевой бластер, но и защитный комбез Патруля времени! Кто же ты, сволочь? Неужели одна из нас?

Вокруг Горгоны вскипали фонтаны пара — держать её на прицеле в болтанке полёта было весьма нелегко. Тем более что та тоже не висела на месте, не желая быть неподвижной мишенью. Защита Горгоны отказала на секунду позже полного разряда бластера Быстрова. Радужное облако исчезло, и Горгона стремительно полетела к виднеющемуся невдалеке берегу моря. Сергей сунул бесполезный бластер в кобуру и в запале выпустил вдогонку удирающему врагу заряд из парализатора. Опомнившись, он убрал пистолет и ринулся вдогонку...

— А, вот и ты! — Шеф приветливо взмахнул рукой, приглашая Быстрова войти. — Проходи, Сергей, садись.

С упавшим куда-то в желудок сердцем, Быстров плотно закрыл за собой дверь кабинета, прошёл вдоль длинного стола для совещаний к первому ряду стульев и сел. Когда шеф так приветлив и зовёт кого-либо просто по имени, значит дело — дрянь.

— Знакомьтесь, — продолжил шеф, и Быстров поднял глаза на сидящего напротив него незнакомого седоватого мужчину в штатском костюме. — Это — наш коллега из Уголовного розыска, полковник Романов. А это — наш лучший сотрудник, старший группы службы Патруля времени, лейтенант Быстров.

— Николай. — Чуть привстав, Романов протянул через стол руку.

— Сергей.

— Ну, вот и познакомились, — жизнерадостно промурлыкал шеф, и у Быстрова от его довольной улыбки заныли зубы. — Полковник, введите лейтенанта в курс дела. Да и мне не помешает ещё раз послушать.

— Знаешь, кто такие чёрные археологи? — спросил Быстрова Романов.

— Конечно, — кивнул тот. — Раскапывают курганы, места бывших сражений. Находки продают коллекционерам, хотя по закону обязаны сдавать их государству.

— Вам с ними приходилось сталкиваться? — Повернулся к шефу полковник Романов.

— Нет, — ответил тот. — Путешествие в прошлое пока очень дорого. Хронотуризм только начинается и доступен лишь весьма богатым людям. Чёрным археологам он не по карману. А официальные научные экспедиции постоянно находятся под контролем Патруля времени. Никто из наших подопечных и шагу в одиночку в прошлом сделать не может.

— К сожалению, у нас сложилось иное мнение, — хмуро сказал полковник Романов. — Кто-то летает в прошлое, минуя ваш контроль.

— Этого не может быть! — Вскочил Быстров.

— Сядь, Сергей. — Успокаивающе улыбнулся ему шеф. — Сядь и слушай дальше.

— В Москве есть некий антиквар — Беридзе Котэ Шалвович. У него небольшой магазинчик на Тверском и свой сайт в интернет, — продолжил полковник Романов, когда Быстров сел на свой стул. — Жена одного из наших сотрудников работает в Налоговой инспекции. Она приблизительно год назад проводила очередную проверку бизнеса Беридзе и заметила одну странную закономерность. Сначала на сайте Беридзе в разделе «Куплю» появляется объявление о том, что магазин приобретёт некий предмет у организации или частного лица. Через неделю-две в книге посетителей сайта появляется письмо некоего владельца-частника с предложением продать магазину Беридзе искомый предмет. А ещё через неделю этот предмет уже выставляется в разделе продаж магазина, и его практически немедленно, то есть — в течение суток, покупает какой-нибудь богатый коллекционер. Самое любопытное в этой схеме то, что покупатели могут меняться, а вот продавец-частник всегда один и тот же. Её ник — Горгона.

— Ну и что? — нервно спросил Быстров. — Ясно, что интернет-магазин Беридзе — просто посредник между Горгоной и коллекционерами редкостей. Он что — легализует краденое?

— Нет, — отрицательно покачал головой полковник Романов. — Ни одна из проданных Горгоной вещей никогда не была украдена. По крайней мере, никто не заявлял и не заявляет об их пропаже. Более того, они вообще не числятся в каких-либо каталогах: ни музейных, ни частных.

— Ну и причём тут мы, Патруль времени?

— А притом, лейтенант, что Горгона продаёт именно то, что заказывают коллекционеры: вещи известные, но не существующие в нашем времени. Среди них, например, золотая серьга киевского князя Святослава, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами. Того самого Святослава, сына не менее знаменитых князя Игоря и княгини Ольги, которого убили печенеги

на днепровских порогах, когда он возвращался с победой домой, разгромив византийцев в Болгарии. Печенегі отрубили князю голову и сделали из его черепа пиршественную чашу. Судьба серьги Святослава с тех пор неизвестна. Откуда она у Горгоны?

Быстров пожал плечами.

— А откуда уверенность, что это именно та серьга?

— Горгона прилагает к каждой проданной ею вещи небольшой видеоролик, в котором запечатлён вместе с этим артефактом либо его создатель, либо известный владелец. Современные методы позволяют установить точный возраст любой вещи, а полёт в прошлое делает бессмысленным подделку видеороликов. Что ты теперь скажешь, лейтенант?

— Горгона имеет возможность бесконтрольно летать в прошлое, — убито признал Быстров. Ему стали понятны и ласковый приём, и улыбки шефа. Но почему козлом отпущения выбран он?

— Но Горгона не может что-либо забирать в прошлом и доставлять сюда, в наше время. — Вмешался шеф. — Это пока технически не возможно.

— Это ваша проблема. — Развёл руками полковник Романов. — Я знаю одно: мы обязаны поймать Горгону и передать в руки правосудия.

— А мы-то вам зачем? — раздражённо спросил Быстров. — Возьмите её на передаче очередного заказа в магазин Беридзе.

— Пробовали, — вздохнул полковник. — Не получается. Артефакты приходят по почте, обычными посылками. Как они оказываются на центральном сортировочном пункте Москвы, установить не удалось. Обычные почтовые коробки без штампов и отметок каких-либо почтовых отделений. Адрес отправителя не существует.

— А деньги?

— Беридзе переводит их на счёт Горгоны в одном из Швейцарских банков. Это номерной счёт. Горгона может управлять им по интернету или лично являться в банк. Мы всё равно об этом не узнаем — банк не даст никакой информации, так как невоз-

можно без суда объявить Горгону преступницей.

— А за что её судить? — мрачно спросил Быстров. — Горгона никого не ограбила, ничего не украла. Что вы можете ей предъявить?

— В этом-то и проблема, — уныло ответил полковник Романов. — Мы не знаем, как и где Горгона достаёт заказанные вещи. Вот почему нам нужна помощь Патруля времени.

— А мне, лейтенант Быстров, хочется знать, каким образом эта Горгона избегает нашего контроля, — жёстко произнёс шеф. — Какие у тебя на этот счёт имеются соображения?

Быстров задумался.

— На самом деле, уйти от нашего контроля очень легко...

— Вот как? — Недоверчиво подался вперёд в своём кресле шеф. — А подробнее. Так, чтобы не только я, но и полковник Романов понял.

— Мы, конечно, почти непрерывно следим за порученными нашей защите и контролю людьми, совершающими полёт в прошлое, — медленно начал Быстров. — Но бывают моменты, когда кто-нибудь из наших подопечных исчезает с глаз патрульных. Например, заходит за дерево или угол дома. Через секунду-две он вновь появится, но вот откуда?

— Поясни, лейтенант, — прервал Быстрова полковник Романов. — Я что-то не понял, о чём ты.

— Каждый хрононавт носит свою машину времени на себе, как улитка раковину, — Быстров встал и продемонстрировал полковнику широкий ремень. — Универсальный пояс хрононавта, сокращённо — УПХ. Пряжка — сенсорная клавиатура. В пояс вмонтировано всё: мощный аккумулятор, аптечка, хронокомпьютер для задания координат и управления перемещением во времени, антигравитатор для полётов в воздухе, мнемопереводчик со всех известных языков, рация — словом, всё необходимое. Горгоне достаточно незаметно или заранее ввести в хронокомпьютер новые координаты, зайти за дерево и...

— ...она уже не изучает в группе учёных процесс разрушения Колосса Родосского, а ворует кинжал у Бенвенутто Челлини! —

Восторженно стукнул по столу рукой полковник Романов.

— Вот именно, — крикнул от досады шеф. — А потом эта стерва спокойно возвращается к дереву практически в тот же момент, как покинула его, и, как ни в чём ни бывало, вновь появляется перед коллегами и Патрулём. Молодец, Быстров! И как это мы не предусмотрели такую возможность?

— Подождите! — воскликнул полковник Романов. — Но вы же сказали, что Горгона не может ничего принести из прошлого в наше время.

— Зато она может спрятать нужную вещь в укромном месте, — возбуждённо ответил Быстров. — Закопать, например. А, вернувшись из прошлого, уже в нашем времени откопать и продать.

— Как же вы будете ловить эту хитрую бестию? — озабоченно спросил полковник Романов.

— Элементарно! — Небрежно взмахнул рукой шеф. — Так же, как ловят всех хищников: на живца.

...Быстров очнулся от боли. Он лежал ничком на берегу, почти у самой воды. Всё тело ныло. Скалистый берег пятиметровой каменной стеной круто вздымался от неширокой песчаной полосы прибоя, резко переходя наверху в гладкую, как стол, равнину.

— Повезло, что антиграв отказал уже во время приземления, а не в полёте над морем, — пробормотал Быстров, разглядывая торчащие вокруг острые зубья скал. — И всё же «посадка» была жёсткой...

Быстров вынул из кармана «сигару» зарядного устройства. Отвинтив крышку, он вытащил из капсулы туго свёрнутый рулончик. Взмах руки, и рулончик превратился в короткий плащ. Быстров накинул его на плечи и застегнул пряжку. «Ткань» плаща начала жадно поглощать солнечные лучи, заряжая встроенный в пряжку запасной аккумулятор.

Быстров пошёл кромкой моря. Придётся почти сутки ждать, пока солнце зарядит аккумулятор. А где ждать? От голода и жажды он за сутки не умрёт, но и оставаться на месте падения

нельзя: на равнине полно диких племён, постоянно враждующих между собой, и кто-нибудь из аборигенов мог видеть его падение. Пистолет вряд ли спасёт от нападения местных отрядов — в запасе осталось не более двадцати парализующих зарядов.

Женский плач вывел Быстрова из задумчивости. Выхватив пистолет, он осторожно огляделся. Аборигены никогда не отпускают своих женщин одних, без охраны, за пределы поселений. Став спиной к морю, Быстров стал внимательно осматривать прибрежные скалы. Вокруг было сравнительно тихо. Ни один камешек не скрипит под неосторожной ногой. Не звенят доспехи. Только шелест волн, и где-то рядом всхлипывает женщина. Быстров осторожно заглянул за скалу, из-за которой раздавались звуки плача. Перед ним в широкой нише, прижавшись к стене обрыва, сидела девушка. «Рабыня» — отметил про себя Быстров, разглядев короткую белую туннику, окутывающую сжавшуюся фигурку.

— О, Посейдон, пощади меня! — прорыдала девушка.

«Древнегреческий» — определил мнемопереводчик, мгновенно переведя фразу, и загрузил в кратковременную память Быстрова всю необходимую информацию по этому языку.

Осколок раковины предательски хрустнул под ногой Сергея. Девушка вскочила, закрыв лицо руками, и закричала. И тут Быстров увидел, что несчастная прикована к скале. Длинная тонкая цепь спускалась от широких браслетов, охватывающих запястья рабыни, извивалась меж осколков окатанных морем валунов и кончалась вмурованным в стену кольцом.

Сергей шагнул к девушке.

— Не бойся. Я — друг, — тихо сказал он.

Увидев чужака, пленница сначала удивилась. Потом бросилась к Быстрову, приникла к его груди и опять заплакала. Он стал ласково гладить её короткие пушистые волосы, бормоча какие-то успокоительные слова. Ткань комбеза на его груди стала влажной и горячее от слёз. Наконец, плач постепенно стих. Быстров осторожно отстранил от себя девушку.

— Сейчас я освобожу тебя, — сказал он, с сочувствием глядя

на её понишку, совсем ещё детскую фигурку.

Сердце Быстрова сжималось от жалости. Осторожно взяв худенькую руку пленницы, он достал нож и нажал кнопку. Из рукоятки забила короткая струя плазмы. Отрезанные цепи упали у их ног, как застывшие бронзовые змеи.

— Теперь у тебя на руках будут браслеты. Ну, очнись же!

Быстров потряс девушку за плечо и улыбнулся в её широко открытые, ещё мокрые от слёз глаза.

— Ты свободна! — Он поднял с песка покрывало и накинул его ей на плечи. — Иди домой.

Убрав нож, Быстров сел на валун. Неожиданно девушка села рядом с ним.

— Ты что? — удивился Сергей. — Уходи, ты свободна!

— Нет, — отрицательно покачала головой девушка. — Освободить меня может только мой господин. А он этого не сделает. Моя жизнь закончится здесь, как только зайдёт солнце. А теперь и ты погибнешь вместе со мною.

— Почему?

— С заходом солнца сюда придёт Смерть. Чтобы она не выходила из моря на равнину и не нападала на город Дагон, воины царя Неарха каждую неделю приводят сюда раба или рабыню. Смерть съедает жертву и уходит назад, в море. Сегодня жребий пал на моего хозяина.

— Иди домой. Я вместо тебя буду жертвой.

— Кто мне поверит? — Грустно улыбнулась девушка.

— Тогда уйди отсюда куда-нибудь подальше и спрячься, — предложил Быстров. — А утром, когда всё будет кончено, вернётся домой.

— Ничего не выйдет, — вздохнула та. — В двух полётах стрелы от этого места — и на равнине, и по обе стороны берега — караулят воины. На всякий случай. Нам не уйти. Меня сразу же вернут сюда и опять прикут к стене, а тебя либо убьют, либо ты займёшь моё место у этой скалы через неделю. Лучше попробуй уйти и спрятаться сам.

Девушка вернулась в нишу, вновь расстелила своё покрыва-

ло, села и с безнадежной тоской стала глядеть на море.

— Да уж, положеньице, — вздохнул Быстров. — Воины, говоришь?

Он посмотрел на индикатор заряда аккумулятора и безнадежно присвистнул: энергии не хватит ни на активацию защитного поля, ни на включение антиграва. Он застрял в ловушке где-то в античной Лидии на берегу Эгейского моря. Что у него есть? Разряженный бластер, нож и пистолет с двумя десятками парализующих зарядов. Вряд ли с таким арсеналом ему удастся прорвать оцепление и уйти живым и невредимым. Разве что, ночью попробовать? А куда, собственно, он собрался прорываться? Искать Горгону? Где? Операция сорвана. Надо просто дожидаться полной зарядки аккумулятора и вернуться назад, в своё время.

Быстров взглянул на стоящее в зените солнце. Что ж, по крайней мере, источник энергии ещё долго будет на нужном месте. Сергей снял плащ и расстелил его на солнышке — пусть заряжается. Потом шагнул в тень ниши и сел рядом с девушкой. Та удивлённо спросила:

— Ты решил умереть вместе со мной?

— Нет. Лучше сразиться с неизвестным чудовищем, чем вступить в заведомо безнадежный бой с вашими воинами. Как говорят на моей родине: из двух зол нужно выбирать меньшее.

— Почему ты решил, что выбрал меньшее зло?

— Ну, хотя бы потому, что до заката, когда придёт за тобой Смерть, ещё далеко, — улыбнулся Быстров. — Так что я проживу немного дольше. Ваши воины убили бы меня гораздо раньше.

— Ты же можешь спрятаться в прибрежных скалах или сдать-ся!

— Я тоже воин, — устало ответил Сергей. — Слушай, у меня был трудный день. Мне надо отдохнуть и набраться сил для встречи с вашим чудовищем. Я немного посплю, а ты покарауль. Разбуди, если что.

Быстров лёг на горячий песок и закрыл глаза. Надо хорошенько обдумать, что делать дальше. Где искать Горгону? Негодяйка где-то здесь, рядом. Она тоже должна подзарядить свой

аккумулятор, чтобы вернуться в двадцать второй век. Эх, если бы Сергей был не один, а с Генкой! Вдвоём с напарником они бы легко взяли Горгону. Кто ж мог предположить, что она вооружена и экипирована не хуже Быстрова?

— Ну что, Старшой, забьём быка? — достав из кармана монету, спросил Генка Гор. — Чур, мой «орёл»!

— Давай, — легко согласился Быстров.

Генка щелчком большого пальца подкинул монету в воздух. Та, вертясь, сверкнула в лучах жаркого летнего солнца и зазвенела на плитах террасы.

— Решка! — разочарованно вздохнул Генка, поднимая монету. — Опять мне трястись на вонючей кобыле.

— Зато тебе везёт в любви, — засмеялся Быстров, бросая окурок в урну утилизатора. — Где ты только находишь своих красоток?

— Места надо знать! — Самодовольно усмехнулся Генка и широко распахнул дверь в комнату отдыха. — После вас, сударь.

Они вошли. Миновав столики с шахматами, домино, нардами и колодами карт, за которыми коротали свободное время остальные члены дежурной команды Патруля времени, друзья сели в кресла установки виртуальной реальности.

— Хочешь, после дежурства свожу тебя в одно место? — спросил Генка, запуская «Корриду».

— Нет уж, — надевая шлем ВР, ответил Быстров. — Твои красотки мне не по карману. У меня нет папаши — олигарха!

— Да брось ты, Старшой! — заржал Генка. — Я угощаю!

— Мне хватает адреналина на работе, — не желая огорчать друга резким отказом, отмахнулся Быстров. — А когда затишье, как сейчас, — в виртуалке.

— Не любишь ты меня сегодня, — укоризненно пробурчал Генка, надевая свой шлем ВР. — Почему?

— Завидую, — криво улыбнулся Быстров. — Так что, поехали? Или будем и дальше ляссы точить?

— Поехали! — И Генка ткнул кнопку запуска...

...Высокие сапоги из натуральной кожи противно скрипели, когда Быстров неторопливо выходил на середину арены. Солнце пекло немилосердно. Сергей поднял вверх узкий клинок шпаги, приветствуя сидевших на трибунах зрителей. Вслед за ним на арену выехал на белой, как сахар, кобыле Генка Гор. В левой руке он небрежно держал короткое копьё и пучок украшенных цветами флага России дротиков-бандериллий, положив их поперёк седла перед собой. Правой рукой Гор снял с головы широкополую шляпу и поклонился публике, принимая свою порцию аплодисментов. Его лошадь, горячась от криков множества людей, нервно перебирала тонкими ногами, громко цокая подковами по каменистой земле.

Вдруг двери загона распахнулись, и на арену выскочил огромный чёрный бык. Очевидно, солнце ослепило его в первое мгновение, так как зверь остановился, заморгал и недоумённо затряс головой. Его изогнутые острые рога были покрыты серебряной краской.

Гор пришпорил лошадь и, подъехав к быку, с силой метнул в него один из дротиков. Тот вонзился в могучее плечо зверя. Бык взревел от ярости и боли, взмахнул хвостом и бросился на наглого врага. Генка ловко увёл лошадь из-под удара острых рогов и вонзил в пролетевшую мимо тушу ещё один дротик. Бык резко затормозил всеми четырьмя ногами, взрыхлив копытами утрамбованную до каменного состояния землю, и резко развернулся. Из каждого плеча у него торчали бандерильи, и стекали алые струи крови. Шумно сопя, бык ринулся вперёд. Когда он подбежал, Гор перегнулся через шею лошади, вонзил копьё в бугор между лопатками зверя и налёг всей тяжестью на древко, держа его почти у самого наконечника. Генка изо всех сил удерживал быка, медленно отводя лошадь в сторону, пока она не оказалась в безопасности. Тогда Гор немного ослабил нажим и, когда бык, почувствовавший это, рванулся вперёд, остриё копья вспороло блестящую от пота и крови шкуру, обнажая уязвимое для удара

шпаги место между широкими костями лопаток — единственную «ахиллесову пятую» могучего зверя.

Бык громко взревел от ярости и боли. Быстров ловко развернул красный плащ перед его мордой, отвлекая зверя на себя. Взмешенный бык бросился на нового врага. Размахивая плащом перед его налитыми кровью глазами, Быстров обвёл зверя вокруг себя. Когда плащ описал круг, Сергей прижал его к груди. Бык вновь бросился. Почти не сходя с места, Быстров сделал полный оборот. Торчащая из плеча быка бандерилья больно хлестнула его по руке с плащом и обломилась у самого наконечника. От запаха пота и крови зверя Сергея немного замутило. Три раза повёртывался он, заставляя быка бегать вокруг себя. Зрители на трибунах ревели от восторга.

На четвёртый раз Быстров выхватил шпагу и, приподнявшись на цыпочки, вонзил её в то место, где копьё Гора вспороло толстую шкуру быка. Прوماх! Клинок согнулся, уткнувшись в кость лопатки. Бык дёрнул плечом, шпагу вырвало из руки Быстрова, а сам он покатился по земле. Гор тут же бросил лошадь между быком и ошеломлённым падением Сергеем. Разъярённый зверь вонзил рога в брюхо несчастной лошади, поднял её вместе со всадником и, мотнув головой, отбросил в сторону. Вскочив на ноги, Быстров подхватил шпагу и кинулся к быку.

— Торо! — Взмахнул он плащом перед окровавленной мордой зверя. Где-то рядом в агонии билась и кричала лошадь, но у Быстрова не было времени и возможности посмотреть, что там с Гором. Он сосредоточился на летящей на него свирепой горе мускулов и злобы. Игры на публику закончились. На этот раз Сергей не промахнулся: клинок вошёл в «ахиллесову пятую» быка. Тот резко остановился, шатаясь сделал пару шагов, роняя кровавую пену с губ, и рухнул на землю. Сергей выдернул шпагу, и горячая кровь брызнула из раны ему в лицо...

Быстров проснулся и тут же вспомнил, где он, и что с ним случилось. Но ощущение горячей влаги на щеке не исчезло. Сергей открыл глаза. Его голова покоилась на коленях окаменевшей

от ужаса рабыни. Горячие слёзы пробороzдили на её белых, как мел, щеках мокрые дорожки, капая ему на лицо. Быстров вскочил на ноги и замер. В застывшей давящей тишине отчётливо раздавались громкое дыхание и плеск какого-то приближающегося со стороны моря существа. Быстров вышел из ниши и в багровых лучах заходящего за горизонт солнца увидел в прибрежных волнах встающего на задние лапы огромного ящера.

— Ни хрена себе! — ошеломлённо выдохнул Сергей. Он до последней секунды не верил в приход чудовища. Ждал кого угодно: шайку пиратов, банду разбойников или отряд воинов соседнего с городом племени, пришедших за еженедельной данью в виде живого товара, но никак не чудом выжившего представителя доисторической фауны.

Тело морского змея всё выше вздымалось над поверхностью моря. Передние лапы с перепонками между огромными серповидными когтями ритмично рассекали воздух, словно зверь продолжал плыть. Толстый длинный хвост вспенивал воду позади монстра. Маленькие злобные глазки с щелевидными зрачками остановились на Быстрове. Распахнулась метровая пасть, усеянная острыми зубами-кинжалами, и жуткий рёв поднял в воздух с прибрежных скал тысячи птиц. Звуковая волна отбросила Быстрова назад, в нишу. Из-за его спины вдруг вывернулась гибкая девичья фигурка и бросилась к морю, навстречу зверю. Выхватив пистолет, Сергей одним прыжком догнал рабыню и отшвырнул назад, в нишу. Почти не целясь, он выпустил в ящера три парализующих заряда. Тот замер на мгновенье, перестав реветь, затем решительно ринулся на задних лапах к берегу. Видно, для такой туши доза, способная мгновенно свалить с ног слона, была не страшна. Быстров попятился, непрерывно стреляя в надвигающуюся зубастую громадину. Заряды давно закончились, а он всё продолжал жать на спусковой крючок. К его спине прижалась дрожащая девушка.

— Ты остановил Смерть! — вдруг услышал он её удивлённый голос.

— Что? — Быстров сунул в кобуру бесполезный отныне пара-

лизатор и внимательно посмотрел на ящера. Тот неподвижно стоял в пяти метрах от берега, опираясь на мощный хвост. Пасть его осталась открытой, глаза горели лютой злобой, но монстр не мог даже моргнуть!

Быстров поднял с песка плащ и бросил взгляд на индикатор. Аккумулятор успел зарядиться лишь на треть. Что ж, Сергей уже вновь может пользоваться защитным полем и антигравом, но вот для полёта во времени энергии ему не хватит. Придётся как минимум и завтрашний день провести на местном солнышке.

— Почему ты его не убиваешь? — спросила девушка. — Избавь нас от этого чудовища!

— Уже, — ответил Быстров, складывая и убирая в контейнер плащ. — Видишь: зверь не дышит. Не может. Получил слишком большую дозу. Скоро он умрёт от удушья. Больше Смерть не будет приходить сюда за очередной жертвой. Как тебя хоть зовут-то?

— Андромеда. А кто ты?

— Ну, раз ты — Андромеда, то я — Персей, — засмеялся Сергей. — Что будем делать: останемся на ночь здесь или поднимемся на равнину?

— А как же наши воины?

— Теперь я их не боюсь.

— И не должен, — раздался вдруг чей-то голос.

Быстров обернулся, одновременно активируя защитное поле. На берег из-за скалы вышел десяток воинов, вооружённых короткими мечами и большими круглыми щитами. У двоих за плечами висели большие луки и колчаны, полные стрел. Трое держали длинные копья.

— Кто вы? — стараясь выглядеть спокойным и уверенным, спросил Быстров. — Что вам здесь надо?

Старший над воинами сделал шаг вперёд и ударил сжатой в кулак рукой себя в грудь.

— Я — Ксанф, начальник стражи Неарха, царя Дагона. Он послал меня за тобой ещё днём. Но мы нашли тебя только сейчас.

— Днём? — удивился Быстров.

— Да. Почти весь город наблюдал бой в небе над морем. Спешу обрадовать тебя, Персей: твой враг, Горгона, тяжело ранен. Он сейчас в царской темнице.

— Что ты сказал? — воскликнул Быстров. — Горгона у вас?

— Да, — ответил Ксанф. — Он сказал, что будет говорить только с тобой.

— Ты сказал «он»? — поразился Быстров. — Горгона — мужчина?

— Да, — в свою очередь удивился Ксанф. — Ты не знаешь, кто твой враг, Персей?

— Горгона назвал тебе моё имя? — уточнил Быстров, проигнорировав вопрос Ксанфа.

— Нет. Он сказал, что мы узнаем тебя по одежде. Она у вас одинаковая.

— Хорошо, Ксанф, идём. Я хочу увидеть Горгону как можно скорее.

— Персей... — замялся Ксанф.

— Что ещё?

— Разреши нам отрубить голову этому чудовищу и доставить её нашему царю? Не беспокойся: мы не присвоим твою славу.

— Ладно, — махнул рукой Быстров. — Только побыстрее, солнце уже почти село...

Да, засада всё-таки удалась. Мы с шефом обсудили несколько вариантов приманки. Нужен был артефакт, известный историкам, но о котором ничего не знает простая публика. Это чтобы нам случайно не помешал какой-нибудь хронотурист. Остановились на щите Алкивиада. Никто в наши дни не вспоминал об этом афинском политике. А ведь когда-то Алкивиад был известным стратегом, воспитанником знаменитого Перикла и любимым учеником Сократа. Более того, этот явно неординарный человек слыл в тогдашних Афинах идеалом мужской красоты! Не дурак был выпить, и весьма охоч до баб.

Щиты в Афинах тогда мастерская делала по одному общему образцу. Для богатых клиентов, того же Алкивиада например,

их покрывали золотом. А чтобы в походах не перепутать, где чей, владельцы помечали свой щит специальным знаком. Так вот, Алкивиад и здесь отличился: вместо знака приказал мастеру украсить свой щит изображением Эроta с молнией в руке, так что его ни с каким другим перепутать невозможно.

Не знаю, куда шеф отправил мой УПХ, но когда его через пару дней вернули, в нём появилось три новых устройства.

— Этот датчик ты прикрепишь к щиту Алкивиада. — Протянул мне шеф маленький целлофановый пакетик, в котором лежала тонкая прозрачная чешуйка, размером с ноготок. — Он самоклеющийся. Когда Горгона возьмёт артефакт, у тебя на поясе загорится вот этот индикатор, раздастся звуковой сигнал и на табло хронокомпьютера появятся пространственно-временные координаты украденного щита. Ты немедленно стартуешь туда. Вот эта кнопка включает индикатор внешнего хронополя, Как мне объяснили, если рядом с тобой в радиусе ста метров появится хрононавт, индикатор загорится, и ты узнаешь, что Горгона где-то рядом. Сразу включай блокиратор хронополя — вот эту кнопку. Пока работает блокиратор, никто из вас, ни ты, ни Горгона, не сможет перемещаться во времени. То есть, сбежать она не сможет. Как бы Горгона ни маскировалась, индикатор укажет тебе направление и расстояние до неё. Ну, а когда ты её схватишь...

Потом люди полковника Романова организовали через какого-то коллекционера заказ щита Алкивиада в магазине Беридзе. И вот я здесь.

Странно, Горгона должен быть уже рядом, а индикатор на моём поясе не горит. Уж не обманывают ли меня Ксанф с Неархом? Сам, как дурак, лезу в царскую тюрьму.

Мы идём по узкому извилистому коридору. Впереди и сзади меня сопровождают вооруженные мечами воины. В поднятых вверх мускулистых руках они несут чадающие факелы. Где-то позади остались царь Неарх с фальшивой улыбкой на устах и страхом в глазах, Ксанф с кровоточащей головой ящера и пиршественный зал, заполненный вооружённой стражей

и демонстрирующими веселье гостями.

Воин впереди вдруг останавливается и распахивает передо мною тяжёлую, обитую бронзой дверь. Мы входим. В колеблющемся свете факелов я вижу лежащую на середине камеры фигуру в комбезе Патруля времени.

— Ну, здравствуй, Старшой, — пронзает мне сердце знакомый голос. — Дождлся-таки...

— Оставьте нас, — приказываю я воинам, и те, воткнув факелы в предназначенные для них гнёзда, выходят.

— Генка Гор, — с горечью шепчу я. — Так это ты — Горгона?

— Я, — не отрицает очевидное мой лучший друг. — Генка Гор, Гор Гена, Горгона...

Он вдруг закашлялся, на губах запузырилась кровь.

— Что с тобой? — Бросился я к нему.

— Не трогай! — Остановил он меня. — Твой выстрел из пистолета был на удивление удачен. Парализованный, я не мог управлять антигравом и на полной скорости впечатался прямо в скалистый берег моря. Похоже, у меня переломаны все кости и повреждены внутренности.

— Завтра я доставлю тебя в лучшую больницу... — Мои ноги подкосились, и я сел рядом с Генкой, лежащим на грязном и холодном каменном полу.

— Нет, Старшой, забудь. Мне хана. Я жив до сих пор только благодаря надежде дождаться тебя, обезболивающим и стимуляторам из аптечки.

— Меня ждал? Зачем? Ты же стрелял в меня из бластера!

— Не знаю почему, но я не смог скрыться во времени, когда ты окликнул меня по радиации и приказал сдаться. Мой хронокомпьютер перестал работать. Вот я и решил укрыться где-нибудь здесь, в этом мире. Пальнул из бластера, зная, что защита у тебя включена. Думал, пока ты будешь прятаться от меня в облаках, я успею смыться.

— Подожди, я прикажу перенести тебя отсюда...

— Оставь! — Удержал меня Генка. — Нет времени. Я же сказал: мне хана. Свой УПХ я уже сжёг — хватило остатков заряда

бластера. Так что домой мне по любому не попасть. Как и в нашу российскую тюрьму. Лучше умру здесь. Я теперь — часть этого мира.

— Эх, Генка! — Со злостью ударил я кулаком об пол. — Зачем?

— Не переживай, Старшой, — хрипло ответил он. — Я ведь не дурак. Знал, что когда-нибудь эта минута настанет, и приготовился: у меня ампула с ядом в зубе. Вы меня всё равно живым бы не взяли.

— Я не про это, — мой голос тоже звучал хрипло. — Зачем ты стал «чёрным археологом»?

— Ради денег, конечно, — криво усмехнулся Генка. — Я ж детдомовский. Как подросток, меня тут же выперли на улицу — живи, парниша, как сможешь! А что я мог? Что умел? Вот тогда-то я и прибил к «чёрным копателям». Но вскоре Крот, наш главарь, погорел на сбыте найденного нами оружия времён Второй мировой войны. И опять я остался один, сам по себе. Завербовался в армию. Пять лет бросали из одной горячей точки в другую. Все ребята, с кем начинал службу, сгинули, а на мне ни царапины! Однажды вызвали в штаб, и там один хмырь в штатском предложил мне перейти на службу в Патруль времени.

— Зачем же ты теперь-то подался в «чёрные археологи»? У нас жалованье побольше, чем в армии. Иль на баб не хватало?

— Я не в археологи пошёл. Скорее, в следопыты — искал конкретные вещи, затерянные во времени. Сопровождал как-то одну группу, изучавшую подробности смерти и похорон Чингисхана. Услышал спор учёных о том, каким образом в голом поле помечать место захоронения Чингисхана, чтобы монголы и последующие искатели могилы эту метку не обнаружили, а они, вернувшись в наше время, смогли найти. Вот тогда-то мне и пришлось в голову, как можно модернизировать бизнес «чёрных археологов» и заработать на достойную жизнь.

— Что ты называешь достойной жизнью? — разозлился я. — Хожение по бабам и кабакам?

— Это всё внешнее, Старшой. — Генка сплюнул сгусток крови. — Львиную часть денег я переводил детским домам. Помогал

ребятам и девчонкам, с которыми вырос. Их ведь тоже, как и меня, выпихнули за дверь без денег, жилья и работы. Теперь у моих друзей есть всё, что нужно для нормальной жизни. Ну, и себя, конечно, не забывал. Я никому не делал зла, Старшой! Не жалеешь теперь, что нашёл Горгону?

— В Робин Гуды метишь? — горько усмехнулся я. — Полковник Романов из МУРа всех твоих подопечных найдёт, запишет в соучастники и, если не посадит, то добьётся конфискации всего их несправедливо нажитого добра.

— С какой стати? — хищно оскалился Генка. — Я же делал всё сам, один.

— Один? — в ярости закричал я. — А кто принимал на почте без должного оформления твои посылки? Кто искал тебе информацию по заказанным артефактам? Кто ведёт твои банковские дела? Кто занимается перепиской от твоего имени с интернет-магазином Беридзе с несуществующих адресов? Думаешь, в МУРе дураки сидят? Добро он людям делал! Ты показал своим друзьям сладкую жизнь. Каково им потом-то будет, когда их опять ткнут мордой в дерьмо? Нет, я не жалею, что нашёл Горгону, потому что ненаказанное зло всегда чувствует себя добром.

— Значит, считаешь меня злом? — тихо сказал Генка. — Уверен, что их найдут и всё отнимут?

Я не ответил.

— Мы думали об этом, — вдруг сказал Генка. — Без помощи Патруля времени МУР не справится. Им придётся отследить все мои контакты в нашем времени, а это сейчас невозможно. Ты же знаешь: у каждого хрононавта есть мёртвая зона времени, куда он не может попасть — время его собственной жизни. Один и тот же человек не должен одновременно находиться в двух разных местах, тем более встречаться с самим собой. Значит, муровцам придётся подождать не менее двадцати пяти лет, пока родится, вырастет и пройдёт соответствующую подготовку тот сотрудник Патруля времени, который сможет заняться отслеживанием моих контактов в нашем времени. Думаю, что они не станут столько ждать, ведь я не маньяк-убийца и не военный

преступник. Срок давности, Старшой! А сами они и меня-то найти не смогли, раз ты здесь. Я прав?

— Не совсем, — нехотя признал я. — До этого они не знали, кто такой Горгона. Теперь ситуация изменилась. Не так уж трудно узнать, кто из твоих детдомовских друзей работает на почте или стал хакером. Их найдут.

— Найти мало, Старшой! — Сжал мою руку горячими пальцами Генка. — Надо ещё доказать вину, найти улики. Ты сможешь моим друзьям? Зло ведь уже наказано...

— Как?

— Ты прав, я не гений, — усмехнулся Генка и закашлялся. Кровавый ручеёк потёк у него из уголка рта. — Моё время на исходе.

— Так не теряй его, говори, что надо сделать!

— Как вернёшься назад, дай объявление в интернет-газете «Совершенно бесплатно» в разделе «Разное». Напиши, что ищешь напарника для участия в вирт-игре «Коррида». Это сигнал о моём провале. Ребята знают, что и как им надо сделать, чтобы их, как ты изящно выразился, не ткнули мордой в дерьмо. Сделаешь?

— Обещаю, — твёрдо ответил я.

— Спасибо, Старшой! Прощай...

Во рту у Генки что-то хрустнуло, он обмяк, его напряжённое лицо постепенно разгладилось, горячая рука вскоре начала холодеть...

МАГИЯ ЛЮБВИ

1. Мечь Пирата

Алла Михайловна захрипела и обмякла. Славка тут же перестал себя сдерживать и отдался во власть собственных чувств и ощущений. Вскоре он громко застонал, судорожно сделал несколько последних толчков, выпуская скопившийся «заряд» и бессильно рухнул рядом с любовницей. Оба лоснились от пота и были полностью удовлетворены любовной «схваткой».

— Ты был, как всегда, великолепен, — промурлыкала Алла Михайловна и, собрав в горсть ладони их общие выделения, обильно струящиеся по её полным ляжкам, начала неторопливо размазывать эту остро пахнущую смесь по своему плоскому животу и большим, не по возрасту крепким грудам.

Славка благодарно чмокнул Аллу Михайловну в румяную щёчку. Он закурил и с интересом стал наблюдать за действиями любовницы. Когда все наружные выделения были тщательно размазаны по великолепному телу женщины, та начала деловито погружать пальцы внутрь себя, как в огромную баночку с кремом, и вытирать их о своё лицо. Пару месяцев назад, когда Славка впервые увидел эту процедуру, он испытал чувство гадливости и хотел немедленно бежать из этого дома, от этой ужасной женщины. Его даже затосило при мысли, что придётся вновь прикасаться к её телу, целовать его. Заметив тогда его состояние, Алла Михайловна рассмеялась.

— Дорогой, что это ты так побледнел?

— Зачем ты это делаешь?

— Какой же ты ещё, оказывается, мальчик! — вздохнула Алла Михайловна. — Все женщины пользуются косметикой...

— Так, то — косметика! Кремы, мази...

— Лучшая косметика для женщин делается на основе муж-

ской спермы, — тоном учительницы, наставляющей нерадивого ученика, произнесла Алла Михайловна, невозмутимо продолжая привычный ритуал. — Так что тут у нас с тобой все необходимые компоненты есть. Без всякой химии и ненужных добавок. Зачем же добру пропадать?

Славка не нашёлся, что ответить. «Что это я, в самом деле? — подумал он. — Ведь несколько минут назад я целовал и лизал роскошное тело Аллы Михайловны, не пропуская самые интимные его места, пил в упоении страсти её соки. А она делала то же самое со мной. И мы смешивали вкус друг друга в страстных глубоких поцелуях. Тогда я не был столь брезглив».

Уже третий месяц они регулярно встречаются с Аллой Михайловной по пятницам, после работы. Аньке Славка говорит, что задерживается в офисе, чтобы не оставлять на понедельник то, что не успел сделать за текущую неделю.

— Хотя и капитализм у нас теперь, но планы и сроки по выполняемой работе шеф всем устанавливает вполне конкретные. А понедельник, как известно, день тяжёлый, голова плохо «варит» после выходных.

Жена то ли поверила, то ли делает вид. У них раньше со Славкой были жуткие ссоры по поводу его реальных и гипотетических измен. Особенно, когда он решил приударить за Катей из соседней квартиры. А что такого? Одинокая красивая женщина, разведённая, детей нет. Сама строит глазки при каждой встрече. Зачем искать где-то далеко, когда всё, то же самое, или, по крайней мере, не хуже, есть тут, рядом?

Но в доме есть и другие соседки. Аньке быстро «настучали». Из «благих побуждений», конечно! Был жуткий скандал, Славка с большим трудом избежал развода. Спасло то, что у них с Катей тогда не успело дойти дело до койки: в разгаре была стадия комплиментов, цветов и забивания гвоздей. С тех пор Славка тоже признал и, как говорится, взял на вооружение общеизвестный принцип, призывающий не заводить любовные связи там, где живёшь или работаешь, над которым ранее посмеивался

в кругу «трусливых» друзей. Разумеется, этот принцип совершенно не мешал Славке закрутить роман с Люськой, официанткой кафе, в котором он каждый день обедал. Когда Люська начала наглеть и претендовать на нечто большее, чем секс, Славка сменил кафе, благо их понатыкано сейчас чуть ли не на каждом углу. Потом он вновь поменял кафе. Из-за Светки. Потом вновь. Где бы он обедал сейчас, если б шеф неожиданно для всех не сменил главного бухгалтера?

Алла Михайловна взяла власть над Славкой мгновенно, с первой же встречи. Она была старше, опытнее, знала, чего хочет, и умела брать то, что ей нужно. Шеф в её присутствии «сдувался» и смотрел на Аллу Михайловну, как мышь на кошку. Она и была огромной красивой кошкой. Мягкой, обворожительной, не имеющей возраста, с фигурой языческой мадонны: широкие бёдра, узкая талия, высокая полная грудь. Роскошная грива естественных рыжих волос резко контрастировала с белой, удивительно гладкой, без явных возрастных признаков кожей лица и огромными зелёными глазами. Никаких веснушек или конопушек, столь часто присущих рыжим от природы людям, у Аллы Михайловны не было. Двигалась Алла Михайловна плавно, с какой-то кошачьей грацией. Её мурлыкающий голос заставлял что-то внутри Славки сладко вибрировать. Не верилось, что под этой великолепной внешностью и мягкостью скрываются острые когти, которые в любой момент могут схватить зазевавшуюся добычу или изуродовать неосторожного врага.

В первый же день появления в их фирме Алла Михайловна через секретаршу Людочку неожиданно вызвала Славку в свой кабинет и, мило улыбнувшись, властно сказала:

— В пятницу, после работы, мы едем ко мне. Покупать ничего не надо: я сама всё приготовлю. Для своей жены придумай отговорку сам. Всё, можешь идти.

Славка не нашёлся, что ответить. Как сомнамбула, он вернулся за свой стол. Его трясло то ли от возбуждения, то ли от ярости. Что о себе вообразила эта наглая баба? С чего она взяла, что может вот так просто, без лишних разговоров «снять» его, как

какого-то дешёвого жиголо? Надо вернуться и прямо высказать всё, что он о ней думает. Она даже не в его вкусе! Во-первых, наверняка старше него. Во-вторых, пышные формы Аллы Михайловны совсем не похожи на привычные Славке мальчишески стройные фигурки молоденьких официанток. В-третьих... Нет, не в-третьих, а во-первых: у Славки есть принцип! Как это он о нём забыл?

«Пойду и скажу этой самоуверенной стерве, что я не завожу романов на работе, — решил Славка. — Незачем обижать женщину, указывая на её возраст и недостатки фигуры».

Но тут его вызвал к себе шеф. «Этому-то что от меня надо?» — встревожился Славка и поспешил в кабинет начальника.

— Вызывали, Игорь Петрович? — спросил он, приоткрыв тяжёлую, обитую звукоизолирующим материалом дверь.

Шеф хмуро кивнул и махнул рукой — дескать, входи и садись. Славка утонул в низком кресле. Он почему-то всегда чувствовал себя неуверенно в присутствии начальства. Даже когда вся работа была полностью выполнена, и за Славкой не было абсолютно никакой вины, вызов шефа заставлял его сердце переходить на тревожный ритм. Вот и сейчас Славка украдкой вытер потные от волнения ладони о холодную кожу подлокотников кресла.

Шеф вёл себя странно. Обычно он ни с кем долго не рассусоливал, вечно куда-то спешил или был занят каким-нибудь срочным делом. Сейчас же он, молча, курил, задумчиво глядя на цветущую сирень за окном, как будто забыл о присутствии в своём кабинете срочно вызванного сотрудника.

Славка обеспокоено заёрзал в неудобном кресле и робко покашлял, напоминая шефу о себе. Тот, наконец, загасил в пепельнице докуренную до фильтра сигарету, нажал кнопку селектора и сказал в микрофон:

— Людочка, меня ни для кого нет.

— Поняла, Игорь Петрович, — услышал Славка ответ секретарши.

— И ни с кем меня не соединяй, — добавил шеф и отключил селектор. — Бери стул и подсаживайся поближе, — приказал он Славке и вынул из ящика стола бутылку дорогого коньяка, две рюмки и коробку шоколадных конфет. — Лимоны, извини, кончились, — криво улыбнулся Игорь Петрович.

Заинтригованный Славка, с трудом выбравшись из мягкого кресла, подсел к столу начальника. Он работал в этой фирме уже пять лет, участвовал во всех корпоративных вечеринках, несколько раз присутствовал на совещаниях, но до сих пор был уверен, что шеф вряд ли узнает его при случайной встрече на улице.

Игорь Петрович разлил ароматную жидкость по рюмкам и спросил:

— За что выпьем?

Славка пожал плечами и робко улыбнулся:

— За что хотите...

Шеф залпом, как водку, проглотил коньяк и зашуршал обёрткой конфеты. Славка послушно последовал его примеру.

— Зачем тебя вызывала Алла Михайловна? — вдруг жёстко поинтересовался шеф.

Славка растерялся, не зная, что ответить.

— Она назначила тебе свидание, — уверенно произнёс Игорь Петрович, вновь наполняя рюмки.

Славка не знал, как быть. Опровергать? Подтвердить? Чёрт его знает, какие у шефа отношения с этой Аллой Михайловной. То, что Игорь Петрович регулярно пользуется прямо в кабинете секретаршу Людочку, знали все. Но почему он уволил прежнего главбуха, работавшего в фирме с момента её основания, и взял на его место Аллу Михайловну, не знал никто.

— Молчишь? — Вдруг улыбнулся шеф. — И правильно! Одобряю. А то я боялся, что ты — трепач. После всех этих сплетен о твоих шашнях с официантками кафе. — Пояснил он в ответ на возмущённый взгляд Славки. — Ты пей, не стесняйся. Коньяк хороший, армянский. Мы теперь с тобой вроде как родственниками будем.

— В каком смысле? — Поперхнулся от неожиданности жгучей жидкостью Славка.

— А через постель Аллы Михайловны! — Засмеялся Игорь Петрович.

Кашляя, Славка невнятно промычал что-то протестующее.

— И не вздумай сопротивляться! — вдруг становясь серьёзным, властно прорычал шеф. — Только себя погубишь.

— О чём это Вы?

— Ведьма она! — перегнувшись через стол к ошалевшему от всего происходящего Славке, прошептал Игорь Петрович. — Самая настоящая ведьма. Питается нашими эмоциями и соками. Энергетический вампир! Отказать ей — всё равно, что у голодного кусок хлеба отобрать. Не простит.

— Ведьма?

Выпитый коньяк начал действовать, и Славка расплылся в дурацкой улыбке.

— Не веришь? — Игорь Петрович достал из пачки сигарету и закурил, жестом предлагая Славке сделать то же самое. — Я тоже не поверил, когда мне год назад на своём юбилее сказал об этом сам Иван Иванович. Он и познакомил нас тогда с Аллой Михайловной.

— Тот самый? — поразился Славка.

— Других не знаю, — развёл руками шеф. — Бывший мэр, бывший Первый секретарь горкома КПСС и тэпэ, и тэдэ. Мы с ним — дальние родственники. Настолько дальние, что мало кто об этом знает.

«Странные вкусы у этой Аллы Михайловны, — подумал Славка. — Ну, ладно, я — высокий, спортивный, секс-машина. Но этот обрюзгший и наполовину лысый Игорь Петрович? Мы с ним рядом смотримся, как молодой Бельмондо и разжиревший к старости Депардье. А про престарелого Ивана Ивановича и говорить нечего!»

— Так вы, значит, с Аллой Михайловной уже год... это самое? — Изобразил неприличный жест Славка.

— Иван Ивановичу тогда семьдесят стукнуло, и справляться

с запросами Аллы Михайловны старику стало не под силу — проигнорировал Славкин вопрос Игорь Петрович.

— Да уж, — развеселился Славка. — В его-то возрасте!

— Зря смеёшься, Славик! — Погрозил ему дымящейся сигаретой Игорь Петрович. — А сколько ты дашь Алле Михайловне?

— Ну, лет тридцать пять, — неуверенно промычал Славка. — Нет? А сколько же?

— Никто не знает! — торжествующе выпалил Игорь Петрович. — Когда Иван Иванович основательно набрался на той пирушке, он по секрету сказал мне, что влюбился в Аллу Михайловну, когда ему было всего пятнадцать лет! И она тогда выглядела точно так же, как и сейчас.

— Соврал, небось, по пьяни, — недоверчиво отмахнулся Славка. — Вы её паспорт видели, когда принимали к нам на работу?

— Давай на «ты», — вновь наполняя рюмки, предложил шеф. — Ну, когда мы один на один, конечно, — уточнил он. — А насчёт паспорта, я тебе так скажу: любые документы для Аллы Михайловны — не проблема. Даже если не брать во внимание её связи в наших верхах, то какой начальник паспортного стола устоит перед её чарами? Она ж — ведьма!

— Да с чего ты взял? — возмутился Славка. — Мало ли что там сболтнул пьяный, выживший из ума старикан!

— Эх, Славик, молод ты ещё! — Покровительственно похлопал его по плечу Игорь Петрович. — Сколько тебе? Тридцатник уже стукнул?

— Тридцать два! — вспыхнул Славка.

— А мне — сорок пять, — грустно сказал шеф. — И до знакомства с Аллой Михайловной я успел стать полной развалиной. Все эти производственные проблемы, наезды налоговой и прочих проверяющих органов... Всем дай, от всех отбейся! Государственный рэкет, что б ты знал, похлеще бандитского. К концу дня я еле таскал ноги. Приползал домой и падал в койку с единственным желанием — выспаться. Жену только по большим праздникам ублажал. Да и ублажал ли? Не уверен...

— А как же Людочка? — подмигнул шефу Славка.

— Людочка? Это так — по-быстрому дурь спустить, — отмахнулся шеф. — Бывает, возбудишься среди дня после встречи с каким-нибудь важным клиентом или озлишься на очередного жадного инспектора, нагрянувшего с проверкой... Тут либо убить кого-нибудь хочется, либо грубо трахнуть. Выбор, как видишь, невелик. И Людочка всегда тут. Поверь, никакого удовольствия при этом ни я, ни она не испытываем. Людочка, хоть и блондинка, далеко не дура. Всё отлично понимает, не жалуется и ни на что не претендует. Кроме денег, конечно!

— А причём тут Алла Михайловна? Теперь ты её вместо Людочки вызывать в кабинет будешь?

— Не пори чушь! С Аллой Михайловной всё иначе. С ней у меня для встреч назначен определённый день. И как бы я в этот день ни вымотался на работе, лишь только с ней в койку лягу, сразу чувствую себя неустойчивым жеребцом. Не знаю, что так на меня действует: колдовские чары этой ведьмы или её настойки. И что самое поразительное: приду от неё домой, а у меня ещё сил хватает и собственную жену убажить!

— Ну вот, — встрепетнулся Славка. — А ты говорил, что Алла Михайловна из мужиков соки тянет! За счёт них, типа, эта ведьма и живёт.

— Думаешь, поймал меня? — усмехнулся Игорь Петрович. — Я тоже в своё время этим вопросом задался. Взял бутылку коньяка и поехал к Ивану Ивановичу. И тот мне всё популярно объяснил!

Шеф, держа театральную паузу, неторопливо разлил по рюмкам остатки коньяка. И Славка не выдержал, подыграл ему, нетерпеливо спросив:

— И что же ответил старик?

— А то, — понизил голос Игорь Петрович. — Есть разные виды энергии. Во время секса люди не только свои соки смешивают, но и энергетические поля. Чем нас подпитывает Алла Михайловна, я не знаю. Но вот мы её обеспечиваем тем, что позволяет этой ведьме долго жить и оставаться практически молодой. Видимо, способ этот Алла Михайловна узнала, когда ей слег-

ка за тридцать перевалило. С тех пор она и не меняется! Ну что, выпьем за вечную молодость?

— Ну, а мне-то какая радость с ней связываться? — хмуро поинтересовался Славка. — У меня с бабами всё в порядке, не жалуются. А вечную молодость нам с тобой не видать, если судить по Ивану Ивановичу.

— Каждому — своё. — Зачмокал конфетой Игорь Петрович. — Алле Михайловне — молодость, нам мужскую силу и бодрость. Одно я знаю точно: отказ ведьма не простит.

— А что она сделает? — упрямо взбрыкнул Славка. — Обмениваться соками и смешивать поля я с ней не буду. Настойки её пить тоже. А станет на работе доставать, уволюсь к чёртовой матери! Хорошие программисты везде нужны.

— Дело твоё, — задумчиво пробормотал Игорь Петрович. — Решай сам. Я свой долг исполнил: тебя предупредил, как когда-то то же самое сделал для меня Иван Иванович. А насчёт нужности хороших программистов — не забывай о связях Аллы Михайловны. Чёрные списки пока никто не отменял. Хочешь в них попасть?

— Что же это она при таких связях в нашу фирму работать пошла, а не устроилась где-нибудь при власти? — сдаваясь, пробурчал Славка.

— Дурак ты, Славик! — С сожалением взглянул на него Игорь Петрович. — Алла Михайловна всегда в какой-нибудь маленькой фирме числится. И всегда при власти! А то, что она к нам пришла... Видимо, ей так удобнее. Или прежнее место пришла пора покидать. При вечной-то молодости долго оставаться на одном месте нельзя. Окружающие не поймут.

Шеф взглянул на часы.

— Ого! Заболтались мы с тобой! Я уже опаздываю на встречу.

Игорь Петрович встал, надел пиджак. Славка предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Людочка, меня сегодня больше не будет. Прибери там всё, — на ходу буркнул шеф и ушёл, не сказав больше Славке ни слова...

— О чём задумался, милый? — Алла Михайловна закончила, наконец, косметические процедуры. — Какая-то проблема?

— Да так, ерунда, — восторженно Славка и придвинул поближе сервировочный столик, уставленный графинчиками и закуской. — Что тебе налить?

— Вон той, розовой. — Пристально взглянула на него Алла Михайловна. — А себе плесни зелёной. Она тебя взбодрит и прогонит посторонние мысли.

Славка разлил по рюмкам настойки.

— За что выпьем?

— А за что ты хочешь? — Беспечно рассмеялась Алла Михайловна.

— Ты — хозяйка, тебе и тост говорить. — Улыбнулся в ответ Славка.

— Что ж, раз уж ты сам это предложил. — Озорно блеснула ставшими вдруг чёрными от неимоверно расширившихся зрачков глазами Алла Михайловна. — За Пирата!

— За твоего кота? — неприятно поразился Славка.

— А что тебя так удивляет? — Ехидно улыбнулась Алла Михайловна. — Пират со мной много лет. Искренне меня любит и беззаветно мне предан. Тебя, вот только, за что-то невлюбил. Может, ты какие-то злые мысли на наш счёт таишь?

— Только не на тебя, — поспешил оправдаться Славка.

— Значит, на Пирата?

— Просто я с детства терпеть не могу всяких кошек, собак, хомячков и прочую домашнюю живность, — признался Славка.

— Ну, это — твоя проблема! — Небрежно отмахнулась Алла Михайловна. — Тост произнесён, пора и выпить.

Славка с кислой миной хлебнул из рюмки. Настойки у Аллы Михайловны были сладкие, густые, пахли травами и цветами, алкоголь в них совершенно не чувствовался. Голова оставалась ясной, но вот ноги отказывали сразу. Танцевать после пары рюмок таких настоек Славка бы не решился. Однако через несколько минут слабость сменялась необыкновенной бодро-

стью и эйфорией. После того, как Славка впервые отведал настоек Аллы Михайловны, всяческие вина и коньяки казались ему прокисшей брагой. А водку он теперь вообще на дух не переносил.

— Так за что же ты так не любишь животных? — спросила Алла Михайловна, с видимым удовольствием кладя в рот дольку мандарина.

— А за что их любить? — огрызнулся Славка. — Вон твой рыжий Пират каждый раз шипит на меня, как змея и выгибает спину колесом. Того и гляди, бросится!

— Ну и что? Он просто чувствует твою враждебность, вот и всё. Кошки вообще очень чувствительные существа. Не зря их обожествляли в Древнем Египте.

— Ну да, — завёлся Славка. — У меня дома тоже есть такой божок — кошка Муська. Мой сын, Колька, души в ней не чаёт. Даже спит в обнимку. Однажды, под Новый Год, я пришёл домой с корпоратива. Подвыпивший, конечно. Праздник же! Эта чёртова кошка попала мне тогда под ноги в прихожей. В раздражении, я выкинул её за дверь, на лестничную клетку. И забыл об этом. Дел-то до полуночи надо было сделать полно: ёлку наряжать, стол праздничный накрыть и так далее. Сама знаешь.

Славка нервно закурил.

— За полчаса до курантов, сын хватился своей любимицы. Обыскали всю квартиру, Колька поднял рёв. И тут я вспомнил о том, что произошло ранее, и посоветовал проверить лестничную клетку. Что тут началось! Как только меня жена не обзывала.

Дрожащей от возмущения рукой Славка налил себе ещё рюмку настойки и залпом выпил. Алла Михайловна не сводила с него странного взгляда, молчаливо побуждая продолжить рассказ.

— Одним словом, когда все нормальные люди праздновали, мы втроём обыскивали все подъезды и дворы близлежащих домов. Под все кусты заглянули, все подвалы и чердаки облазили. Люди кругом веселятся, поют и пляшут, петарды в небо пускают, а мы, как идиоты, ищем паршивую кошку!

— Нашли?

— Нашли. На следующий день. В нашем же подъезде! На седьмом этаже молодёжь гуляла. Вытащили из квартиры диван, чтобы не мешал. Ну и на этом диване, конечно, курили и всячески оттягивались ночью. А наша поганая кошка забилась под этот диван и сидела там почти сутки, хотя мы все этажи обошли и звали её по имени. Ну, не сволочь?!

Славка от возмущения подавился сигаретным дымом и закашлялся.

— И причём же здесь кошка? — удивилась Алла Михайловна. — Ты сам испортил праздник и себе, и своей семье. А бедная кошечка просто впала в ступор от страха и окружающего шума. Неудивительно, что мой Пират тебя не любит.

— Ладно! — Славка затушил сигарету и встал. — Вы все умные, один я — дурак. Мне уже пора.

Он вышел из спальни и пошёл в ванную комнату, чтобы под душем смыть с себя посторонние выделения и запахи. Славка не хотел давать жене лишних поводов для ревности и скандала. И тут ему на пути попался кот Аллы Михайловны. Всё ещё находясь под впечатлением новогодних воспоминаний, Славка, недолго думая, с наслаждением пнул Пирата, и тот шипящим шариком улетел в прихожую.

Когда чисто вымытый и успокоенный Славка вышел из ванной комнаты, он опять увидел Пирата. Кот терпеливо ожидал его на пороге прихожей. Нагло усмехнувшись Славке в лицо, Пират лениво проследовал в кухню.

«Что это он? — удивился Славка. — Не шипит, не угрожает напасть».

Славка включил в прихожей свет и задохнулся от ярости. Из его новеньких туфель на линолеум сочилась вонючая жёлтая жидкость.

— Ах, ты, гадёныш! — прорычал Славка. Обезумев от ненависти, он бросился на кухню, схватил за шкуру не ожидавшего нападения кота и выкинул того в раскрытое окно...

Пытаясь отмыть в роскошной раковине умывальника воняющие кошачьей мочой туфли, Славка громко матерился. Услышав звонок во входную дверь, он закрылся в ванной, чтобы неожиданный гость не увидел его из прихожей. Сквозь шум воды Славка слышал какие-то невнятные возгласы и жалобный кошачий мяв. «Услужливые соседи притащили рыжей ведьме её поганую тварь», — понял Славка. Вдруг дверь в ванную резко распахнулась. На пороге стояла разгневанная Алла Михайловна со взъерошенным котом на руках. Её вид был страшен. Под наспех накинутым коротким халатиком штормовыми волнами колыхались груди. Длинные пряди рыжих волос извивались, как змеи Медузы Горгоны. Засохшая на лице «маска» блестела в лучах лампочки. Глаза Аллы Михайловны вновь изменили цвет и красными угольками яростно буравили Славку.

— Как ты посмел? — прошипела Алла Михайловна.

— Ты посмотри, что этот гад сделал! — возмущённо закричал Славка, доставая из раковины испоганенные туфли. Он держал их между собою и Аллой Михайловной, то ли предъявляя улику, то ли отгораживаясь ими, как щитом, от грозной парочки.

— Если Пират что-то и сделал, то это ты спровоцировал его, — решительно отмела Славкины оправдания Алла Михайловна. — Любишь выбрасывать всех на улицу? Что ж, испытаешь это на себе. А для начала — убирайся из моего дома, живодёр!

Позднее Славка так и не смог вспомнить, как он оказался на лестничной клетке. Рядом валялись его вещи и раскисшая от воды обувь. Торопливо одеваясь, Славка оглянулся и увидел в дверях знакомой квартиры страшную рыжую ведьму со столь же рыжим, злобно взъерошенным котом на руках. Две пары одинаково горящих ненавистью глаз пригвоздили Славку к месту. Алла Михайловна выдернула у Пирата несколько шерстинок и, пробормотав что-то невнятное, сдула их со своей ладони в сторону Славки.

— Ты ещё заплатишься! — услышал он злобное шипение. Кто произнёс эти слова: ведьма или её кот, Славка так и не понял...

С той проклятой пятницы налаженная жизнь Славки рухнула под откос. В понедельник, как только он пришёл на работу, к нему подошла Людочка и, молча, положила на стол приказ о его увольнении по собственному желанию.

— Что это? — возмутился Славка. — Я не подавал заявление!

— Тебе виднее! — С любопытством взглянула на него секретарша шефа. — Мне приказали, я напечатала. Давай: или подписывай, что ознакомился, или иди сам разбирайся с Игорем Петровичем.

Схватив лист приказа, Славка ринулся в кабинет шефа.

— Что это значит? — хрипел он, потрясая бумагой.

— А чего ты ждал? — Хмуро взглянул на Славку Игорь Петрович. — Я же тебя, дурака, предупреждал: не зли Аллу Михайловну.

— Так это она?.. — Всё ещё не веря в происходящее, рухнул в кресло Славка.

— Нет, это генсек ООН настоял на твоём увольнении! — заорал Игорь Петрович. — Ты что, действительно, такой тупой или притворяешься? Скажи спасибо, что я тебя «по собственному желанию» увольняю, а не по статье, как она хотела. Чем это ты так её разозлил? Еле уговорил смягчить формулировку. Впрочем, подозреваю, она согласилась только потому, что тебе эта поблажка вряд ли поможет.

— Это мы ещё посмотрим! — Расписался на приказе Славка. — Меня давно в две таких фирмы зовут — не чета вашей.

— Ну — ну, — холодно ответил шеф.

Он сразу как-то посуровел, эмоционально отстранился и официальным тоном сказал:

— Расчёт и трудовую книжку получите в бухгалтерии. Я уже распорядился. А теперь покиньте мой кабинет.

Игорь Петрович оказался прав. Перед Славкой закрылись все двери. Его не брали даже дворником. В отчаянии, Славка устроился в бригаду гастарбайтеров-узбеков. Их бригадир, Фархад,

пять лет назад женился на местной женщине, много старше него. Жили они в том же доме, что и Славка, только в соседнем подъезде. Фархад получил российское гражданство, открыл пару овощных палаток. В начале дачного сезона к нему с родины приезжала толпа молодых «родственников», из которых он сколачивал несколько бригад, и те до самой поздней осени ставили дачникам заборы, ремонтировали сараи и крыши, мостили дорожки, рыли колодцы. Словом, не брезговали никакой работой.

Фархад явно обрадовался, когда Славка попросился в одну из его бригад. Тем более что тот готов был работать наравне с узбеками и за такую же, как у них, мизерную зарплату. Бригадир нахватал так много заказов, что ему не хватало рабочих рук, хотя узбеки работали практически от зари до зари. К тому же, большинство из них почти не понимали русский язык, и Фархад целыми днями разрывался между разбросанными по всему району бригадами, объясняя своим работникам пожелания и замечания заказчиков. Одним словом, Фархад был рад русскому рабу, а Славка хоть какой-то работе и пусть маленьким, но деньгам.

Работа, конечно, была временной, до конца дачного сезона оставалось не больше двух месяцев. Но не прошло и недели, как бригадир неожиданно появился на даче, где Славка с парой узбеков меняли крышу сарая, и, отозвав его в сторону, мрачно сказал:

— Кончай работу, Слава. Не знаю, кому и где ты перешёл дорогу, но подставил ты меня сильно!

— Что случилось, Фархад? — Похолодел Славка, уже догадываясь, что проклятая ведьма достала его и здесь.

Бригадир долго мямля, оглядываясь по сторонам. Потом всё же тихо ответил:

— Меня сегодня вызвали в одно важное учреждение. Там мне прямо сказали, что если я немедленно не избавлюсь от тебя, моим людям отменят регистрацию здесь и выгонят из России. И больше никогда не пустят. А меня привлекут за нелегальную предпринимательскую деятельность, неуплату налогов и... Ну, ты понимаешь?

— Понятно... — протянул Славка, снимая рабочие рукавицы.
— Вот, держи. — Вынул из пухлой сумочки-визитки несколько купюр Фархад. — Это тебе за работу.
— Спасибо! — Славка, не считая, сунул деньги в карман джинсов, махнул на прощанье рукой усердно стучащим молотками под критическим взглядом бригадира узбекам и пошёл прочь...

И в личной жизни у Славки тоже был полный абзац. Ещё тогда, в ту злополучную пятницу, когда он злой, в вонючих мокрых туфлях пришёл домой, прозвенел первый колокольчик тревоги.

С тех пор, как Славка начал проходить науку любви под руководством Аллы Михайловны, он стал потихоньку применять полученные знания и навыки к собственной жене. Вскоре он совершил невероятное открытие. Оказалось, что все восемь лет совместной жизни Анька всегда притворялась, что получает от секса с ним удовольствие, часто просто имитируя оргазм. Нет, жена вовсе не призналась ему в этом, не сказала открытым текстом и даже не намекнула. Просто теперь он сам, как говорится, опытным путём убедился, что Аньке вовсе не нравится, когда Славка с силой сжимает и мнёт её небольшие, полужидкие после родов грудки или засасывает их в рот чуть ли не целиком. До него ясно дошло, что, сколько бы он ни трудился над женой в рабоче-крестьянской «позе миссионера», та при этом не ощущает ничего, кроме тяжести его тела и скуки. Когда же ей окончательно надоедает вся эта бессмысленная возня, Анька по примеру всяческих кино-див начинает тяжело дышать, стонать, имитировать судороги оргазма, приближая желанный конец неприятной процедуры. А он-то, дурак, гордо считал себя секс-машиной, был на седьмом небе от того, что полностью удовлетворяет жену.

Теперь же Славка точно знал, что стоит ему долго и нежно поцеловать жену в ямку между шеей и ключицей, и кожа Аньки покроется мурашками. А если он ласково проведёт кончиком

языка по внутренней поверхности Анькиного бедра, та задрожит от возбуждения, маленькие плоские соски её груди сразу вырастут, набухнут и превратятся в высокие розовые столбики, а из нижних губ начнёт сочиться терпкая влага смазки.

Когда Славка впервые подложил под плоский зад жены подушку и забросил её длинные ноги себе на плечи, изменив тем самым угол проникновения, глаза Аньки широко распахнулись, а с губ, наконец, сорвался настоящий стон. Главная эрогенная зона жены сразу стала доступна, и вскоре Славка узнал, как выглядит и ведёт себя Анька во время настоящего оргазма. С тех пор Славкина жена перестала избегать секса.

Раньше, когда Славка задерживался на работе или проводил приятный часок с очередной официанткой, его встречали дома либо скандал, либо темнота и спина отвернувшейся к стене якобы спящей жены. Теперь, как бы поздно Славка ни пришёл, Анька его ждала. И он всегда делом доказывал ей, что ожидание было не напрасным.

Вот и в ту злополучную пятницу всё начиналось вроде, как всегда. Анька ждала его, лёжа в постели в красивом новом пеньюаре. Славка бросил испорченные туфли в мусорное ведро, быстро принял душ, вымыл душистым мылом ноги и пошёл в спальню. Вскоре Анька вся горела и трепетала, а вот Славка никак не мог возбудиться. Что бы он ни делал, как бы ни ласкала его жена, перед глазами у Славки стояла оскалившаяся в злобной гримасе рыжая морда Питата, а в ушах звучало это шипящее «поплатишься».

В конце концов, отчаявшийся Славка, чтобы хоть как-то утихомирить начинавшую злиться жену, вынужден был использовать язык и пальцы. А когда всё, наконец, закончилось, пробурчал, что сильно вымотался на работе. А вот завтра, в выходной, они с Анькой всё наверстают.

Но, ни завтра, ни в последующие дни и ночи ничего не изменилось. Главный Славкин секс-орган не желал работать. Он мог проснуться и даже налиться силой во время прелюдии. Но, как только Славка решался перейти к активной фазе, перед глазами

у него возникала оскалившаяся в злобной гримасе рыжая морда Питата, и его «дружок» тут же сдувался и повисал вялым, бесильным куском плоти.

Сначала Анька Славке сочувствовала. Она даже водила его по врачам, но те ничего патологического не находили.

— Наверно, на тебя так подействовал стресс увольнения, — сказала Анька. — Ничего, вот устроишься на работу, успокоишься, и всё опять наладится.

Ещё зимой они планировали взять в августе отпуск и махнуть вдвоём к морю: съездить по путёвке в Египет, Турцию или Болгарию. Сын Колька в начале июня был отправлен на всё лето в деревню к бабушке. Но неожиданное увольнение Славки свело все их планы на нет.

Шли дни, недели, вот уже и август наступил. Ни работы, ни секса. Понимание и терпение у жены закончились. Отношения между супругами достигли критической «точки невозврата».

— Я уезжаю к маме, в деревню, — объявила в первый день своего отпуска сквозь злые слёзы Анька, собирая чемодан. — Вернусь с Колькой недели через три. А ты постарайся к нашему приезду решить все свои проблемы.

Сашка молча проводил Аньку на вокзал. Когда, перед входом на перрон, он отдал жене чемодан и потянулся поцеловать её на прощанье, та резко отстранилась и сквозь зубы процедила:

— Не забывай поливать цветы и кормить кошку. Если с Муськой что-нибудь случится... Мне не нужен бездельник-импотент, не способный позаботиться даже о кошке.

2. Личный враг

Оставшись совсем один после отъезда жены, Славка бросил бесполезные попытки найти хоть какую-нибудь работу. Он целыми днями валялся на диване и слушал старые записи советских бардов: Анчарова, Визбора, Высоцкого. Из дома выходил только в магазин, чтобы купить еду себе и кошачий корм Муське. Кошку

Славка почти не видел: та тщательно избегала любых встреч с хозяином. Славкины дни слились в однообразный хоровод: спальня, кухня, магазин, диван. Течение времени Славка отмечал по уменьшению оставленных женой денег. Он перестал бриться и следить за собой. Соседи при встрече с ним брезгливо сторонились, некоторые даже перестали здороваться.

Однажды, в зоомагазине вместо долговязой невзрачной девицы за прилавком оказалась маленькая сухонькая старушка. Подавая Славке пакет кошачьего корма, она вдруг тихо сказала:

— Большая беда у тебя, сынок. Кто-то наложил на тебя порчу.

— Знаю, — безразлично ответил Славка и отвернулся, собираясь уйти.

— Подожди, — попросила старушка.

Она быстро вышла из-за прилавка, подвела Славку поближе к окну и стала внимательно рассматривать.

— Нет... — С сожалением покачала она седой головой. — Такое заклятие я не могу снять.

— А вы что, тоже ведьма? — равнодушно спросил Славка.

— Знахарка я, — ничуть не сердясь, ответила старушка. — Травками всякими лечу, заговорами.

— А ведьму какую-нибудь знаете? — загораясь надеждой, спросил Славка. — Ну такую, которая смогла бы мне помочь.

— В вашем городе только одна ведьма живёт, — задумчиво ответила знахарка. — Она, видать, и наложила на тебя заклятие, больше никому. Но заклятие это какое-то странное...

— Странное? — теряя надежду, спросил Славка.

— Тут, видать, не только ведьма постаралась. Ещё чьё-то злое влияние проглядывает. Но вот чьё?

— Что же мне делать?

— Приходи завтра, сынок, — сказала старушка. — Я тебе одну травку дам. Заваришь её вместо чая и выпьешь на ночь.

— И что это даст?

— Может, ничего не даст, — спокойно ответила знахарка. — Но, если повезёт, ты увидишь во сне своего врага...

— Я и так знаю своего врага! — махнул рукой Славка.

— Ты о ведьме? — усмехнулась старушка.
— О ком же ещё?
— Ведьма — только инструмент, — разделяя слова паузами, чтобы до Славки лучше дошло, произнесла знахарка. — Узнай своего истинного врага, тогда и средство борьбы с ним поискать можно будет.

Всю дорогу до дома Славка твердил, как молитву:

— Только инструмент, только инструмент...

Бросив нераспечатанный пакет с кошачьим кормом рядом с пустой кормушкой, Славка бросился в ванную и впервые за дни одиночества взглянул на себя в зеркало. С удивлением он увидел в отражении грязного бомжа, в неровной пегой щетине бороды и нечёсанных лохмах которого серебрились в свете лампы седые прядки волос.

Когда чисто вымытый, гладко выбритый и аккуратнo причёсанный Славка вывалился из ванной, благоухая дезодорантом и дорогим шампунем, в нос ему ударил застарелый запах кошачьей мочи. Он заглянул в туалет. Рядом с переполненным кошачьим поддоном растекалась вонючая лужица.

— Вот ведь тварь! — выругался Славка. — И когда только успевает? Я ж вот только недавно за ней убирал. Или это было вчера?

Пришлось в срочном порядке мыть Муськин поддон и пол туалета, потом заново принимать душ и к знакомому зданию некогда родной фирмы Славка подошёл уже к концу рабочего дня.

— Игоря Петровича нет! — Вскинула на Славку удивлённые глаза Людочка.

— Я не к нему, — пробурчал тот в ответ и решительно распахнул дверь в кабинет главного бухгалтера. — Разрешите, Алла Михайловна?

Не ожидая ответа, Славка вошёл и плотно закрыл за собой дверь. Им двигала надежда узнать имя своего настоящего врага. Терять было уже больше нечего, а приобрести можно многое.

— А, это ты. — Ничуть не удивилась Алла Михайловна, с любопытством осматривая Славку. — Проходи, садись.

— Ты прекрасно выглядишь, — искренне сказал Славка. — Впрочем, как всегда.

— Ну и ну, — рассмеялась Алла Михайловна. — Так хорошо начал! Зачем же сводить комплимент на нет?

— Это не комплимент, а констатация факта! — Славку начала бить мелкая дрожь. Он быстро терял уверенность в себе, а разговор всё более уходил не в то русло.

— Ладно, не будем блуждать в определениях. — Взмахнула холёной рукой Алла Михайловна. — Зачем пожаловал?

— Ты победила, — с горечью выдавил из себя Славка, бесильно сгорбившись на неудобном стуле. — Я дошёл до точки: работы нет, денег нет, моя семья на пороге распада.

— И кто в этом виноват? — холодно спросила Алла Михайловна.

— Я! — в отчаянии выкрикнул Славка. — Только я. Признаю. Но причём здесь мои близкие? Они-то за что страдают? Аля, я не прошу у тебя снисхождения для себя, но пожалей моих жену и сына. Они же ни в чём перед тобой не виноваты!

Алла Михайловна с удивлением взглянула на Славку.

— С каких это пор ты стал заботиться о других?

Славка сполз со стула и бухнулся перед рыжей ведьмой на колени.

— Умоляю тебя!

Неожиданно горячие слёзы хлынули у Славки из глаз. Алла Михайловна вскочила, бросилась к нему, легко подняла и усадила на стул.

— Ты что, совсем ополоумел? — сказала она. — Что это за бабские истерики?

— Прости меня, — всхлипывал Славка. — Я больше не могу так жить...

— Дурак! — Алла Михайловна достала из холодильника графинчик с розовой жидкостью, плеснула немного в стакан и сунула Славке в руку. — На, выпей и успокойся.

— Аля, Алая моя! — Застучал зубами о край стакана Славка. — Прости...

— Тьфу! — Брезгливо отодвинулась от него Алла Михайловна. — Терпеть не могу таких мужиков.

Она вернулась за свой стол и холодно сказала:

— Ладно, успокойся, наконец. Твои близкие, действительно, не должны страдать. Возвращайся завтра на своё прежнее место. Я распоряжусь. Сможешь здесь работать или предпочитаешь поискать себе место в другой фирме?

— Смогу! — Благодарно кинулся к ней Славка.

— Не надо! — Жестом руки остановила его порыв Алла Михайловна. — Оклад будет тот же. А вот про пятницы забудь, — внушительно добавила она. — Слово кому скажешь и... Второй раз прощения не жди.

— Я всё понял, Алла Михайловна, не сомневайтесь, — униженно закивал Славка. — Спасибо вам!

Домой Славка летел, как на крыльях. Жизнь опять налаживалась. По пути он зашёл в парикмахерскую и почти час развлекал девушек анекдотами, пока те приводили в порядок его голову и ногти. Дома Славка полил, наконец, на подоконниках почти засохшие цветы, щедро насыпал Муське корма и сменил воду в её блюде. Потом плюхнулся на диван и включил телевизор.

На экране шла какая-то эротическая сцена, и Славка неожиданно почувствовал возбуждение.

— Неужели, и эта напасть прошла? — с радостной надеждой подумал он. — Чёрт! Я ж на радостях забыл узнать у рыжей ведьмы, кто мой враг. Плевать! Кажется, теперь это не важно.

Любовная сцена сменилась перестрелкой, и Славка, зарывав от нетерпения, стал рыться в тумбочке под телевизором, отыскивая диск с порнухой. Найдя искомое, он застыл в раздумьях.

— Может, лучше к Катке толкнуться?

Нет, он уже один раз нарушил принцип, заведя роман на работе. И чем это кончилось? И кончилось ли? Славка решительно сунул диск в плейер и плюхнулся на диван.

— Что ж, за неимением реальной бабы, придётся довольствоваться «Дунькой Кулаковой», — засмеялся он. — Как говорится: здоровый онанизм укрепляет организм!

Через час бесплодных усилий, злой и разочарованный Славка выключил видик. Проклятая ведьма вернула ему работу, но не сняла заклятие!

Утром следующего дня сослуживцы встретили Славку двусмысленными улыбками, шуточками и настойчивыми расспросами о произошедшем с ним. Славка на вопросы отмалчивался, а на подколки отшучивался. Игорь Петрович при случайных встречах его не замечал, смотрел куда-то «сквозь» Славку, на приветствие не ответил. Одна только Людочка ни о чём Славку не спрашивала, не подшучивала над ним и держалась, как и прежде.

Пару дней Славка полностью отдавался работе, разгребая накопившиеся за время его отсутствия завалы. Наконец, всё срочное было сделано, и мысли Славки вновь стала занимать его проблема. Он набрался смелости и, дождавшись конца рабочего дня, пошёл в кабинет Аллы Михайловны. Увидев его, та сначала удивлённо вскинула брови, потом нахмурилась.

— Я, кажется, тебе уже всё сказала насчёт пятниц, — сказала она.

— Сегодня пятница? — удивился Славка. — Нет, я к вам по другому вопросу.

— По какому же?

Славка замялся, не зная, как приступить к делу. Алла Михайловна выразительно посмотрела на часы.

— Как ваш Пират? — наконец, выдавил из себя Славка.

— Пират? — С интересом взглянула на него Алла Михайловна. — Прекрасно! Ему, а значит и тебе, повезло: второй этаж, мягкая земля цветочной клумбы. Так что Пират пострадал больше морально, чем физически. Будь всё иначе, ты бы так легко моё прощение не получил.

— Алла Михайловна, — решился, наконец, перейти к главно-

му Славка. — Раз уж ваш кот жив и здоров, может, вы окончательно меня простите?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, это...

Славка оглянулся на дверь, убедился, что та плотно закрыта и прошептал:

— Снимите заклятие.

— Ах, это! — Засмеялась Алла Михайловна. — Нет, дружок, тут я тебе помочь не могу.

— Почему? — Похолодел Славка.

— Ты сказку про Аленький цветочек знаешь? — насмешливо спросила Алла Михайловна.

— Причём здесь эта сказка?

— А там описано именно это заклятие, — откинувшись в кресле, начала объяснять Алла Михайловна. — Прекрасного принца превратили в отвратительное чудовище, и снять заклятие могла только девушка, которая бы искренне полюбила принца в этом страшном обличье. Так что, Славик, всё в твоих руках. Вернее, в сердцах твоих многочисленных баб. Обратись за помощью к своим официанточкам, к жене, наконец. Неужто, никто из них тебя не полюбит и таким?

— Стерва! Ведьма!

В ослеплении ярости Славка чуть не шагнул с тротуара под проезжающую мимо машину, но его вовремя удержал какой-то старичок.

— Куда ж ты на красный свет прёшься? — сердито выговорил он Славке. — На тот свет торопишься?

— Бабка! — вспомнил Славка, глядя в морщинистое лицо спасителя. — Знахарка!

Запыхавшись, он влетел в знакомый зоомагазин за пять минут до его закрытия. За прилавком уныло прихорашивалась долговязая девица.

— А где старушка, что здесь работала недавно? — тяжело дыша, спросил её Славка.

— Баба Вера? — Удивлённо взглянула на него девица. — Назад, в деревню уехала.

— Как уехала? — Пал духом Славка.

— Она меня всего пару дней подменяла. — Равнодушно пожала узкими плечами девица. — А вам она зачем?

Славка безнадёжно махнул рукой.

— А как называется её деревня?

— Мне-то откуда знать? — Щёлкнула косметичкой девица. — У хозяина спрашивайте. Покупать что-нибудь будете, а то мне пора закрывать?

Славка побрёл к выходу.

— Эй, мужчина, — окликнула его девица. — Баба Вера тут для кого-то кое-что оставила. Не для вас, случайно? Хотя, тот, она говорила, на бомжа должен быть похож...

— Для меня! — Ожил Славка. — Не сомневайтесь, это я был тем бомжом ещё недавно.

Девица вынула из-под прилавка небольшой газетный свёрток и отдала его Славке.

— Спасибо! — горячо поблагодарил тот. — Сколько с меня?

— Нисколько. — Нетерпеливо подтолкнула его к выходу девица. — Баба Вера за помощь денег не берёт.

Дома, сидя на любимом диване, Славка бережно развернул свёрток. В нём оказалась маленькая баночка из-под детского питания. В нетерпении, Славка открыл крышечку и заглянул внутрь. Он увидел смесь каких-то мелко порубленных растений. Пахло из баночки так, что Муська, забыв страх, вылезла из-под кресла и даже попыталась залезть к Славке на колени. Отмахнувшись от обнаглевшей кошки, Славка поспешил на кухню и поставил на огонь чайник. Никакой записки в свёртке не было, и Славка, вспомнив, что говорила ему знахарка, достал из серванта заварной чайничек праздничного сервиза и высыпал в него всё содержимое баночки...

Барсик уморительно шипел, пушистым чёрным шариком

катался по ковру, гоняясь за «мышкой». Мальчик громко смеялся, дёргая нитку, к концу которой был привязан яркий фантик от конфеты. Котёнок жмурил янтарные глазки, вставал на задние лапки, пытаясь передними схватить пляшущий над головой фантик. Его короткий, пушистый как у белки хвостик нервно дрожал.

— Светик, пойдёшь вынеси мусор! — послышался из кухни голос мамы.

Мальчик сделал вид, что не слышит. Пусть папа выносит это противное ведро и вываливает его содержимое в вонючий мусоропровод. Всё равно он ничего не делает, только сидит рядом с мамой и курит в раскрытую форточку.

— Светик, Я кому сказала? — голос мамы из ласкового стал строгим. — Немедленно вынеси мусор! Я сейчас буду картошку чистить, а ведро полное.

Мальчик нехотя встал с ковра и поплёлся на кухню. Барсик пантерой набросился на неподвижную «мышку», впился в неё зубами и когтями всех четырёх лап и начал упоённо рвать на куски, отплёвываясь и фыркая.

— Перестань называть его Светиком, — недовольно пробурчал папа. — Сколько раз тебе говорить: он — мальчик, а не девочка!

— А как мне его называть? — привычно огрызнулась мама. — Святослав Сергеевич, что ли?

— Святослав — это «святая слава», — выбрасывая окурок в форточку, тоже повысил голос папа. — Святая, а не светлая!

— Ну, что встал? — Повернулась к сыну мама. — Забыл, где у нас мусорное ведро?

Мальчик вытащил из-под раковины тяжёлое ведро и поплёлся к выходу.

— Святая, светлая — какая разница? — услышал он раздражённый мамин голос. — У всех святых на иконах над головой нимб светится...

«Как же надоели эти постоянные споры! — грустно подумал мальчик. — Ну почему меня не называли Петькой или Сашкой?»

— Святослав — знаменитый русский герой! — гремел сзади

папин голос. — Он до Царьграда дошёл...

Мальчик перешагнул порог квартиры и с силой захлопнул за собой дверь. Болезненный писк заставил его выронить ведро. Дверь не закрылась! Глупый верный Барсик, всегда ходивший за хозяином по пятам, бился в судорогах между косяком и дверью.

На крик сына из кухни прибежала мама. Она подхватила трепещущий пушистый комок в руки, что-то успокоительно лепетала, дула Барсику в мордочку. Всё было напрасно. Через минуту котёнок умер. Удар двери сломал ему шею. Мама заплакала, сжав в объятиях бьющегося в истерических рыданиях Светика. Папа, молча, достал с антресоли в прихожей старую коробку из-под обуви и бережно уложил в неё безжизненное тельце котёнка.

— Мы похороним Барсика во дворе, под нашими окнами, — сказал он. — Ты сможешь его навещать...

— Нет! — закричал Светик. — Никогда! Ни за что! Как он мог? Зачем?...

Когда Славка вынырнул из ужасного сна-воспоминания, на груди у него лежала Муська и слизывала слёзы, обильно струящиеся из его глаз. Увидав, что Славка открыл глаза, кошка продолжила спокойно «умывать» хозяина и даже как-то успокоительно заурчала. К собственному удивлению, Славка и сам почему-то не испытывал ни малейшего желания шугануть кошку. Наоборот, было несказанно приятно ощущать на себе тёплый вибрирующий комок. Он осторожно поднял руку и впервые погладил Муську. Та довольно выгнулась и громко замурлыкала.

Давно забытая, насильно заглушённая волна любви к ласковому домашнему существу накрыла Славку. В его руках сейчас млели от удовольствия и бедный глупый Барсик, и выкинутая на мороз и ужас маленькая Муська, и даже злобный Пират.

«Каким же бесчувственным чудовищем я был всё это время! — поразился Славка. — Это же я убил тогда Барсика. Пусть нечаянно, случайно, но убил. И переложил собственную вину на несчастного котёнка. Обвинил в предательстве и осудил как

самого Барсика, так и всех, кто мог бы его заменить, а потом так же „предать“, оставив меня в одиночестве, наедине с горечью утраты. Муська и Пират хотели и ждали от меня внимания и любви. А что получили? Знахарка права: ведьма — только инструмент, а враг мой всегда был со мною рядом — это я сам!»

Славка зарыдал громко, в голос, как в детстве. Муська встрепенулась и напряглась.

— Не бойся, маленькая, — сквозь слёзы и сопли выдавил Славка, ласково удерживая кошку у себя на прыгающей от плача груди. — Это скоро закончится. Просто из меня выходит то зло, что копилось все эти годы.

Они мирно лежали, глаза в глаза, нос к носу. Славка постепенно успокаивался. Наконец, слёзы закончились, и он впервые ясно рассмотрел свою новую четырёхлапую подружку. Странно, и почему это Муська раньше казалась ему какой-то серой, бесцветной? Славка с удивлением увидел, что короткая кошачья шёрстка переливается тремя, а то и четырьмя цветами. Тут были и чёрные пятна на спинке, и чистый белый животик, и рыжие разводы по всему телу и голове, и серые «носочки».

— Какая же ты у меня, оказывается, красавица! — восхитился Славка.

Муська довольно щурила янтарные глазки и чувствительно покалывала голую Славкину грудь, ритмично выпуская и пряча острые белые коготки.

— Бедная, как же ты отощала со мной, — виновато сказал Славка, ощущая под мягкой шкуркой кошки выступающие рёбра. — Ничего, теперь у нас всё будет иначе. Вот увидишь!

Муська что-то мяукнула в ответ и встала, довольно потягиваясь и зевая. Потом слезла со Славкиной груди, села с ним рядом и начала старательно «умываться», не прекращая довольно мурлыкать.

— Намёк понял, — засмеялся Славка. — Хватит страдать и рыдать! Не баба, ведь, и не ребёнок давно. Пора начинать жить по-взрослому.

Он бодро вскочил с постели и пошёл в ванную.

Довольный и расслабленный, Славка пил на кухне кофе. Муська рядом со своей кормушкой, жмурясь от наслаждения, грызла придерживая лапой размороженную тушку минтая. Вдруг раздался дверной звонок.

— Кто бы это мог быть? — спросил Муську Славка. Та в ответ даже ухом не повела.

— Привет, сосед! — Ароматным пёстрым вихрем ворвалась к ним в квартиру Катька. — У тебя соль есть?

— Соль? Какая соль? — опешил Славка.

— Ну, соль! — Нетерпеливо потрясла перед его носом пустой солонкой соседка. — Белая такая, на сахар похожа, только не сладкая.

— Есть, наверно, а что? — Не желал выходить из нирваны покоя Славка. Им так хорошо было с Муськой вдвоём, пока не ворвалась эта чокнутая.

— Ты что, совсем отупел? — Разозлилась Катька. — Неужто, импотенция и мозги отшибает?

— Ты о чём это? — возвращаясь в грубую реальность, спросил Славка.

— Всё о том же! — Насмешливо сверкнула синими глазами Катька. — Анька мне всю грудь прорыдала перед отъездом, жалуясь на свою беду.

— Её беду? — поразился Славка.

— А то чью же? — заржала Катька. — Все наши бабы её жалеют.

— Какие бабы? — приходя в ярость, прохрипел Славка. — Ты что, всему дому уже растрепала?

— А я обет молчания никому не давала! — Подбоченилась Катька.

Её короткий халатик распахнулся. Тяжёлые, молочно-белые груди и полоска гладко выбритого лобка чётко выделялись на загорелом Катькином теле.

— Ну, что уставился? Давно голой бабы не видел? — Вошла в раж соседка. — Может, потрогать хочешь? Тебе, импотенту,

ничего другого и не остаётся: только смотреть и трогать.

— Ах, ты!..

Не помня себя от ярости и унижения, Славка схватил наглую бабу, развернул и бросил грудью на стол, чудом не попав её лицом в чашку с горячим кофе. Он задрал Катькин халатик ей на спину и...

Очнулся Славка, когда всё уже было кончено. Он отпустил сладко стонущую Катку и, тяжело дыша, прислонился к прохладной стене кухни. Катка сползла на табуретку и изумлённо взглянула на Славку.

— Вот так импотент! — наконец, усмехнулась она. — Ну, Анька! Ну, артистка! Как разыграла-то меня, а? Это она что, специально что ль придумала, что б я, типа, тебя не соблазняла, пока её нет?

— Извини, — счастливо улыбаясь, сказал Славка. — Я не хотел...

— Не хотел он! — перебила его Катка. — Все б мужики меня так «не хотели». Раз уж ты так по бабе истосковался, взял бы бутылку, букет цветов да...

Славка достал с кухонной полки пакет и подал Катке.

— Вот, ты спрашивала соль, — поспешил он закончить разговор.

— Батюшки! — Подхватила Катка, поспешно наполняя свою солонку. — У меня ж там суп на плите кипит, и дверь нараспашку...

Проводив соседку, Славка вернулся на кухню. Муська сидела рядом с полу съеденной рыбой и, улыбаясь, смотрела на него.

— Вот так вот! — Подмигнул ей Славка. — Жаль только, что опять принцип пришлось нарушить. А я и не знал, что кошки умеют улыбаться. Хочешь молочка?

В дверь снова позвонили. Муська бросилась в прихожую. Удивлённый Славка пошёл за ней.

— Славик, живой! — Кинулась ему на шею с порога Анька. — А я там, в деревне, чего только ни передумала. Сегодня всю ночь не спала, боялась, как бы ты здесь над собой чего не сделал. Ты

прости меня, эгоистку глупую. Чёрт с ней, с работой! Проживём как-нибудь, с голоду не умрём.

Славка обнимал жену, целовал мокрое от слёз лицо и млеял от радости и счастья.

— Собирайся, Славик, — лепетала Анька. — Поедем со мной в деревню. Ну что тебе тут одному маяться?

— А как же Муська? — улыбаясь, спросил Славка. — А твои цветы?

— Попрошу Катюшку присмотреть, — ответила Анька, улыбаясь в ответ сквозь слёзы. — Собирайся. Там в соседней деревне знахарка одна живёт, баба Вера. Правда, к ней запись — на полгода вперёд...

— Я не могу сейчас ехать, — усаживая Аньку на диван, сказал Славка.

— Как, не можешь? — встревожилась та. — Почему?

— Потому что мой «отпуск» уже закончился. — Развёл руками Славка. — В понедельник мне с утра надо быть на работе.

— На работе? — всё ещё не веря, спросила Анька. — На какой?

— Меня взяли назад, в ту же фирму, на то же место. А бабу Веру мы как-нибудь потом навестим, — улыбнулся жене Славка. — Обязательно навестим. Меня она примет без очереди, — заверил жену Славка. — Ты скоро узнаешь, почему.

Под изумлённым взглядом Аньки он взял на руки трущуюся об их ноги радостную Муську.

— Ну, что, девочки, идёмте на кухню? Позавтракаем, наконец, все вместе...

СПАСИ ГЕРОСТРАТА

— А вот и господин Петров! — Резко сел в кровати загадочный пациент, с надеждой глядя на вошедшего в медотсек врача. — Вы узнали, наконец, кто я, и как здесь оказался?

— Пока нет, — спокойно ответил тот, с удивлением наблюдая, как Маша осторожно, но настойчиво укладывает больного назад и, низко склонившись над ним, заботливо поправляет подушку, что-то ласково бормоча при этом каким-то нежно-воркующим голосом. — Мы обнаружили в предплечье вашей правой руки вживлённый чип-паспорт устаревшей конструкции. Такими на Земле давно не пользуются. Поэтому нам с большим трудом удалось считать с него некоторые данные: имя — Котэ Горишвили, дата рождения — седьмое марта две тысячи сорок первого года, место рождения — Евроазиатский Союз, Грузия. Вспоминаете что-нибудь?

— Нет. — Пожал плечами больной, благосклонно принимая ухаживания пухленькой симпатичной медсестры. — Я здесь уже почти неделю, а вы смогли узнать только имя?

— Мы на международной космической станции «Ю-1», расположенной на орбите Юпитера. — Пожал покатыми, как у борца, плечами Петров. — Персонал нашей станции изучает атмосферу этой планеты, её огромные многолетние вихри и мощные грозы. Станции поменьше исследуют спутники гиганта: «Ю-2» занимается океанами Европы, «Ю-3» — Ганимедом, «Ю-4» — Каллисто, «Ю-5» — вулканами Ио. У нас у всех очень плотный график. Не думаете ли вы, что мы всё бросим и будем заниматься исключительно вашей персоной?

— Что же тут сложного? — удивился больной. — Пусть у меня с памятью проблемы, но у вас же должны быть всяческие компьютерные базы данных! Проверьте архивы Космофлота, мои отпечатки пальцев, ДНК, наконец...

— Базы и архивы, конечно, есть, — заметно раздражаясь, ответил Петров и сел на кровать в ногах больного. — Но они все на Земле. Здесь, до вашего появления, подобная информация была никому не нужна.

— У вас что, проблемы со связью? — Вновь вскинулся больной.

— Вы, очевидно, плохо представляете себе сложившуюся ситуацию. — Петров бесцеремонным толчком своей короткопалой руки вернул больного на подушку.

— Осторожнее, — укоризненно вскрикнула медсестра, встревоженно склоняясь над пациентом.

— Маша, ты нам мешаешь! — Отстранил её врач. Та возмущённо фыркнула.

— О какой ситуации вы толкуете? — прохрипел больной. — Неужели для вас наблюдение за какими-то вихрями в атмосфере Юпитера важнее найденного в космосе живого человека? Вы сообщили обо мне на Землю?

— Разумеется! — повысил голос в ответ и Петров. — Шифровка о том, что мы обнаружили на орбите Юпитера в криокамере неизвестной спасательной капсулы живого человека, то есть вас, ушла в Центр сразу же, как только вы очутились в этом медотсеке. Дальнейшее от нас никак не зависит, а Земля пока молчит. Видимо, группы крови и имени недостаточно для установления вашей личности. Центр — не Большой Брат, он имеет доступ только к архиву Космофлота и, наверное, к научным архивам стран-участниц проекта «Юпитер». Очевидно, вас в них пока не обнаружили. В криокамере спасательной капсулы вы были, как и положено, один. Разумеется, совершенно голый. Так что найденную рядом одежду мы можем смело считать вашей. К сожалению, на ней нет никаких меток. Обычный космофлотский комбинезон и нижнее бельё устаревших фасонов. Карманы пусты. Вы, действительно, ничего не помните? Имя «Котэ Горшвили» вам что-нибудь говорит?

— Ничего, — буркнул больной. — Но я что-то мало похож на грузина...

— Да, — согласился врач. — Вы — природный блондин с голубыми глазами. Однако, на Кавказе есть целые селения таких жителей. К подобному эффекту приводят многолетняя изоляция и множественные браки между родственниками.

— Вы хотите сказать, что я — выродок? — обиженно засопел больной.

Медсестра успокаивающе погладила его по руке.

— Маша, введи ему успокоительное, — распорядился врач. — Это сейчас полезнее для его нервов, чем твои материнские ласки.

— Коля! — ошеломлённо воскликнула медсестра, отскакивая от кровати пациента.

— Хамите, господин Петров, — заскрипел зубами больной.

— Что ж, пока нет иных данных, мы будем называть вас «Котэ Горишвили», — невозмутимо сказал врач. — Не возражаете?

— Нет! — Взмахнул руками больной, — Это имя ничуть не хуже какого-нибудь «Джона Доу». И всё же мне не верится: неужели, вы не нашли в капсуле никаких указаний, с какого она корабля?

— Капсула довольно древняя, — задумчиво проговорил Петров. — Таких уже лет сто не выпускают. Память бортового компьютера почему-то пуста. Вам повезло, что управление криокамерой совершенно автономно. Судя по её таймеру, вы провели в глубокой заморозке около ста тридцати двух лет. Может, поэтому у вас проблемы с памятью? Хотя, раньше подобных эффектов вроде бы не наблюдалось. К амнезии может привести физическая или психическая травма мозга. Череп у вас цел, стало быть, физическое воздействие можно исключить. Остаётся психическое. Наверное, с вами случилось что-то настолько страшное, что мозг заблокировал опасные воспоминания, чтобы уберечь разум от сильного потрясения, связанного с ними. Тогда наша задача — получить эту информацию без вреда для вашего душевного здоровья.

Медсестра охнула и порывисто схватила больного за руку. Тот ободряюще улыбнулся ей.

— Есть ещё одна возможность: гипноз или самогипноз, — продолжил врач. — Всё же довольно странно: память компьютера явно стёрта, вы тоже ничего не помните...

— Коля! — укоризненно воскликнула медсестра. — Прекрати, наконец. Как ты можешь?

— Что? — С удивлением взглянул на неё врач.

— Вы меня в чём-то подозреваете, господин Петров? — возмущился Горишвили. — Или это — личное?

Он ласково взял руку сиделки и благодарно прижал её к своим губам, вызываясь глядя на врача. Та быстро высвободила руку и выбежала из медотсека.

— Личное? — вставая с кровати, бесстрастно спросил Петров. — Что вы имеете в виду?

— Машу, конечно! — Самодовольно усмехнулся Горишвили, кивнув в сторону закрывшейся за сиделкой двери. — Я же вижу: вам не нравится, что она влюбилась в меня с первого взгляда. Ревнуете?

— Вы, наверно, моложе и красивей меня, — невозмутимо ответил врач. — Если верить данным вашего чип-паспорта и отбросить срок, проведённый в анабиозе, вам около тридцати лет. Мне — сорок пять. Ваши сто девяносто два сантиметра роста и спортивное телосложение явно выигрывают против моих ста семидесяти пяти и лишних десяти кило жира. Кроме того, мы с Машей знаем друг друга более двадцати лет, а ваше загадочное появление здесь уже неделю является темой разговоров всего персонала нашей станции. Так что, не обольщайтесь: нет ничего удивительного в столь явном и откровенном интересе к вам у Маши. И не надо искать в моих словах и поступках каких-то личных мотивов. Я не только врач, но и командир экипажа МКС «Ю-1» и просто делаю свою работу: рассматриваю возможные варианты.

— Какие варианты? — злобно прошипел Горишвили. — Вы почему-то сразу не взлюбили меня, а теперь ещё и обвиняете чёрте в чём!

— Я вас ни в чём не обвиняю. — Устало махнул рукой Петров

и направился к двери.

— Я хочу сам осмотреть свою спасательную капсулу, — потребовал Горишвили. — Не может быть, чтобы там не было хоть какого-нибудь указания, с какого она корабля.

— Вы ещё слишком слабы.

— Я совершенно здоров! — закричал Горишвили, неуклюже вскакивая с кровати на дрожащие ноги. — Да, память отшибло, но физически...

— И физически вам ещё долго восстанавливаться, — возразил врач. — Ваши мышцы, конечно, не атрофировались, но всё же им нужно время на полное восстановление работоспособности после ста тридцати двух лет анабиоза.

— От того, что я лежу...

— Лежать вовсе не обязательно. У нас на станции есть прекрасный тренажёрный зал. Буквально, в двух шагах отсюда. Как выйдете, вторая дверь направо. А капсулу вам осматривать ни к чему. Её компьютер мёртв, вместо названия — серийный номер. В лучшем случае по нему на Земле установят, когда и где эта капсула изготовлена, и кто её приобрёл. Полтора века назад заказчиком и покупателем наверняка был Космофлот. На какой корабль её поставили, выяснить будет не так-то просто. Гораздо больше я надеюсь на ваши отпечатки пальцев и ДНК.

— Что ж мне теперь: просто качаться на тренажёрах и ждать у моря погоды? — Сдаваясь, рухнул на кровать Горишвили.

— Восстанавливайте здоровье и силы. Память может в любой момент вернуться. А мы ей поможем.

— Как? — Безнадёжно скривился больной.

— Есть у нас тут один интересный приборчик, — усмехнулся врач. — Мем-рекордер называется. Процедура совершенно безвредная. Обещаю: больно не будет.

Уже выходя, Петров неожиданно обернулся и, закрывая дверь, бросил в лицо наглого красавца:

— Кстати, о личном. Раз уж вы утверждаете, что чувствуете себя хорошо и готовы к физическим нагрузкам, сиделка вам больше не нужна.

...Котэ задыхался: система регенерации не справлялась с повышенным потреблением кислорода. Бластер раскалился и жёг руку. Жёсткие листья сельвы, свисавшие огромными лопухами с гибких ветвей, хлестали по прозрачному шлему скафандра.

Яростно вереща, гориллы бесновались в густой, почти непроницаемой для света кроне, которая, казалось, единым куполом покрывала всю сельву.

Сорвав шлем, Котэ отбросил его в сторону и, выпустив из бластера смертоносный луч в мелькнувшее над головой волосатое тело гориллы, бездумно побежал дальше. Казалось, он бежит уже целую вечность. Сердце гулко било по рёбрам, словно птица, впервые попавшая в клетку. Спёртый, насыщенный испарениями воздух разрывал лёгкие.

Крупный плод просвистел в воздухе и сбил Котэ с ног. Почти не целясь, космонавт срезал лучом бластера злобно оскалившуюся волосатую тушу и, вскочив, бросился дальше. Только усилием воли Котэ держался правильного направления. Он знает, стоит лишь немного расслабиться, и коварная сельва заманит его в глубь, и, как обезумевшее от страха животное, он будет бегать по кругу, сам не замечая этого. Пот заливает глаза, и стрелка компаса на руке затуманилась. Котэ попытался протереть глаза и громко чертыхнулся: раскалённый бластер ожёг лоб. Рану тут же заливают едкий пот, и она начинает пульсировать нестерпимой болью.

Котэ уже не чувствует ударов круглых мягких плодов, которыми бомбардируют бегущую жертву гориллы. Где-то глубоко, в самом дальнем участке мозга бьётся приказ: во что бы то ни стало вырваться из сельвы на равнину. Сейчас не важно, зачем. Лишь бы вырваться.

Сельва кончилась неожиданно. Яркий свет солнца ослепил Котэ, больно ударив по глазам. Направляющий огонёк приказа в мозгу погас, зажёгся другой. Котэ почувствовал себя машиной, выполняющей команды, одну за другой. Новый приказ —

добраться до катера.

Сзади нарастает рёв горилл. По земле они бегают плохо, но и человек уже почти выбился из сил. Сейчас Котэ волнует только одно: надолго ли хватит заряда бластера?

Впереди виднеется гряда небольших холмов. Высокая трава цепляется за ноги, словно помогая преследователям. Но нет, им на своих коротких руконогах бежать ещё труднее. Вот и вершина холма. С неё, всего в двухстах метрах впереди, посреди черногощего круга выжженной пламенем дюз земли Котэ увидел сверкающий в лучах солнца металл катера и тут же, с маху, ткнулся лицом в жёсткую траву. Когда он вскочил, сердце в груди замерло. Холм был окружён толпой горилл. Рядом лежала узловатая дубина вожака стаи, видимо, брошенная тем ему в ноги. Сам вожак — здоровенная, уже немолодая обезьяна, быстро жестикулируя, бесновался среди толпы волосатых тел. Обезьяна ли? Скорее, «недостающее звено» в земной истории человечества. Уже не обезьяна, но ещё и не человек.

И тут Котэ пожалел, что выкинул шлем. В скафандре ему, может быть, удалось бы спасти свою жизнь. Прочную ткань гориллам не пробить заострёнными ветками, а шлем защитил бы от ударов голову. Хотя, долго ли бы он продержался в плену у аборигенов без пищи и воды? Убежать ещё раз из их поселения в селве ему не дадут. Помощи ждать неоткуда. Он один на этой планете. Нет, сдаваться нельзя!

Котэ сбил лучом слишком близко подскочившую гориллу и, постоянно озираясь, отдыхал, восстанавливая силы. План его был прост: прорвать кольцо аборигенов, добраться до катера и немедленно стартовать к ожидающему его на орбите кораблю.

Внезапно, по знаку вожака, большая часть преследователей передвинулась и заняла позицию между холмом и катером. Вожак злобно скалил зубы, делая угрожающие жесты. Котэ понял, что совершил ошибку, не убив того сразу, как только увидел. Без вождя стая превратилась бы в неорганизованную толпу. Среди самцов немедленно началась бы борьба за власть, и всем стало бы не до убегающего чужака.

Гориллы тоже тяжело дышали. Они не привыкли бегать по равнине. По знаку вожака с десятком из них разбежались по сторонам в поисках камней. Котэ взял вожака на мушку. Но курок всего лишь сухо щёлкнул. Только теперь Котэ заметил, что индикатор заряда погас. Отбросив бесполезный бластер, космонавт одной рукой подхватил с земли корягу, а другой потянул из ножен десантный нож...

— Это всё, — сказал Петров, выключая плеер. — Далее пошли воспоминания, не относящиеся к его прошлому.

— Как это? — удивилась Маша. — Коля, что ты говоришь? Как может воспоминание не относиться к прошлому?

— Может, — хмуро ответил Петров. — И то, что мы с тобой сейчас видели, тоже вряд ли происходило на самом деле.

— Почему ты так думаешь?

— Память человека хранит не только то, что с ним произошло на самом деле, но и то, о чём он мечтал, что воображал, о чём читал или видел в кино, — Петров откинулся в кресле, подыскивая слова. — Память — это что-то вроде интернета, куда свалено всё без разбору: от детской считалки до жёсткой порнографии. На мой взгляд, не похож этот Горишвили на героя-десантника.

— Ты к нему несправедлив! — вспыхнула Маша. — Котэ — настоящий герой! Трус не отправился бы в полёт на маленькой неуправляемой капсуле. Сам же знаешь, мы обнаружили её совершенно случайно. Пройди наш разведзонд мимо капсулы на пару секунд раньше или позже, и она не попала бы в его объёктивы. И дальше Котэ ждало бы медленное, но неотвратимое падение на поверхность Юпитера...

— Не будем спорить, дорогая. — Примирительно взмахнул рукой Николай. — Мы пока не знаем, что в действительности произошло с Горишвили, и как его спасательная капсула оказалась на орбите Юпитера.

— Я не понимаю, почему ты так к нему относишься? — продолжала возмущаться Маша. — Котэ рисковал жизнью! А ты ведёшь себя так, как будто он сам, специально, с какой-то непо-

нятной преступной целью стёр все данные в компьютере, а заодно и собственную память.

— Успокойся! — не глядя на Машу, повысил голос и Николай. — Ни в чём я твоего «котика» не подозреваю. Я — врач, а не следователь. А вот любить и уважать мне его не за что. Я не падаю на смазливую внешность, томные взгляды и сладкие речи.

— Что ты имеешь в виду? — Покраснела Маша.

— Ты прекрасно всё поняла. — Нервно забарабанил пальцами по столу Николай. — Не надо делать из меня рогатого дурачка.

— Ты... — Вскочила с кресла Маша. — Ты... Как ты можешь так думать и говорить обо мне, твоей жене?!

— Как я могу? — Сорвался и Петров. — Ты хотела знать, чем сменилась в памяти Горишвили сцена с гориллами? На, смотри!

Петров вновь включил плеер, и плоский экран дисплея преобразился в небольшое голографическое изображение медотсека.

— Машенька, — горячо шептал Горишвили, покрывая руку женщины страстными поцелуями. — Как я страдал без тебя. Я думал, что умру!

— Не преувеличивай, Котик, — смущённо улыбалась Маша. — Мы не виделись всего два дня.

— Всего? — пылко возмутился Горишвили. — Целых два дня! Мне пришлось «нечаянно» уронить гантелю себе на ногу, чтобы опять улечься в кровать и увидеть мою любимую сиделку.

— Очень болит? — встревожилась Маша. — Дай, я посмотрю...

— Ерунда! — отмахнулся Горишвили. — Ты пришла, и боль ушла. Иди же ко мне, любовь моя.

— Но, Котик... — Вяло сопротивлялась Маша. — Сюда могут войти...

— Как мне нравится, когда ты меня так называешь, — жарко шептал Горишвили. — Запри дверь, скорее...

Петров выключил плеер.

— Достаточно? — спросил он, презрительно глядя на жену.

— Да, — растерянно сказала Маша. — Котэ мне нравится. Но я вовсе не изменяла тебе с ним. Ты сам сказал, что прибор не отделяет действительные события от мнимых. Этой сцены, что ты мне сейчас показал, не было! Может, Котэ просто мечтал, или увидел во сне...

— Или строил планы, — саркастически усмехнулся Николай.

— Коля, я тебе клянусь! — Из глаз Маши потекли слёзы обиды.

— Я тебе верю, дорогая. — Обнял жену Николай. — Не плачь. Этот негодяй не стоит твоих слёз.

— Ты опять?! — Отшатнулась Маша. — Почему ты упорно называешь Котэ негодяем? В чём его преступление? В том, что я ему нравлюсь?

— Как, однако, ты его защищаешь! — раздражённо воскликнул Петров. — А твой ненаглядный Котик вместо того, чтобы заниматься на тренажёрах, опять улёгся в койку и требует сиделку. Герой!

Маша повернулась и, молча, вышла.

Услышав звук открывающейся двери, Горишвили снял ридер-очки и сел.

— Машенька! — радостно воскликнул он, увидев вошедшую медсестру. — Почему тебя так долго не было? Ещё немного, и я бы тут умер от одиночества и тоски.

— Всё шутишь, Котик, — машинально ответила Мария, подходя к постели пациента.

— Котик? — удивился Горишвили. — Это ты так моё имя переделала?

— Извини, — смутилась Мария. — Как твоя нога?

— Значит, мем-рекордер сработал, — ничуть не смущаясь, сказал Горишвили и взял Марию за руку. — Я очень рад, что ты теперь знаешь мои мечты и чувства.

— Оставь, Котэ! — Серdito выдернула руку Мария. — Не время сейчас...

— А когда будет время? — Надулся Горишвили. — Кто и как

определяет этот момент? Машенька, я влюбился в тебя с первого взгляда!

— Я старше тебя на десять лет, — через силу улыбаясь, сказала Мария. — К тому же, может, у тебя дома осталась жена или невеста...

— Нет, это я старше тебя на сто двадцать лет! — засмеялся Горишвили. — Никто меня на Земле не ждёт: все мои возможные жёны и невесты давно умерли.

— А что, если у меня есть муж? — Испытующе взглянула на него Мария.

— Я не помню своего прошлого. — Пожал плечами Горишвили. — И твоего знать не хочу!

— Это не прошлое, а настоящее, — тихо ответила Мария. — Прошу тебя, Котэ, перестань говорить глупости и дай мне осмотреть твою ногу. Или я уйду.

— Хорошо. — Откинулся на подушку Горишвили. — Не буду. Вот ведь женщина: я предлагаю ей руку и сердце, а она требует ногу!

— Хватит, Котэ! — Сверкнула на него глазами Мария.

— Всё, всё, всё! — Поднял руки Горишвили. — Сдаюсь. Машенька, называй меня Котиком, и я буду ласковым и послушным, как...

— Как кто? — улыбнулась Мария, начиная осмотр раненой ноги.

— Буду, как говорится, белым и пушистым, — засмеялся Горишвили. — Кстати, что ещё показал ваш чудо-прибор? Ну, кроме... ты понимаешь...

— Ничего определённого, — поспешила прервать его Мария. — Небольшой эпизод в каких-то джунглях. Николай даже сомневается в его достоверности. Может, это тоже только твои мечты...

— И кто там был со мной в этих джунглях, — заинтересовался Горишвили. — Блондинка или брюнетка?

— Стая рыжих горилл! — ехидно ответила Мария.

— Фу, какая гадость! — скривился Горишвили. — А почему

я этого не помню? Я думал, ваш мем-рекордер разбудит мою память.

— Мозг — сложная штука, — вздохнула Мария. — А механизм памяти ещё сложнее. Представь, что ты вошёл в библиотеку, а в ней нет каталога, и на корешках книг отсутствуют их названия и имена авторов. Как ты там сможешь найти что-то определённое?

— Буду открывать все книги наугад.

— Вот и твоя память сейчас — такая библиотека. Ты — библиотечкарь без каталога, а наш прибор — посетитель, наугад открывающий книги. Посетитель прочёл книгу, а не библиотечкарь.

— Жа-а-аль, — протянул Горишвили. — Я-то думал, ваш мем-рекордер быстренько восстановит мой «каталог».

— Это — не лечебный прибор, — ответила Мария. — Он просто читает и записывает на кристалл память человека. Кроме врачей и полицейских мем-рекордером пользуются художники, киношники, писатели, архитекторы, учёные и все, кому не лень.

— Но теперь-то, надеюсь, Петров поверил, что я ничего не скрываю от вас? — криво усмехнулся Горишвили.

— Конечно, Котик, — грустно улыбнулась в ответ Мария. — Так уж устроен человек. Если ему сказать: «Не думай о белой собаке!», то именно о ней он и начнёт постоянно думать. Ты знал, что мы ищем, но мем-рекордер записал совсем иное. Ну, мне пора...

— Уже бросаешь меня? — возмутился Горишвили.

— Мне надо работать...

— А я? — Схватил её за руку Горишвили. — Что делать мне? Умирать здесь от тоски?

— У тебя есть ридер-очки. — Пытаясь освободиться, грустно улыбнулась Мария. — Читай книги, слушай музыку, смотри фильмы. Что ты делал перед моим приходом?

— Да вот, нашёл какой-то древний рассказ на тему памяти. — Не отпуская руку Марии Горишвили. — Тема, как ты понимаешь, для меня сейчас очень важная. Посиди ещё немного, я тебе про-

что.

— Котик, мне надо идти...

— Да он коротенький! — настойчиво усаживая Марию рядом с собой, уговаривал Горишвили. — Побудь со мной ещё пару минут, пожалуйста! Мне важно твоё мнение об этом рассказе.

— Ну, хорошо, — сдалась Мария. — Пять минут, не больше.

— Слушай! — Горишвили надел ридер-очки. — Рассказ называется «Пари».

«Это глупое пари мы заключили ещё в детстве. Как-то в восьмом классе, изучая человеческий мозг, мы поспорили с Сашкой. Он говорил, что человеческий мозг имеет так называемое дно, и в доказательство приводил в пример то, что старики и старухи, мозг которых переполнен воспоминаниями, труднее запоминают новую информацию, чем дети. А я отвечал, что всё, что говорит Сашка, чепуха. У человеческой памяти нет никакого дна. Есть же случаи, когда некоторые люди после травмы или тяжёлой болезни начинали говорить на незнакомых им до этого языках. С того дня я видел Сашку только на уроках в школе.

Через год Сашка пришёл в класс в очках. Но всех удивляло не это. Троечник Александр Степанов, который ранее на всех уроках буквально «плавал» у доски, начал учиться на одни пятёрки! Вскоре он стал первым учеником в классе. Даже то, что говорил нам учитель на уроке, он помнил почти дословно!

Ещё через год Сашка начал как-то странно говорить: разговаривая с кем-нибудь, он вдруг внезапно забывал некоторые слова. Например: «Я сегодня пойду в... эту... как её... ну, в эту самую... вспомнил — в кино!»

После окончания школы мы не виделись с Сашкой вот уже лет пятнадцать. Я переехал в другой город, стал журналистом и разъезжал по стране, а он стал, как я слышал, простым библиотекарем. И вот судьба в лице моего начальника забросила меня в командировку в родной Ленинград. Я решил навестить школьного друга, но его мать сказала мне, что тот болен и находится в больнице. Разумеется, я отложил все дела и помчался в указан-

ную больницу. Но меня ни за что не хотели пускать к Сашке и даже не сказали, чем он болен. Но я не отступился и, узнав, что Сашку лечит наш товарищ по школе, ставший врачом, решил всё выяснить у него.

Мишка, прошу прощения, Михаил Григорьевич Карцев узнал меня сразу. Мы посидели, вспоминая прошлое, поговорили о настоящем, поспорили о будущем. Наконец, я спросил его:

— Послушай, Миха, как старый друг прошу тебя: расскажи, что случилось с Сашкой Степановым?

Хмуро взглянув на меня, тот ответил:

— Ты помнишь то школьное пари?

— Какое пари? — в недоумении, сказал я.

— Вы поспорили, имеет ли человеческий мозг дно.

— А причём тут это?

— Сашка решил доказать тебе, что он прав. Стал много читать. Буквально «глотал» книги. От переутомления у него плыли искры перед глазами, голову словно сдавливал тяжёлый обруч. Но Сашка преодолевал боль и продолжал читать. Помнишь, как в последнем классе он стал забывать слова? Это было начало. Теперь его мозг заполнен. Да, ты не ослышался. Но Сашка продолжает много читать. Потому и пошёл в библиотекари. Он уже не может без чтения. Это как наркотик: раз привык вводить, уже не можешь прожить без дозы. Но мозг у Сашки заполнен, а он продолжает поглощать новую информацию. И вот старые его воспоминания разрушаются, а их место занимают новые знания. Сашка почти разучился говорить: он забыл, как это делается. Мычит что-то невнятное, как новорожденный младенец. Но он понимает всё, что ему говорят, и всё, что он читает. Не знаю, кто из вас выиграл то проклятое пари: Сашка или ты. Ведь, если кувшин полон, в него ничего больше не войдёт. А мозг продолжает вмещать в себя ещё и ещё. Это мы только предполагаем, что старая информация разрушается и замещается новой. Как в компьютере. А если это вовсе не так, и мы наблюдаем просто защитную реакцию организма? Ну, не может мозг объять всю информацию! Только новую её часть. Принято решение лишить

Сашку возможности чтения новых книг, изолировать от радио и телевидения. Пусть переживёт информационную «ломку». Вдруг его мозг сам отринет всё лишнее в данный момент, и Сашка вновь заговорит? Что будет тогда с вашим пари?»

— Что здесь происходит? — Прервал чтение неожиданно вошедший в медотсек Петров.

— А вот и наш строгий доктор пожаловал! — Нагло осклабил-ся Горишвили, снимая ридер-очки.

— Маша, тебя ищут по всей станции, — укоризненно сказал Николай. — Зачем ты выключила здесь громкую связь?

— Это я выключил, — поспешил ответить Горишвили. — Мне-то в этом лазарете ваши объявления ни к чему, только спать мешают.

— Что случилось? — Встревоженно вскочила Мария.

— Ничего особенного, — ответил Петров, надевая на голову Горишвили шлем мем-рекордера. — Просто твоя вахта началась полчаса назад, и сеанс связи с Землёй вместо тебя пришлось проводить Белову.

— Ой, Коля, прости, — смутилась Мария. — Я совершенно забыла...

— Я вижу, — хмуро ответил Петров.

— Эй, господин доктор, — вмешался Горишвили. — Маша тут не развлекалась, она за больным ухаживала.

— Слушала какой-то рассказик, — саркастически усмехнулся Николай. — Ты прежде всего на этой станции отвечаешь за связь, — укоризненно сказал он побагровевшей от стыда Марии. — А уж потом, в свободное от основной работы время, медсестра.

— Полегче, доктор, — вновь вмешался Горишвили. — Ничего страшного не произошло, если кто-то пару минут поболтал с Землёй вместо Маши.

— Сигнал отсюда до Земли идёт тридцать пять минут, — раздражённо ответил Петров. — Ответ Центра столько же. Так что «болтать» весьма проблематично. Поэтому все сигналы шифру-

ются и сжимаются. Кроме того, через нас осуществляется связь с Центром и всех прочих станций проекта «Юпитер».

— Перестаньте! — Встала между ними Мария. — Коля, что сообщила Земля?

— Твоему герою, очевидно, это совершенно не интересно, — огрызнулся Петров. — А ты могла бы всё узнать, как говорится, из первых рук, если б уделяла больше времени своим прямым обязанностям и не заставляла разыскивать себя по всей станции.

Гневно сверкнув глазами, Мария вышла из медотсека.

— Грубишь, начальник, — злобно прорычал Горишвили. — Власть свою демонстрируешь? Твоё счастье, что у меня нога повреждена...

— Заткнись, калека! — тоже повысил голос Петров. — Ну, чего вылупился? Героя из себя строишь? Думаешь, я не знаю, как и зачем ты повредил себе ногу? Во время войн такие, как ты, тоже намеренно калечили себя, чтобы не идти в бой.

— Сейчас не война, и я не солдат...

— Война! — закричал Петров. — С космосом, собственным страхом. За знания и жизненное пространство. Здесь не Земля. Случайный метеорит, пробивший оболочку МКС, отказ оборудования, сбой автоматики, ошибка пилота шаттла, осуществляющего полёты между нами и станциями спутников, опоздание транспортного средства с Земли, доставляющего нам раз в месяц продукты и запчасти — всё, что угодно может убить нас. Мы — на передовой, и в любой момент нас подстерегает смерть. Потому что до Земли миллионы километров, и помощи, в случае чего, ждать неоткуда.

— Но ведь я тоже здесь!

— Да, здесь, — успокаиваясь, сказал Петров. — Но ты — не один из нас. Ты — обычный поганый журналист! Сто тридцать два года назад межпланетный транспортник «Голиаф» должен был доставить сюда, на орбиту Юпитера, первую секцию МКС «Ю-1». Твоему хозяину, главе концерна «Интерньюс», пришла в голову «гениальная» идея: добавить в команду «Голиафа» «простого парня, такого, как все». Только со смазливой внешностью

и хорошо подвешенным языком. Чтобы каждый земной обыватель, сидя на своём диванчике перед телеэкраном и попивая пиво, смотрел твои репортажи с борта космического корабля и чувствовал себя равным первопроходцам и десанникам космофлота. «Интерньюс» приобрёл тебе билет космического туриста. Вот как ты оказался на борту «Голиафа».

— И что случилось? — тихо спросил Горишвили.

— Никто не знает. Корабль исчез где-то здесь, на орбите Юпитера. Астрономы зафиксировали вспышку, но был ли это взрыв, в точности не известно. А ты, герой, свою память старательно запер от всех. И ключик выбросил.

— Слушай, доктор, — заскрипел зубами Горишвили. — Мне надоели твои обвинения! Ничего я не запираю и никаких ключей не выбрасывал. Зачем мне это?

— Мы узнаем, — спокойно ответил Петров, отключая меморекордер. — Обязательно узнаем...

Он вынул из прибора кристалл записи.

— Посмотрим, что выдал твой мозг, когда ты разозлился и утратил над собой контроль, — усмехнулся Петров и вышел из медотсека, даже не взглянув на Горишвили.

— Итак, начнём совещание, — устало сказала майор Прийма. — После катастрофы нас осталось трое.

— А я? — возмутился Горишвили. — Меня почему не считаешь?

— Ты, Котэ, пассажир, — мягко ответила Прийма. — К тому же — штатский, без специальной подготовки. Чем ты нам можешь помочь?

— Прежде всего, я — мужчина! — Гордо выпрямился Горишвили. — Тебе ли, Вера, этого не знать?

— Ладно, с этим вопросом разберёмся позже, — пресекла спор майор Прийма и нажала кнопку включения видеозаписи. — Сегодня двадцать четвёртое октября две тысячи семьдесят второго года. Семнадцать часов две минуты по корабельному времени. Я — член экипажа космического грузового корабля

«Голиаф» майор космофлота Вера Прийма. Наш командир, полковник Юрий Смирнов, погиб. Как старшая по званию, приняла командования на себя. Из двадцати человек экипажа корабля в живых, кроме меня, осталось ещё трое: капитан космофлота Джон Льюис, лейтенант Алексей Ветров и пассажир корабля, репортёр агентства «Интерньюс» Котэ Горишвили. Капитан, доложите, что произошло.

— Я и лейтенант Ветров были в рубке, на вахте, — начал Льюис. — Всё было в норме. Корабль шёл в точку назначения по заданному маршруту, согласно установленному графику. В пятнадцать сорок семь по корабельному времени почти прямо по курсу внезапно появился неизвестный объект.

— Что значит «внезапно»? — спросила Прийма.

— За секунду до этого его там не было. — Нервно потёр лоб Льюис. — Локатор показывал чистое пространство. И вдруг появился объект, приблизительно втрое больше нашего корабля. Прямо, как в фантастических фильмах, где звездолёты «ныряют» во всякие «надпространства» или появляются из «червоточин».

— Ладно, оставим пока догадки и сравнения. Что было дальше?

— Автоматика включила сигнал тревоги и противометеоритную пушку. Объект был слишком близко и нёсся прямо на нас. Мы начали манёвр уклонения от лобового столкновения. Будь это обычный метеорит из пояса Койпера, наш лазер испарил бы его, но объект оказался чужим звездолётом. Удар пушки пришёлся, видимо, по отсеку управления инопланетян, и их неуправляемый звездолёт через шестнадцать секунд врезался в наш корабль.

— Каковы последствия столкновения?

— Произошёл взрыв топливных баков «Голиафа». Двигательный отсек оторвало. Разгерметизированы почти все жилые и рабочие помещения, кроме рубки управления и вашей каюты, госпожа майор. Находившиеся в повреждённых отсеках люди погибли. Чудом в живых остались только мы трое и пассажир.

— Да, Котэ был в моей каюте во время столкновения. — Покраснела Прийма. — Мы... в общем, нам повезло. Продолжай-

те, капитан.

— Чужой звездолёт и остатки «Голиафа» теперь составляют единый конгломерат неуправляемых обломков. Столкновение и взрыв сбили нас с курса. Мы падаем на Юпитер.

— Сколько у нас времени?

— Неделя, не больше.

— Лейтенант, что у нас со связью?

— Связи нет и не будет, — ответил Ветров. — Даже если мы найдём и каким-то образом подключим оторванную взрывом антенну дальней связи, у нас просто не хватит энергии на сигнал нужной мощности. Энергоотсек разрушен. Словом, нас никто не услышит.

— Капитан, что у нас с запасами воздуха?

— Система жизнеобеспечения рубки сейчас работает в автономном режиме. Аккумуляторов хватило бы на месяц, но...

— Понятно. Что ещё?

— Уцелело пять скафандров, — продолжил Льюис. — Каждый из них имеет суточный запас кислорода. Продовольствие уничтожено. С водой лучше: она превратилась в лёд, растопить который не составит труда.

— Спасибо, капитан. Осталось добавить, что я с лейтенантом Ветровым побывала на звездолёте пришельцев. Он тоже пострадал от столкновения и взрыва. В рубке одни обгорелые трупы. Но мы обнаружили отсек с рядами устройств, напоминающих наши криокамеры. Почти все они заполнены пришельцами. К сожалению, мы не знаем, как их «разбудить» и, следовательно, на их помощь рассчитывать не можем. Джон, а что с нашими спасательными капсулами?

— Уцелела только одна, госпожа майор.

— Понятно, — вздохнула Прийма. — Какие будут предложения?

Все молча смотрели на неё.

— Подождите, — заговорил вдруг Горишвили. — Это что же получается: нам осталось жить всего неделю?

— Успокойся, Котэ, — грустно ответила ему Прийма. — Мы

что-нибудь придумаем.

— Что вы придумаете? — взорвался Горишвили. — Я же слышал: связи нет, еды нет, мы падаем на Юпитер!

— Лейтенант, проводите Котэ в мою каюту, — распорядилась майор.

— Никуда я не пойду! — заорал Горишвили. — Я хочу знать, что вы тут решите. Это меня тоже касается.

— Хорошо, — махнула рукой Ветрову Прийма, отменяя приказ. — Пусть остаётся.

Помолчав, майор сказала:

— Отложим пока звания и субординацию. Наша миссия провалена. Поговорим не как солдаты, а как простые люди Земли. Нам выпал уникальный шанс: мы, наконец-то, вступили в явный контакт с инопланетной цивилизацией.

— Ничего себе, контакт! — Вновь взвился Горишвили.

— Заткнись, «мужчина», — презрительно осадил его Ветров. — Тебе слова никто не давал.

— Котэ, не перебивай меня, — попросила Прийма.

— Но, Вера...

— Сиди молча, если у тебя нет каких-то конкретных предложений, или я прикажу удалить тебя с совещания. У нас нет времени на истерики и склоки.

Горишвили возмущённо запыхтел, делая вид, что поправляет ремни безопасности, удерживающие его в кресле. В целях экономии энергии система искусственной гравитации с момента катастрофы была отключена.

— Да, контакт состоялся не так, как нам всем хотелось бы, — продолжила майор. — Однако мы обязаны доложить обо всём произошедшем в Центр.

— Но как это сделать, Вера? — спросил Ветров. — Связи нет.

— У нас есть спасательная капсула, — задумчиво произнесла Прийма. — Мы можем записать в память её бортового компьютера наши рапорты и отчёты, видеозаписи столкновения, загрузить в капсулу артефакты с чужого звездолёта и оставить её на орбите Юпитера. Рано или поздно сюда прилетит следующая мис-

сия с Земли и обнаружит наше послание. Мы даже можем попытаться заменить криокамеру на нашей капсуле соответствующим устройством с пришельцем.

— Что?! — возмущился Горишвили. — Спасать одного из погубивших нас ублюдков?

— Котэ! — укоризненно посмотрела на него Прийма. — Ты же репортёр! Контакт — это мировая сенсация...

— Я не согласен! — закричал Горишвили. — Если есть возможность спасти хотя бы одного человека...

— Замолчи, Котэ! — приказала майор.

— Он прав, Вера, — сказал вдруг Ветров. — Человек сможет рассказать больше, чем рапорты и видеозаписи. К тому же, криокамера пришельцев не пройдёт в люк нашей спасательной капсулы.

— Что ж, — вынужденно согласилась Прийма. — Тогда вам, троим, придётся тянуть жребий.

— Нет, майор, — твёрдо возразил Льюис. — Никакого жребия. Вы должны занять место в капсуле.

— Согласен, — быстро добавил Ветров. — Лично я не смогу себя уважать и смотреть в глаза людям, если сам спасусь, а женщину оставляю умирать.

— Прекратить дискуссию! — хлопнула ладонью по столу Прийма. — Здесь нет женщин и мужчин, есть командир и подчинённые. Капитан всегда покидает гибнущий корабль последним. Приказываю тянуть жребий.

— Я тоже не согласен! — взвизгнул каким-то срывающимся голосом Горишвили. — Не должно быть никакого жребия.

— Правильно, господин репортёр, — поддержал его Льюис. — Наконец-то вы ведёте себя, как настоящий мужчина.

— Вы должны спасти меня! — не слушая капитана, верещал Горишвили. — Я — пассажир на вашем корабле. Команда обязана в первую очередь спасти пассажиров, а не себя!

— Коля, нам надо поговорить...

— Я давно пытаюсь это сделать, — ответил Петров. — Но ты,

в последнее время старательно избегала любых объяснений между нами.

— Ты прав, прости, — согласилась Мария. — Но больше откладывать нельзя.

— Что ж, начинай.

— Это не так просто...

— Тогда начну я.

Петров нервно сжал подлокотники кресла и глубоко вздохнул.

— От меня только что вышел прибывший сегодня на очередном транспортнике с Земли капитан Шульц. По документам, он прибыл на «Ю-1», чтобы заменить тебя. Что это значит?

— Об этом я и пришла поговорить. — Виногато взглянула на Петрова Мария. — Мой контракт на «Ю-1» заканчивается через неделю, и я не стала его продлевать.

— Но почему? — удивился Николай. — И как получилось, что я об этом узнаю только сейчас?

— Центр запрашивал твоё согласие на замену меня Шульцем. — Отвела взгляд Мария. — Это было во время моей вахты. Я ответила, что ты не возражаешь.

— Что? — поразился Петров. — Ты ответила Центру, даже не спросив моего мнения и не поставив меня в известность о происходящем? Маша, это же преступление! Как ты могла? Зачем?

— Прости меня, Коля! — Поникла в кресле Мария. — Я не хотела волновать тебя раньше времени. Ты и так последнее время весь на нервах. Кроме того, я хотела избежать бесполезных споров и объяснений. Можешь подать на меня рапорт, всё равно это теперь не имеет никакого значения.

— Это не ответ! — Вспыхнул Петров. — Зачем ты прервала контракт?

— Ты же знаешь, транспортник увезёт Котэ на Землю. Я хочу полететь с ним, — с вызовом взглянула на Николая Мария. — Я... люблю его.

— Ты сошла с ума! — ужаснулся Николай. — Подумай, что ты

говоришь. Как можно влюбиться в такого подонка?

— Не смей его так называть! — гневно крикнула Мария. — Вы все тут окружили Котэ ненавистью и презрением. И всё из-за твоего дурацкого мем-рекордера. Мало ли, что он там показывает! Ты не можешь в точности определить, где настоящие воспоминания, а где бред травмированного мозга.

— Машенька! — С жалостью посмотрел на неё Николай. — Я понимаю, ты стараешься обелить и оправдать Горишвили. Но не давай чувствам заглушить разум.

— Я помню ту первую запись, что ты мне показывал, — запальчиво ответила Мария. — Битва с гориллами и моё так называемое соблазнение. И мне лучше других известно, что никакого соблазнения тогда не было! Почему же я должна верить во всё остальное?

— Значит, *тогда* соблазнения не было, — саркастически усмехнулся Николай. — А когда было?

— Это сейчас не важно и тебя не касается, — непреклонно ответила Мария. — Вместе с отказом от продления контракта, я послала на Землю и заявление о разводе. Видимо, поэтому Центр и не настаивал на дальнейших объяснениях и личных контактах с тобой.

— Да, я получил эти документы, — хмуро кивнул Николай. — Об этом потом. Вернёмся к Горишвили...

— Нет, о Котэ больше говорить не будем, — возразила Мария. — Ты меня не убедишь.

— А документальная запись его преступных подлых действий убедит?

— Какая запись? — Презрительно засмеялась Мария. — Опять твой мем-рекордер?

— Нет. — С сочувствием посмотрел на неё Николай. — Раз ты об этой записи ничего не знаешь, значит, вы с Горишвили, как всегда, отключили громкую связь. Видишь ли, Маша, в спасательной капсуле Горишвили была видеокамера, фиксирующая на внутреннюю память всё происходящее. Мы не могли просмотреть эту запись раньше, так как в той видеокамере нет режи-

ма воспроизведения. Горишвили, судя по всему, не знал об этой камере, и потому её флэшка сохранила для нас всё, что он делал.

— Почему же вы раньше молчали об этой видеокамере? — недоверчиво спросила Мария.

— За сто тридцать лет кардинально изменились форматы записи и устройства хранения. С личным чипом Горишвили было проще — там считывание данных происходит бесконтактно. Мы обнаружили и извлекли из видеокамеры флэшку, но нам нечем было её прочесть. Рисковать с самодельными переходниками Центр нам запретил. Сегодня транспортник доставил с Земли соответствующее устройство. Расшифровку этой записи уже посмотрели по внутренней сети все свободные от вахты сотрудники «Ю-1» и команда транспортника. Хочешь посмотреть сейчас?

— Нет! — Нервно сжала руки Мария. — У меня нет времени. Просто вкратце расскажи, что там?

— Капсула давно уже отделилась от «Голиафа» и вышла на самостоятельную орбиту вокруг Юпитера, а Горишвили всё не решался влезть в криокамеру: тянул до последнего момента, — презрительно начал Петров. — Боялся, хотел продлить жизнь как можно дольше.

— Прошу тебя, не надо оценок и комментариев, — взмолилась Мария. — Только факты.

— Хорошо, — кивнул Николай. — Прийма, Льюис и Ветров работали почти без перерывов на отдых и сон, стараясь заснять и передать как можно больше информации о чужом звездолёте и пришельцах. С Горишвили они не общались. Его помощь, собственно говоря, им не требовалась — данные шли напрямую в память бортового компьютера спасательной капсулы.

Когда кислород в воздухе капсулы стал заканчиваться, и дышать стало трудно, Горишвили начал раздеваться, чтобы лечь в криокамеру. И тут он услышал слова Ветрова, сказанные Льюису. Космонавты считали, что Горишвили давно в глубокой заморозке и их не слышит, потому и не стеснялись в выражениях. С тех пор Горишвили и не любит громкую связь, хоть и жалуется

на амнезию.

— Не тяни, Коля, — попросила Мария. — Время уходит. Мне сейчас не важно, кто там кому чего сказал...

— Ошибаешься, Маша, — возразил Петров. — Этот момент как раз очень важен. Ветров сказал Льюису, что ему жаль, что весть о величайшем открытии в истории человечества принесёт на Землю трусливый подонок. И Горишвили эти слова, к сожалению, услышал. До него дошло, что он сам доставит на себя убойный компромат. Его репутация и карьера рухнут. Времени, чтобы найти и удалить из памяти компьютера соответствующие записи, у него уже не было. Задыхаясь от страха и недостатка кислорода, этот подонок прервал связь с «Голиафом» и дал команду бортовому компьютеру спасательной капсулы отформатировать всю память. Он сознательно уничтожил все сведения о контакте и подвиге троих землян! А потом быстро залез в криокамеру и включил режим заморозки. В спешке, этот подонок даже не подумал о том, что форматируя память компьютера, он удаляет и программу подачи аварийного сигнала. Вот почему столько лет никто не слышал «SOS» с его спасательной капсулы. Если б наш зонд случайно не пролетел рядом...

— Мне пора идти собирать вещи... — Встала Мария. — Транспортник уходит через два часа.

— Опомнись, Маша! — взмолился Николай. — Зачем ты себя губишь? Расшифрованная запись уже ушла в Центр. Предыдущие кто-то скинул в интернет, и их посмотрели миллиарды людей. Когда-то в Древней Греции один ничтожный негодяй сжёг храм Артемиды, чтобы хотя бы этим прославить своё имя. Но он не достиг своей цели: люди стёрли из всех документов имя поджигателя, дав ему кличку «Герострат», чтобы другим неповадно было повторять подобное. Имя же Котэ Горишвили, наоборот, уже стало известно всем и останется символом трусости, подлости и предательства. Горишвили ждут на Земле всеобщие ненависть и презрение. Я недавно с трудом удержал ребят от самосуда. Они хотели опять засунуть негодяя в его спасательную капсулу и выкинуть в космос.

— Именно поэтому я должна быть рядом с Котэ, — решительно ответила Мария. — Каждый может оступиться, испугаться, совершить что-то постыдное. Должен быть кто-то рядом, чтобы спасти человека от дальнейшего падения.

— Что ты говоришь, Маша? — ужаснулся Николай. — Кого ты собираешься спасти? Нельзя прикоснуться к грязи и не испачкаться. С тех пор, как Горишвили появился на «Ю-1», ты не раз нарушила дисциплину, утаила от меня запрос Центра, подделала мой ответ, лгала мне...

— Добавь ещё: изменяла, — безучастно произнесла Мария.

— Ты не тянешь Горишвили вверх, а сама катишься вниз! — взорвался Николай. — До сих пор на меня здесь смотрели с жалостью, а на тебя с недоумением. Кто-то и подсмеивался за спиной. Но если ты окончательно уйдёшь к этому подонку, в глазах людей вы будете с Горишвили одно и то же. Все решат, что ты одобряешь его поступки. А что ты скажешь нашей дочери?

— Да, ты прав, — согласилась Мария. — Но если я сейчас брошу Котэ, то чем я буду лучше? Я узнала всю правду о нём, и мне сейчас тяжело, но моя любовь к нему никуда не делась. Чувства не подвластны разуму. Они либо есть, либо нет. Прости меня, Коля. Подпиши документы на развод и... объясни всё Ленке. Она уже взрослая, сама замуж собирается. Должна меня понять...

— Нет, Маша, — твёрдо сказал Петров. — Развод я тебе не дам. Ленку ты увидишь раньше меня, если, конечно, она захочет с тобой встречаться. Сама ей всё и объясняй. Ты права: чувства не подвластны разуму. Но я уверен в одном: рано или поздно Горишвили предаст и тебя. Здесь, на «Ю-1», ты была первой и единственной женщиной, которую он увидел после ста тридцати двух лет спячки. На Земле у него будет выбор куда больше.

— Напекаешь на мой возраст? — Горько улыбнулась Мария. — Ты же сам сказал, что Котэ ждёт на Земле всеобщее презрение.

— Земные тюрьмы полны преступниками, ищущими себе подруг по интернету. — Махнул рукой Николай. — Они легко находят дур, вступающих с ними в переписку. Те ездят в тюрьмы

на свидания и даже выходят замуж за этих подонков. А твоему Горишвили вряд ли тюрьма грозит: нет пока такого закона ни в одном уголовном кодексе. Вот увидишь, он ещё и мемуары какие-нибудь лживые накропает, по ним снимут боевик, твой красавчик разбогатеет и обзаведётся толпой поклонниц. Ты станешь ему не нужна, и он немедленно избавится от тебя.

— Может быть, всё так и будет, — ответила Мария. — Но сейчас я нужна Котэ и не оставлю его один на один с бедой, дашь ты мне развод или нет.

— Что ж! — Встал Николай. — Тогда ты должна понять и меня: я тоже не могу оставить тебя один на один с бедой. Хочу, чтобы ты помнила: есть человек, который по-настоящему любит тебя, и есть место, куда ты всегда можешь вернуться. Вот почему я не дам тебе развод. А теперь пойдём собирать твои вещи, до отлёта транспортника на Землю осталось всего полтора часа...

ПОСМЕРТНЫЙ РАБ

— День зарплаты — радостный день! — напевал штатный критик журнала «ФАСТ» Ричард Кайманов на мотив некогда популярного советского шлягера, сунув кредитную карточку в приёмную щель банкомата. — В миг исчезнет забот моих тень. Эй! Эй! Эй, гони деньги скорей!

Спрятав купюры и карточку в портмоне, довольный Кайманов обернулся и застыл. Перед ним стоял, держа в дрожащей руке пистолет, известный писатель-фантаст Роман Щербатый. Глаза этого немолодого пузатенького мужичка, одетого в старенький джинсовый костюм, испугали Кайманова смесью горящего в них безумия и страха.

— Это тебе за моего «Изгнанника»! — вдруг громко взвизгнул Щербатый и выстрелил в стоящего перед ним в растерянности Кайманова.

Первая пуля насквозь прошла левую руку критика, и портмоне, пухлое от банкнот, плюхнулось в грязную лужу, оставшуюся на асфальте тротуара после недавнего дождя. Вторая пуля застряла в бедре правой ноги. Третья пронзила острой болью живот. Кайманов согнулся и упал. Вокруг в ужасе вопили и разбежались прохожие. Роман Щербатый продолжал стрелять в корчащегося у его ног Ричарда Кайманова. Из дверей банка выбежали, что-то крича, вооружённые короткоствольными автоматами охранники, и последнее, что увидел умирающий критик, это фонтанчики крови, вдруг забившие из груди спятившего графомана, и всполохи проблескового маячка невесты откуда взявшейся машины «Скорой помощи». Потом убийца тяжело рухнул на тело своей жертвы. Дюжие санитары быстро погрузили трупы в машину, и «Скорая помощь», завывая сиреной, скрылась в потоке машин...

Откровение первое

Ослепительно яркий свет больно ударил по глазам. Кайманов рефлекторно попытался поплотнее зажмурить веки и отвернуться, но у него ничего не получилось. Тогда он вскинул руку, чтобы прикрыть глаза ладонью, но свет продолжал резать зрачки с прежней силой.

— Уберите свет! — крикнул Ричард, и чей-то чужой голос оглушительно повторил его просьбу.

— Спокойно, Кайманов, — проревел в ответ другой голос. — Сейчас всё будет в норме.

Свет исчез, а потом стал плавно нарастать. Перед взором Ричарда постепенно, как фотография в ванночке проявителя, обретало краски и резкость лицо незнакомого мужчины.

— Ну вот! — Блеснули в улыбке отменно белые и ровные зубы. — Теперь ты нормально меня видишь?

Незнакомец был лет сорока, с большими залысинами в кудрявой рыжей шевелюре, гитлеровской кляксой усиков под внушительным эйнштейновским носом и девичье голубыми глазами, опущенными длинными ресницами.

— Да, — ответил Кайманов и вновь услышал вместо собственного голоса чей-то оглушительный рёв. — Почему вы все так орёте?

— Секундочку! — Незнакомец что-то сделал за пределами поля зрения Кайманова. Тот попытался повернуть голову или скосить глаза, чтобы немного осмотреться, но вновь ничего не получилось. Он мог смотреть только прямо.

— Раз, два, три, четыре... — начал считать незнакомец, и с каждой новой произнесённой цифрой его голос становился тише, пока не достиг нормальной громкости. — Ну вот, кажется, теперь и со слухом у тебя всё в порядке. Попробуй, скажи что-нибудь сам.

— Почему вы мне тычете? Где я? — услышал Кайманов свой вопрос, произнесённый чужим голосом. — Что происходит? Кто вы такой? Что у меня с голосом?

— Ну, вот и ладошки, — вновь улыбнулся незнакомец. — Теперь мы можем нормально общаться. Как ты себя чувствуешь?

— У меня ничего не болит, если вы об этом, — раздражённо ответил Кайманов. — Но я совершенно не контролирую своё тело. Не могу не то что рукой пошевелить, но даже просто моргнуть! Меня что, парализовало? Пуля того маньяка попала в позвоночник? Я теперь — калека?

— Нет, господин критик, — почему-то злорадно, как показалось Кайманову, усмехнулся рыжий. — Ты не калека, а уже неделю как мертвец, и твой труп в закрытом гробу вчера был предан кремации, а урна с прахом передана безутешной вдове.

— Что за бред вы несёте? — заорал Ричард. — Какой труп? Какая кремация? Да кто вы такой, наконец? Позовите главного врача!

— Спокойно, Кайманов, не надо так кричать, — продолжал усмехаться рыжий. — Главный для тебя здесь я. Можешь называть меня Эйнштейном. Настоящее моё имя тебе знать ни к чему. Хочешь, я введу успокоительное или снотворное? Спешить нам с тобой некуда, успеем ещё наговориться.

— Нет, — процедил Кайманов в ярости. — Не надо меня успокаивать. Почему вы упорно не отвечаете на мои вопросы?

— Потому что не успеваю! — Развёл руками рыжий. — Больно много их. Но на основные я уже ответил: ты официально умер и похоронен. Что ещё ты хотел знать? Ах, да: это — не больница, а частный научно-производственный центр. Медицинский персонал здесь есть, но я не из его числа. Я вовсе не медик, а, как бы сказать, чтоб ты лучше понял... Ближе всего к истине будет слово «бионик». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Проще говоря, бионика — это попытки человека перенести достижения природы-матушки в технические устройства. В качестве примера могу привести всем известную замену пуговиц на одежде сначала «молниями», а сейчас так называемыми «липучками».

— И что же изобретаете вы, господин Эйнштейн?

— Ничего. Я — учёный, а не изобретатель, и занимаюсь нейробионикой. А если более конкретно и доступно для таких гуманитариев, как ты — пытаюсь создать электронную копию личности человека с помощью компьютера. Завтра вот начнём копировать тебя.

— Да вы не Эйнштейн, а скорее Франкенштейн! — язвительно хмыкнул Кайманов. — Что же вы тут будете копировать, если я, по вашим словам, уже давно труп, сожжён и похоронен? Или вы каким-то образом успели сделать свою работу, и с вами сейчас говорю не я, а искусственный интеллект? И каким же будет следующий ваш шаг? Превратите меня в послушного робота?

— Искусственный интеллект — это миф, — в свою очередь ухмыльнулся рыжий. — Любая программа всегда останется только программой, то есть — набором стандартных команд и логических функций. А человек, да что там человек — простая кошка может в одной и той же ситуации поступать по-разному. Это у нас, живых существ, интеллект, а в роботе — всего лишь программа. Робот не думает: он действует, у него отсутствует свобода воли. Ты, Кайманов, мыслишь литературными штампами. Работа у тебя такая, критик ты наш!

Рыжий гнусно захихикал.

— Хитроумные роботы-убийцы, — продолжил он. — Всевозможные человекоподобные терминаторы, роботы-полицейские, киборги, детективы и даже няньки наводнили фантастические романы и фильмы. В жизни человекоподобный робот никому не нужен. Очень неудобная форма. Скорее уж, это будет нечто, похожее на луноход, с набором сменных манипуляторов.

— Вы не ответили, — резко прервал снисходительные разглагольствования рыжего незнакомца Кайманов. — И перестаньте мне тыкать! Я с вами на брудершафт не пил. Чтò со мной, и кого вы похоронили вместо меня, если это правда?

— Вместо тебя? — неподдельно удивился рыжий. — Ах, да, понимаю. Что ж, не будем больше отодвигать момент истины. Надеюсь, профессиональный критик в области отечественной фантастики читал роман Александра Беляева «Голова профессо-

ра Доуэля»? Ну, или хотя бы смотрел снятый по нему ещё в советские времена фильм?

— Что вы хотите сказать? — в ужасе прохрипел Кайманов. — Вы отрезали мне голову и проводите на ней свои дурацкие эксперименты?

— Мы могли бы это сделать, — вздохнул рыжий, — но к чему лишние заботы? Мозг — вот всё, что нам нужно.

Он протянул руку, и перед взором Кайманова промелькнула размытая картина разноцветных полос. Когда он смог вновь сфокусировать свой взгляд, то увидел стеклянный куб, стоящий на широком пластиковом столе. Внутри этого куба, заполненного прозрачной жидкостью, лежал человеческий мозг, покрытый золотой сеткой электродов и датчиков. Рядом со столом мерцали мониторы каких-то медицинских приборов, на экранах которых бежали гребёнки сигналов. Аппарат искусственного кровообращения гнал по прозрачным трубкам в мозг алую жидкость.

— Вот всё, что от тебя осталось, — услышал Кайманов голос рыжего. — Глаза тебе заменяет видеокамера, вместо ушей — микрофон, говорит за тебя компьютерная программа. Сам компьютер находится в соседнем помещении, он занимает несколько больших шкафов. Там специальная система охлаждения, поддерживающая определённую температуру воздуха. Мы называем его «Суперкомп». Но это для тебя уже совершенно лишние и неинтересные подробности. Ну вот, теперь ты знаешь правду и понимаешь, что обращаться на «вы» к тому, что лежит в той ячейке, просто глупо.

Перед взором потрясённого Кайманова вновь возникла разноцветная пелена, сменившаяся самодовольным лицом рыжего Франкенштейна.

— Ну что, продолжим разговор, или дать тебе время пораскинуть мозгами? — Хихикнул тот над своей шуткой. — Может, отключить тебя пока?

— Нет, не надо! — Кайманов был в ужасе от увиденного, но перспектива «отключения» страшила его ещё больше. Он хотел знать, что его ждёт в дальнейшем. — Так чего же вы здесь

изобретаете? Киборгов, что ли? Для этого вам нужен мой мозг?

— Киборги — это тоже из области фантастики, — вздохнул рыжий. — Если, конечно, имеется в виду металлический болван с человеческим мозгом внутри. Живой мозг нужно питать, беречь от холода, жары и сильных вибраций. А ещё нужна довольно сложная система поддержания равновесия и управления конечностями. Словом, возникает куча никому не нужных проблем. И ради чего?

Это в кино от робота-полицейского отскакивают пули. Нынешнее оружие легко разнесёт его железную башку вместе с мозгами. Если же говорить о киборгах в широком смысле этого слова, то они давно существуют. Мы без особых проблем могли бы запихнуть твой мозг в какой-нибудь полностью автоматизированный танк, самолёт или космический корабль. Если бы, конечно, ты умел всем этим управлять. Я вполне допускаю и даже уверен, что в каком-нибудь из отделов нашего Центра делают нечто подобное. Например, наше здание нашпиговано видеокамерами, однако я точно знаю, что с недавних пор в помещении, где установлены мониторы охраны, никто не дежурит. Понимаешь, о чём я? Ведь включить сигнал тревоги можно, и не имея рук. Ты же вот видишь без глаз и слышишь без ушей.

— Не может быть! — возмутился Кайманов. — Кто же пойдёт на такое? Зачем?

— Пойдут хозяева всевозможных охраняемых объектов, — невозмутимо ответил рыжий. — Зарплату таким киборгам-сторожам платить не надо, форма не нужна, никаких забастовок и прочей фигни. И никаких пенсий по инвалидности или старости. К тому же исчезает человеческий фактор. Люди устают, теряют бдительность, болтают между собой, ходят в туалет, едят, словом — постоянно отвлекаются от работы. Они ненадёжны. А вот такие, как ты, Кайманов, могут смотреть только туда, куда направлена видеокамера. Лучших охранников и искать не надо!

— Какой же дурак согласится на подобное рабство? — фыркнул Кайманов. — Как вы, например, меня можете заставить работать на вас? Перекроете кислород? Или посадите на голодную

диету?

— Я мог бы тебя немного попытать, — задумчиво ответил рыжий. — И мне для этого вовсе не нужно ломать тебе кости или гладить раскалённым утюгом. Мне прекрасно известно, где в человеческом мозгу расположены соответствующие центры. Я могу легко погрузить тебя в пучину невыносимой боли. Но зачем? Я вовсе не садист. Уже давно существуют препараты, подавляющие волю, и соответствующие методы гипноза. Ты что же, Кайманов, всерьёз думаешь, что Роман Щербатый, тихоня и трус, пописывающий в тиши кабинета романы о крутых попаданцах в прошлое, вдруг люто на тебя озлобился за критику его последнего «шедевра», неведомо где раздобыл пистолет и пошёл убивать средь бела дня на глазах у прохожих и вооружённых охранников банка?

— Что вы хотите сказать?

— Да, именно то, что ты подумал, — довольно осклабился рыжий. — Его просто зомбировали, вложили в руку оружие и отправили к тебе. Мне понадобились ваши головы. Вернее, мозги. Расходный материал всегда в дефиците, требуется пополнение запасов. Методика переноса человеческого сознания в память компьютера пока не отработана, приходится часто заменять биологический образец. А ты думал, машина «Скорой помощи» случайно проезжала мимо банка именно тогда, когда в тебя стрелял «спятивший писатель»?

— Он же мог меня убить!

— Он и убил, — кивнул рыжий. — Но стрелять в голову ему было категорически запрещено. Твой мозг не должен был пострадать, впрочем, как и его. Банк-то принадлежит нашему Центру, и охранники накануне прошли соответствующий инструктаж.

— Но почему вам понадобился именно я? — с тоской вымолвил потрясённый Кайманов. — Неужели мало бомжей, алкоголиков и наркоманов?

— Мне для опытов нужен здоровый образец, — спокойно ответил рыжий. — К тому же, я тоже пишу на досуге фантасти-

ческие романы. Недавно, после одной из твоих критических статей в журнале, издательство отказалось печатать мой последний роман и заключило контракт с Романом Щербатым. Так что я решил одним выстрелом убить двух зайцев.

— Месть! — понимающе прорычал Кайманов. — Значит, всё это из-за того, что я раскритиковал ваши тексты?

— Вряд ли это можно назвать критикой, — злобно встрепёнулся рыжий. — У нас в России сейчас вообще отсутствует критика как таковая. Издательствам нужно, чтобы вы хвалили их продукцию и ругали конкурентов. Они платят за это вашему журналу, и вы старательно отрабатываете их деньги. Вы, Кайманов, так называемые профессиональные критики, теперь ничем не отличаетесь от обычных рекламных агентов.

— Утешайтесь этой стандартной отмазкой графоманов и неудачников, — язвительно прошипел Кайманов. — Под каким именем вы публикуете свои книги?

— Я же сказал: моё имя тебе знать ни к чему.

— Понятно, — удовлетворённо хихикнул Кайманов. — Все вы — герои, но только тогда, когда спрячетесь под маской анонима или псевдонимом. А в реале и под собственным именем быстро сдуваетесь.

— А вы — просто литературные проститутки! — Раздражённо взмахнул рукой рыжий. — Не будем спорить: сейчас всё это совершенно не важно. Главное то, что отныне ты будешь работать только на меня. Для опытов по основному проекту у нас пока есть мозг Щербатого. Романы я и сам писать умею, так что этот графоман пусть послужит науке. А вот у тебя начинается новая жизнь после смерти. Рабская, как ты правильно недавно заметил. Будешь вкалывать без перекуров и перерывов на обед.

— Каким это образом? — поразился Кайманов. — Я — филолог, управлять самолётом не умею, и охранник из меня никакой.

— Не волнуйся, ты и в дальнейшем будешь писать критические статьи, а деньги за них буду теперь получать я. Зарплата у меня по нынешним временам хорошая, но денег, как известно, никогда не бывает достаточно. К тому же, ты должен возместить

мне потерянный по твоей вине гонорар за отвергнутый издательством роман. Я буду снабжать тебя текстами и указывать, какие из них нужно хвалить, а какие необходимо разнести в пух и прах.

— Не смешите меня! — взвизгнул Кайманов. — Вы сами ска-
зали, что для всех я мёртв и похоронен.

— Не ожидал, что ты столь наивен, — удивился рыжий. — Тебе ли не знать, что мы живём в эпоху так называемых «литературных проектов», в которых под одним раскрученным именем публикуются тексты совершенно разных авторов, а то и вообще никому не известных «литературных негров»? Объявлений о твоей смерти ни в прессе, ни в Интернете не было. Ты ж не какой-нибудь знаменитый артист или поп-звезда! Хозяину журнала «ФАСТ» совершенно наплевать, кто в действительности пишет от твоего имени критические статьи, если они соответствуют определённому уровню и заданной направленности. Я уже провёл с ним на эту тему переговоры. Контракт находится в стадии подписания.

— А на кой чёрт мне горбатиться на вас? — спросил Кайманов. — Убивать или мучить меня вам невыгодно. Под воздействием препаратов или гипноза я вряд ли напишу статью: для творчества требуется ясный ум и свобода мысли. Это вам не на курок жать.

— Жмут, Кайманов, не на курок, а на спусковой крючок, — презрительно процедил рыжий. — Убивать тебя я, конечно, не буду. Тут ты прав. Да это и не потребуется. Ты сам скоро, как наркоман, будешь готов на всё ради дозы.

— Какой ещё дозы? — испугался Кайманов.

— Когда только начинали изучать мозг, то проводили опыты на мышах, крысах, кроликах и прочих животных. Так вот, однажды крысе вживили электроды в центр удовольствия и посадили в клетку с двумя кнопками. Когда крыса нажимала на одну кнопку, то тут же получала пищу, а когда на другую — электроимпульс на вживлённые в её мозг электроды. Вскоре эта крыса умерла от голода, так как всё время нажимала на вторую кнопку, предпочтя пище непрерывный экстаз. В твоём случае, Кайманов, кноп-

ками управляю я и могу без особого труда причинить тебе невыносимую боль или подарить небывалое наслаждение. Выбор за тобой. Так что, добровольно или нет, но ты будешь на меня работать. И потом, Кайманов, подумай: неужели тебе самому не хочется продолжить занятие любимой работой? Ты действительно предпочтёшь целыми днями бессмысленно паяльаться в одну точку? Или я могу вообще отключить видеокамеру с микрофоном. Хочешь побыть слепоглухонемым?

— Я подумаю, — с горечью прошептал Кайманов.

— Уверен, мы с тобой поладим, — победно усмехнулся рыжий. — Думай, у тебя целая ночь впереди. Ох, и заболтался же я с тобой. Рабочий день давно закончился, и все ушли по домам. Я отключу тебя пока от периферийных устройств — у нас тут, знаешь ли, не принято общаться с подопытным материалом. Это я только для тебя сделал исключение. Вон, на соседнем столе стоит ячейка с мозгом Щербатого. У того нет и не будет ни видеокамер, ни микрофонов, ни собеседников. Так что цени, Кайманов, мою доброту! Утром тобой займутся мои сотрудники, не пугайся. Они просто подключат тебя к Суперкомпью и начнут копировать в него твою память. Судя по приборам, это не больно. А после работы, когда все разойдутся по домам, я к тебе приду, вновь подключу периферию, и ты мне скажешь своё решение.

Пальцы Франкенштейна забегали по клавиатуре, и внешний мир для Кайманова исчез.

Откровение второе

Со следующего утра жизнь Кайманова превратилась в беспросветную каторгу, в которой его мозг циклически ввергался в три состояния. Когда в Центре начинался рабочий день, Кайманова после обязательной проверки медицинских показателей состояния мозга подключали к суперкомпьютеру, и начинался тошнотворный процесс копирования его памяти. Почти девять часов Кайманов находился в состоянии непреходящего похмеля: его просто выворачивало наизнанку. Будь у него тело, он

наверняка как следует проблевался бы или принял какое-нибудь средство от тошноты. В конце концов, хлебнул бы рассолу или выпил баночку пивка. Но тела не было, а химические препараты в данном случае, по словам рыжего эскулапа, были бесполезны, и бедному Кайманову оставалось только покорно ждать окончания процесса.

Когда рабочий день заканчивался и сотрудники лаборатории уходили домой, у Кайманова начиналась вторая смена. Он работал на рыжего Франкенштейна: писал критические статьи для журналов. Причём, судя по их количеству и номенклатуре разбираемых романов, рыжий заключил контракты не только с журналом «ФАСТ», но и с несколькими другими изданиями. Сосал, как говорится, сразу несколько маток.

Шесть предутренних часов Кайманов спал — Франкенштейн прекрасно знал, что живому организму требуется отдых. Специальная программа отключала от мозга Кайманова периферийные устройства, с помощью которых тот читал чужие книги и писал свои статьи, и вводила в кровь лёгкое снотворное.

Суперкомпьютер не входил в местную локальную сеть Центра во избежание утечек информации и хакерских атак. Поэтому для своего личного бизнеса рыжему пришлось использовать медицинский компьютер, к которому были подключены приборы и устройства, обеспечивающие жизнедеятельность мозга Кайманова. Этот компьютер имел стандартный usb-вход, через который рыжий и производил обмен текстов с помощью обычной флешки. Кайманов довольно быстро научился работать в текстовом редакторе при помощи виртуальной клавиатуры.

Франкенштейн любил поболтать с Каймановым после рабочего дня, когда их никто не видел и не слышал. Однажды он пришёл позже обычного. Кайманов не мог чувствовать запахи, но по внешнему виду рыжего сразу понял, что тот явно навеселе.

— Что отмечали? — осторожно спросил он.

— Покорение Марса! — весело рявкнул Франкенштейн. — Что это ещё за вопросы?

— Ну, мне же интересно, какие у вас тут успехи, — примирительно ответил Кайманов. — Всё-таки, от них зависит и моя судьба. А я так и не понял, чем же на самом деле занимается ваш Центр? Зачем копировать память людей в компьютер?

— Ты, Кайманов, действительно такой тупой или притворяешься? — хмыкнул рыжий. — Где твоя фантазия? Ты ж всю жизнь фантастикой занимаешься!

— Я хочу знать реальное положение вещей, а не фантазировать на тему киборгов, — обиженно огрызнулся Кайманов.

— Какие, к чёрту, киборги! — захохотал Франкенштейн. — Ты думаешь, наш Центр единственный? Да таких центров по всему миру разбросано, знаешь, сколько?

— Сколько? — недоверчиво спросил Кайманов.

— Никто точно не знает, — понизил голос рыжий. — Наш Центр — только малая частичка огромного международного Консорциума. Тут миллиарды долларов крутятся, а ты всё про каких-то идиотских киборгов думаешь. В Центрах, разбросанных по всему миру, учёные бьются не только над проблемой переноса человеческого разума на электронный носитель — одновременно проводятся и обратные опыты. Знаешь, Кайманов, кто является основным заказчиком и спонсором Консорциума? Миллиардеры!

— Не понимаю, — искренне признался Кайманов. — Им-то это зачем?

— Всё очень просто! — Насмешливо посмотрел на него рыжий. — Никто не хочет умирать. Денежные мешки мечтают жить вечно, меняя отягощённые старостью и болезнями тела на новые, молодые и здоровые. Лежать в глубокой заморозке и ждать, когда медицина научится лечить их болезни и омолаживать организмы, миллиардерам не хочется. Никто же не может гарантировать, что они благополучно оживут при разморозке: эта задача возлагается на плечи науки и медицины неопределённого будущего. То есть, денежные мешки, согласившиеся когда-то на заморозку, уплатили огромные деньги за химеру, пустые, ничем не подкреплённые обещания. Поэтому нынешним милли-

ардерам копирование личности в память компьютера представляется более практичной и достижимой задачей. К тому же, оно не требует выпадения из жизни на неопределённый срок.

Миллиардеры, Кайманов, хотят жить, а не «спать» в анабиозе, и Консорциум смог воспользоваться мечтами и чаяниями денежных мешков. Он переманивает в свой штат лучших специалистов со всего мира. Успехи уже впечатляют. Ты знаешь, Кайманов, что на одном из островов в Тихом океане, принадлежащем Консорциуму, живут и руководят своими империями более десятка миллиардеров? Вернее, живут их мозги, ожидая переноса сознания в новые тела. Точно так же, как ты сейчас живёшь. Только тебе новое тело не светит.

— Это-то я понимаю, — ответил Кайманов, с трудом переваривая откровения Франкенштейна. — Новое тело мне никто не даст. И что же вы сегодня празднуете? Неужели у вас получилось?

— Корпоратив у нас был, — кисло ответил Франкенштейн. — У директора сегодня юбилей.

— А я думал...

— А ты не думай! — пьяно взревел рыжий. — Хватит болтать: работать пора. Я принёс тебе ещё парочку романов. Оба нужно похвалить. Читай и готовь статьи. А про всё, о чём мы тут с тобой говорили, забудь. Это не для твоих мозгов. Сам не забудешь — с помощью Суперкомпа сотру.

Откровение третье

На следующее утро ни Кайманов, ни Франкенштейн не вспоминали о беседе накануне. Кайманова, как обычно, подключили к Суперкомпу, после работы рыжий скопировал на флэшку готовые статьи и ушёл, не сказав ни слова. В заданное время Кайманов уснул.

И так сутки за сутками. Привыкнуть к тошноте Кайманов не мог, но его мозг сам искал выход из неприятного состояния, и вскоре Кайманов заметил, что ему становится легче, если он

как бы «перетекает» вместе с информацией в ячейки памяти суперкомпьютера. Тошнота ослабевала, так как мозг «отключал» живую память, используя соответствующую информацию, уже записанную в электронную память Суперкомпа. Чем больше памяти Кайманова копировалось, тем легче ему становилось убежать от тошноты.

И вскоре настал момент, когда Кайманову стало банально скучно бездельничать почти девять дневных часов, и он «огляделся» вокруг. Каким-то странным «зрением» увидел, что «парит» в чёрной бездне, а вокруг него мерцают всеми оттенками жёлтого огромные бесформенные «массивы». Его память мгновенно привлекла на помощь аналогию бесконечного космоса и сверкающих звёздных скоплений. Кайманов «потянулся» к ближайшей «галактике» и «погрузился» в неё.

Массив оказался памятью Романа Щербатого! Оставаясь собой, Кайманов отчётливо «вспомнил», как он пишет «свой» последний роман о бравом капитане спецназа ВДВ России, сознание которого во время ранения в голову каким-то чудом перенеслось в тело матёрого ээка, добровольно сменившего лагерь на штрафную роту, которую вот-вот должны были кинуть на штурм какой-то безымянной высоты, чтобы отбить её у засевших там немцев.

Поражённый, Кайманов немедленно «вынырнул» из массива. Чутьочку «отдышавшись» и придя в себя от удивления, он вновь осторожно «окунулся» в память Романа Щербатого. Кайманов не знал, сколько «блуждал» по ней, но контакт внезапно прервался — рабочий день в Центре закончился, и мозг Кайманова отключили от суперкомпьютера. А вскоре появился и Франкенштейн.

То, что рыжий опять пришёл «под мухой», Кайманов понял сразу, хотя тот, в отличие от прошлого раза, был хмур и зол.

— У вас опять корпоратив? — осторожно спросил Кайманов. — Эксперимент, наконец, удался?

— Если бы! — Рыжий вынул из кармана халата плоскую бутылочку, отвинтил крышку и хлебнул прямо из горлышка. — Мы

научились копировать память человека в компьютер, но вот личность вместе с памятью почему-то перенести не удаётся. Умеем записывать чужую память из компьютера в живой мозг. Однако личность первоначального владельца при этом не меняется: она просто получает новые знания, что-то сразу усваивая, а что-то блокируя и отсеивая как опасное или ненужное. Бьёмся, бьёмся, а воз и ныне там! Радует только то, что и на эти работы нашлись заказчики, да ещё какие! Мы теперь любые мозги можем на опыты брать, никто нам не помешает.

— Это кто ж такие? — полюбопытствовал Кайманов, стараясь выудить у подвыпившего Франкенштейна как можно больше информации.

— Что, и тут тебе фантазии не хватает? — пьяно ухмыльнулся рыжий. — Конечно же, армия и некие анонимные организации. Первым нужны опытные и исполнительные солдаты, которых не надо обучать несколько месяцев, а то и лет, вторым — лишённые инстинкта самосохранения живые роботы, готовые выполнить любой приказ. Всего несколько часов в контакте с Суперкомпом — и готов любой нужный заказчику специалист.

Теперь Кайманов понял, что имел в виду рыжий Франкенштейн, когда говорил, что может усадить его в кресло охранника или за пульт управления самолётом. Его привела в ужас судьба многих и многих несчастных, чей мозг использовали и используют для жутких экспериментов по стиранию «ненужных» знаний и навыков и замене их «нужными».

— Но ведь это — ужасно! — воскликнул он. — Просто бесчеловечно! Куда же смотрят правозащитные организации?

— Не пойму, Кайманов: ты действительно так наивен или просто дурак? — Франкенштейн завинтил крышку и спрятал бутылочку в карман. — А на чьи деньги, по-твоему, существуют все эти организации? К тому же, эти опыты преподносятся хозяевами Консорциума как благо для человечества: как возможность превращения маньяков и преступников в добропорядочных и полезных членов общества, прилежных и добросовестных работников. Улавливаешь?

— Но... — растерянно проблеял Кайманов.

— Кстати, ты и Роман Щербатый в этом деле хорошо нам помогли! — вдруг злобно засмеялся Франкенштейн. — Особенно этот бездарный графоман.

— Каким образом? — Не поверил Кайманов. — Вы ж говорили о гипнозе...

— Кому теперь нужен гипноз? — Отмахнулся рыжий. — Он не надёжен, сложен в исполнении, требует подготовленного специалиста, да и не каждый человек ему поддаётся. А у нас всё просто, быстро и со стопроцентной гарантией.

— А при чём здесь я?

— Заказчик потребовал продемонстрировать наши возможности на совершенно случайных людях, далёких по жизни от какого-либо насилия, без опыта службы в армии или правоохранительных органах, не умеющих обращаться с оружием и тому подобное. И я подсунул ему ваши кандидатуры. Романа Щербатого в своё время военкомат забраковал из-за слабого зрения. Ты же, Кайманов, откосил от армии с помощью липовой справки о якобы имеющемся у тебя плоскостопии, подкреплённой соответствующей суммой нужным людям. Что молчишь? Эх, в первый раз жалею, что передо мной только мозг! Уж очень хочется посмотреть сейчас на твою рожу. Небось, знай ты тогда, что тебя ждёт в будущем встреча со мной — сам бы рванул в военкомат с просьбой забрать тебя в солдаты нашей несокрушимой и легендарной? А? Что молчишь?

Ладно, слушай дальше, раз уж хочешь знать всю правду. Мы взяли Щербатого прямо на улице, когда он вышел из своего дома, чтобы сходить в магазин за продуктами. Привезли сюда, подключили на несколько минут к Суперкомпу, потом дали пистолет и отпустили, сказав, где тебя искать. Он пошёл и без тени сомнения убил. Всё это происходило на глазах восхищённого представителя заказчика. Так-то вот, Кайманов!

И нечего мне тут про права человека вкручивать! Ты сначала долг свой исполни, послужи Родине, а уж потом пасть разевай, если захочешь. Теперь мы легко можем помочь родной армии

и государству в том, чтобы ни у одной сволочи, вроде тебя и прочих так называемых правозащитников, даже мысли не возникло бы плевать в их сторону.

А теперь, раб, принимайся за работу!

Откровение четвёртое

Кое-как выдав очередную статейку, Кайманов стал обдумывать всё услышанное от Франкенштейна и своё невероятное проникновение в чужую память в недрах Суперкомпа. Он, наконец, в полной мере понял трудности Консорциума: массив Щербатого был просто электронной копией его памяти, а не личности. Он не обладал сознанием и собственной волей, не мог самостоятельно мыслить. Очевидно, что и массив самого Кайманова был таким же и обретал разум только во время контакта с живым мозгом.

«Просто мой мозг использует компьютерную память, — понял Кайманов. — Скопировать разум, личность живого человека Франкенштейн пока не может или не умеет. Что ж, это даёт мне какое-то время. Пока я ему нужен, мой мозг будет жить».

С этого дня каторга превратилась для Кайманова в увлекательное путешествие по чужим мирам. Не зря говорят, что каждый человек живёт в своём собственном мире. Самое удивительное было в том, что чужая память мгновенно становилась для Кайманова собственной, как только он проникал в очередной массив. Какая-то её часть успевала «записаться» в мозг, и Кайманов даже после отключения от Суперкомпа продолжал вспоминать чужую жизнь, как свою.

«А не начать ли мне писать романы? — как-то подумал он. — У меня есть для этого масса материала: надо просто записать куски чужой жизни».

Но Кайманов тут же отверг эту безумную идею. Во-первых, он не писатель. Как-то однажды пытался им стать, но не получилось. Пошёл в критики — не пропадать же филологическому образованию! А во-вторых, и вернее, в главных — Франкен-

штейн далеко не дурак и сразу же всё поймёт, а уж какие он примет меры, даже гадать не хочется. Одно ясно: каторжный труд Кайманова многократно увеличится или мгновенно прекратится.

«Хватит с рыжего ублюдка критических статей, — решил Кайманов. — Романы пусть сам пишет», — и он продолжил свои тайные проникновения в чужую память.

Кого здесь только не было! Бомжи, преступники, солдаты, жертвы несчастных случаев, бывшие работники Консорциума, чем-либо провинившиеся перед начальством, и даже дети разных возрастов. Один из очередных массивов содержал память хакера, неосмотрительно попытавшегося взломать защиту локальной сети Центра. Беднягу быстро вычислили, и того сбила на улице «неизвестная машина». Кайманов узнавал не только жизни и судьбы, но и мгновенно усваивал родные языки, так как люди эти были похищены и убиты в тех странах и городах, где имеется местный филиал Консорциума.

Словом, множество людей погибло в ходе бесчеловечных опытов по поиску бессмертия для умирающих миллиардеров. Кайманов благодарил судьбу за то, что рыжий Франкенштейн решил использовать его мозг для улучшения своего личного благосостояния и потому уберёг от экспериментов. Но он хорошо понимал, что долго это продолжаться не будет. В любой момент может произойти что-то, что разрушит сложившееся положение вещей. Например, рыжий может заболеть, и его заместитель, обнаружив «бесхозный» мозг Кайманова, тут же пустит его в дело, то есть в какой-нибудь очередной эксперимент. Нет, спастись Кайманов не надеялся, но хоть как-то отомстить вивисекторам в белых халатах хотел. Только вот как?

— А вы не боитесь, что правда о Консорциуме станет известна всем? — спросил он как-то Франкенштейна. — Ведь кто-нибудь из ваших может проговориться о том, что вы тут делаете.

— Это невозможно, — спокойно ответил тот. — Все наши люди регулярно, два раза в год, проходят медосмотр. Один — всеобщий, плановый, другой — индивидуальный, перед уходом в очередной отпуск. Во время этих медосмотров сотрудников

подключают к Суперкомпью и, используя соответствующие технологии, «закачивают» в их мозг новые должностные правила и инструкции, стирают «лишнюю» информацию, зомбируют на неразглашение любых сведений о Консорциуме вообще и о Центре, в котором они работают, в частности. Разумеется, в конце процедуры всем стирают память о ней, и сотрудники уверены, что прошли обычный медосмотр, такой же, как в государственной поликлинике. Уволиться из Консорциума можно только одним способом: тело — в морг, мозг — в экспериментальную лабораторию Центра.

— А вы откуда это знаете? — Не поверил Каманов. — Разве вы не проходите эти медосмотры?

— Прохожу, — криво усмехнулся рыжий. — Но я их и провожу. Так что у меня несколько иная программа зомбирования, чем у прочих. Мне не стирают память о процедуре, так как я должен знать и понимать суть того, что делаю с другими.

— А запрет на разглашение?

— Как у всех.

— Не понимаю, — искренне удивился Каманов. — А как же я? Вы же мне всё рассказали!

— А кто ты такой? — спросил Франкенштейн. — Разве ты человек? Разве ты можешь кому-нибудь что-нибудь рассказать? Ты — просто кусок мяса! Беседовать с тобой — то же самое, что разговаривать со стулом или вон с тем полусохшим цветком в горшке на подоконнике.

Откровение пятое

Последний разговор с рыжим не выходил у Кайманова из головы.

«Смешно, — думал он. — Головы нет, а разговор из неё не выходит. Что-то меня в нём зацепило и не отпускает. Обида? На что? На сравнение с куском мяса? Засохший цветок? Цветок. Запрет на разглашение. Тростник. Причём тут тростник? Вот оно! В детстве мне мама читала сказку про какого-то царя, у которого

вдруг почему-то выросли ослиные уши. Царь пригласил к себе лекаря и предупредил, что если тот кому-нибудь расскажет о том, что узнал, то лишится головы. И лекарь молчал. Но его так и подмывало раскрыть секрет царя хоть кому-нибудь. В конце концов, он выбежал из города в поле, упал лицом в траву и прошептал страшную тайну земле. А потом, довольный и успокоившийся, лекарь вернулся домой и обо всём забыл.

Но на том месте, в поле, со временем вырос тростник. Мальчик, пасший за городом овец, срезал тростинку и сделал из неё дудочку. А когда подул в неё, вместо музыки из дудочки послышались слова о том, что у царя выросли ослиные уши. Помню, меня здорово повеселила эта сказочка. А она, оказывается, не просто забавная, но и со смыслом. Ты прав, Франкенштейн, я — полузасохший цветок, тростник. Вот только где бы мне найти пастушка?»

И Кайманов перестал произвольно блуждать по массивам в поисках очередных приключений. Он стал искать нестандартную «галактику», место, где зомбируют отпускников. И вскоре нашёл-таки небольшое, интенсивно пульсирующее «облачко». Полный надежд, Кайманов тут же «сунул туда свой нос». Облачко не было полноценной копией мозга конкретного человека. В нём действительно проходил процесс зомбирования сразу трёх людей, через несколько дней уходящих в отпуск. Один из них был специалистом, обслуживающим компьютеры Центра. Не желая упускать благоприятный момент, Кайманов немедленно внушил ему задание: подключить медицинские компьютеры к локальной сети.

С тех пор он получил доступ не только к зомбированию сотрудников, но и к локалке Центра. Кайманов незаметно подправил некоторые инструкции, исполняя которые, охрана могла бы обнаружить его вмешательство, и даже стёр саму память о категорическом запрете объединения имеющей выход в Интернет локальной сети с полностью автономной медицинской.

Кайманов понимал, что охранные программы Консорциума

не дадут ему вбросить в Интернет большой объём информации, даже если он воспользуется логином и паролем директора Центра. Он мог бы соответствующим образом зомбировать некоторых охранников, но справиться с программой ему было не по зубам. Её сделали люди более квалифицированные и опытные в этой сфере, чем несчастный хакер, чьи знания теперь принадлежали Кайманову. Эти люди понимали, что любой обмен информацией по сети Интернет могут перехватить. Поэтому связь между суперкомпаниями Центров Консорциума осуществлялась с помощью курьеров, перевозивших данные на съёмных носителях под надёжной охраной. Это занимало много времени, зато исключало утечку информации. Даже если бы кто-то нейтрализовал охрану и захватил курьера, несанкционированное вскрытие его кейса привело бы к самоуничтожению носителя информации. Консорциум умел хранить свои тайны.

«Дудочка»

Отныне Кайманов был в курсе всего происходящего. Он узнал настоящее имя Франкенштейна, но запретил себе употреблять его даже в мыслях, дабы не спалиться раньше времени. Оказалось, что родной брат рыжего работает в Центре начальником службы безопасности, одновременно являющейся поставщиком «живого сырья», то есть мозгов, что и дало возможность братьям организовать свой тайный бизнес на Кайманове.

Специфические знания хакера подали Кайманову идею, и он записал на флэшку Франкенштейна вместе с очередной критической статьёй некий скрытый файл. Конечно, рыжий использовал для своего бизнеса не рабочий, а личный, домашний, компьютер, и это позволило Кайманову начать выполнение своего плана.

Мощная защитная программа Консорциума мгновенно обнаружила бы и нейтрализовала файл Кайманова, но обычный антивирус домашнего компьютера его пропустил. И когда рыжий Франкенштейн вышел в Интернет, чтобы отправить статью

в редакцию журнала, скрытый файл на его флэшке сделал своё дело, закачав и установив на компьютер Франкенштейна нужные Кайманову программы.

Так Кайманов получил регулярный доступ к персональному компьютеру Франкенштейна и начал потихоньку, маленькими кусками закачивать в него информацию о Консорциуме: адреса Центров, фамилии сотрудников и заказчиков, планы и результаты работ, банковские счета, имена жертв экспериментов, словом — всё, что удавалось выудить из массивов суперкомпьютера и локальной сети Центра.

И вот настал день, когда Кайманов был готов нанести ответный удар. Он собрал достаточно информации о Консорциуме — большего извлечь из локалки Центра он не мог. Кайманов прекрасно понимал, что, скорее всего, подписывает себе окончательный смертный приговор — Центр наверняка постарается уничтожить все улики, как только информация о нём выйдет наружу. А жить хотелось! Ох, как хотелось жить! Пусть даже «питаясь» чужой памятью.

Но Кайманов точно знал, что его конец в любом случае близок: через десять дней Франкенштейн уходил в отпуск, и потому он уже начал официально оформлять мозг Кайманова в качестве нового материала для экспериментов. После возвращения из отпуска рыжий планировал продолжить свой бизнес, но уже с другим рабом. Жертва была давно намечена — ещё один критик всё того же журнала «ФАСТ». Кайманов знал об этом, так как сотрудники брата Франкенштейна собрали полную информацию об этом человеке и готовили ему стандартный «несчастный случай».

В Суперкомпе не было массивов с памятью сотрудников Центра. Зачем тратить на них время и ресурсы? Для зомбирования достаточно кратковременного подключения. Поэтому, узнав точную дату предотпускного медосмотра Франкенштейна, Кайманов с самого утра дежурил в пульсирующей облачке. И вот, наконец, он получил доступ к мозгу своего врага и моментально дал тому нужную установку.

Впервые после своей смерти Кайманов почувствовал себя свободным и счастливым. Он знал, что его установка сработает уже на следующее утро. Прежде чем пойти на работу, Франкенштейн включит свой домашний компьютер и бездумно запустит программу, о существовании которой он до этого даже не подозревал. Та автоматически начнёт рассылку материалов о Консорциуме, собранных в скрытой директории, во все инстанции: мировые средства массовой информации, Интерпол, правоохранные органы России, США, Китая и Европы, пиратские библиотеки и пиринговые сети. Запустив эту программу, Франкенштейн оставит работающий компьютер подключенным к сети Интернет и спокойно поедет на работу, мгновенно забыв всё, что сделал. До своего отпуска он теперь вряд ли доживёт...

«СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!»

Первая встреча

Свою первую жертву Витька Крест увидел, как только свернул в знакомый переулок. Толстая девица брела по тротуару, упёршись взглядом в сотовый и что-то набирая на клавиатуре. Потёртая сумочка из синего, под цвет джинсов, кожзаменителя болталась на левом плече. Витька двинулся навстречу толстухе, бросая быстрые, но внимательные взгляды на окна домов, двери подъездов и припаркованные машины. В переулке кроме них с девицей пока никого не было. Сблизившись со своей жертвой, Витька одной рукой выхватил у неё сотовый телефон и, одновременно, другой рванул к себе сумку. Но тонкий ремешок, вопреки ожиданиям, не порвался, и толстуха судорожно вцепилась в него, ошеломлённо глядя круглыми и жёлтыми, как у совы, глазами на грабителя.

— Отцепись, дура! — рявкнул тот угрожающе и снова рванул сумку к себе.

— Отдай... — сдавленно прошипела в ответ девица и неожиданно сильно дёрнула ремешок, притянув Витьку к себе, но потянулась при этом не к сумке, а к сотовому.

Несколько секунд они, пытая от усилий, топтались на тротуаре, как борцы на арене. Девица обеими руками вцепилась в Витьку, пытаясь разжать его пальцы, крепко сжимающие телефон.

— Вот зараза! — выругался Крест, безуспешно пытаясь оторваться от вцепившейся в него ненормальной девки. Краем глаза он увидел появившиеся в конце переулочка силуэты людей. Отпустив сумочку — чёрт с ним, с кошельком, — Витька рванулся в знакомый проходной подъезд, таща за собой повисшую на его руке толстуху. Удивительно, что та, столь яростно борясь с граби-

телем, при этом почему-то не кричала и не звала на помощь, лишь жарко дышала Витьке в лицо и одуряющее воняла смесью пота, жасмина и чего-то ещё, что ошеломлённый неожиданным отпором Крест даже не пытался определять. Из-за царившего в подъезде полумрака, оба чуть не грохнулись на грязный бетон пола, споткнувшись о ступени, ведущие к площадке первого этажа. Спасли перила, на которые Витька налетел со всего маху. От резкой боли в ушибленных рёбрах, Крест охнул, потом выматерился и со злостью ткнул толстуху свободной рукой в мягкий живот. Та жалобно квакнула, ослабив хватку. Витька, наконец, вырвался и обеими руками с силой оттолкнул от себя согнувшуюся от боли девку. Видать, при этом он нечаянно нажал на какую-то кнопку, потому что экран зажатого в его руке телефона ярко вспыхнул в сумраке подъезда, раздался громкий звук, будто рядом ударили в гонг. Не теряя времени, Крест бросился ко второму выходу.

— Стой, дурак! — услышал он отчаянный крик рванувшейся за ним толстухи.

Дверь распахнулась, яркий свет летнего солнца ослепил Витьку. Он остановился, зажмурившись, и вдруг почувствовал на своём плече пальцы настигнувшей его настырной девицы. Не оглядываясь, Крест лягнул её, отбрасывая назад, в полумрак подъезда, и бросился бежать.

— Стой! — вновь услышал он отчаянный крик толстухи, и свернул за угол дома в ближайший проулок. Он знал этот район питерской Коломны, как содержимое собственных карманов, и потому летел по улице, не особо глядя куда, стараясь только не сталкиваться с прохожими, силуэты которых всё отчётливее различал сквозь пелену слёз, неожиданно обильно полившихся из глаз от обиды на неудачу и боли в ушибленных рёбрах.

Но вскоре слёзы высохли, глаза приноровились к яркому солнечному свету, и Витька невольно замедлил бег, а потом и вовсе остановился. Он не знал эту улицу! Вместо многоэтажек вокруг теснились одно-двухэтажные дома, да и сама улица резко сузилась. По ней шли, громко разговаривая, группы людей.

Витька отчётливо слышал каждое слово, но смысл сказанного понимал с трудом. Это был не русский и не украинский, хотя явно родственный им язык.

— Что за фигня? — удивился Крест. — Куда это я попал?

Нет, он слышал, конечно, что во многих городах России в связи с наплывом китайцев появились «чайна-тауны», где ни русскую речь не услышишь, ни вывеску на русском языке не увидишь, но чтобы в Питере появилась целая улица каких-то непонятных славян... Да и одеты они тут все как-то странно. Не современно, что ли. Женщины в простеньких платьях, мужики в мятых брюках и белых рубашках. До сих пор Витька считал, что знает свой район от и до. Откуда здесь взялись и эта странная улица, и её обитатели? Это не новострой какой-нибудь. Стены домов все обшарпаны, краска дверей облупилась, окна какие-то допотопные, ни одного стеклопакета! Словом, этим строениям не менее тридцати, а то и сорока лет! Вывески, вроде, написаны на кириллице, но смысл их Витька понять не мог.

— Александр Палыч, ну когда же мы пойдём на завод? — вдруг раздался сзади недовольный юношеский голос.

Витька резко обернулся. Его обгоняла странная троица. Впереди, явно торопясь куда-то, семенил небритый мужик невысокого роста, в мятых, как у всех на этой улице, серых брюках и несвежей голубой рубашке, с закатанными по локоть рукавами. За ним, как цыплята за курицей, шли два парня. Один — высокий и тощий, славянской внешности, со сползающими с длинного носа массивными очками. Другой — среднего роста крепыш, явный азиат, с чёрными, блестящими на солнце волосами. Оба были в настоящих (Крест в этом понимал) американских джинсах фирмы «Lee» и цветастых теннисках.

— Александр Палыч... — тянул очкарик.

— У нас же срок командировки через три дня кончается, — на чистом русском языке поддержал его азиат.

— Да не гудите вы! — хрипло огрызнулся мужик. — И так башка после вчерашнего раскалывается...

— У вас это «вчерашнее» уже вторую неделю длится! —

с упрёком воскликнул очкарик. — Мы так радовались, что на практику в Белоруссию едем, а тут...

— Не волнуйтесь, ребятаки, — успокаивающе прогудел мужик. — Сейчас зайдём в пивнуху, выпьем по кружечке...

При этих словах Крест, шагавший, как привязанный, за странной троицей, почувствовал, что у него тоже внезапно пересохло в горле. Белоруссия! Вот он, оказывается, где. Но как он сюда попал?

Троица русскоговорящих неожиданно свернула к какой-то забегаловке, и Витька машинально вошёл вслед за ними.

Давно Крест не бывал в таких гадюшниках. Десяток высоких круглых металлических столиков заполнял почти всё помещение. Стульев не было. За прилавком разливала янтарную жидкость по кружкам толстая румяная тётка. Она страшно блестела металлическими зубами, громко смеясь и перешучиваясь на певучем белорусском языке с двумя подвыпившими мужиками, очевидно, давно и прочно оккупировавшими один из столиков у открытого настежь окна. За удивительно чистым стеклом витрины горками лежали кольца жёлтых сухешек, кубики ржанных сухариков, блестела чешуёй вобла.

Вошедшая троица расположилась за одним из столиков в центре зала. Крест пристроился за соседним. Пить хотелось страшно, но белорусских рублей у него не было, впрочем, как и российских, и Витька сделал вид, что кого-то ждёт.

«А не предложить ли мне буфетнице или этой троице сотовый телефон толстухи?» — подумал он и тут же отмёл эту мысль. Всем нутром, или, говоря по-научному, шестым чувством, Крест понимал, что ему нельзя сейчас действовать опрометчиво, не разобравшись в здешней ситуации и порядках. Ведь у него даже паспорта с собой не было! Витька, идя на дело, оставил документы дома, хоть это и не имело никакого значения. Попадись он на месте преступления, устанавливать его личность ментам долго бы не пришлось.

— Александр Палыч, — нудил очкарик, — мы уже вторую неделю в Светлогорске, а на заводе ни разу не были. У нас же

практика, а что мы кроме рабочей общаги и этой пивнухи видели?

— У вас командировочные ещё остались? — Хитро прищурился мужик.

— Есть немного. — Вытащил из кармана джинсов несколько мятых бумажек и горсть монет азиат.

— Вот и неси сюда пиво, — приказал ему мужик, и тот покорно пошёл к прилавку и вскоре вернулся с четырьмя полными, почти без пены, кружками в руках и тремя воблами.

— Не горюйте, хлопцы! — Повеселел мужик, опустошив одним махом первую кружку. — Завтра сходим на завод, покажу вам цех...

— Вы каждый день так говорите, — хмуро ответил очкарик. — А сами пьёте с утра до ночи...

— Нам же не просто цех посмотреть надо, — поддержал товарища азиат, очищая от чешуи рыбу. — Мы должны схему автоматической системы управления процессом производства кирпича нарисовать. Иначе нам практику не зачтут.

— Не бойсь, Андрюха! — Взял вторую кружку мужик. — Я же сказал: завтра сходим на завод. — Теперь он пил маленькими глотками, не торопясь. — Пока вы будете гулять по цеху, я быстренько смотаюсь в архив и возьму для вас эту схему. Скопируете её, и все дела! Вам даже не придётся напрягаться, изобретая свою.

— Это было бы здорово! — заулыбался азиат, переглянувшись с очкариком. — Мы, честно говоря, устали от этого пивного городка. Домой хочется.

— А я не понимаю, что вам тут не нравится? — искренне удивился мужик. — Это же рай, а не город! Выйдешь на улицу, на каждом углу стоят автоматы с пивом, как у нас в Москве с газировкой. Нет мелочи — рядом из ящиков продают бутылочное пиво. Плати продавщице и пей, сколько хочешь. Пустые бутылки она же у тебя и примет назад, даже мыть их не обязательно. В любой магазин зайдёшь — там разливное пиво. Не говоря уже про кафе и пивнушки, вроде этой. Наверно, они

все соединены специальным трубопроводом, по которому вместо воды течёт пиво. Вон, посмотрите за прилавок: труба выходит прямо из стены, на ней закреплён маленький бочонок с обычным краником внизу, из которого продавщица всем наливает пиво. Целый день наливает, я следил, а оно не кончается! Где вы такое ещё увидите? Вот мои ребята и отрываются.

— Но сколько же можно пить? — воскликнул очкарик. — Девятый день уже не просыхаете. Вчера с завода женщина в общагу приходила, спрашивала, когда мы, наконец, к монтажу установки приступим.

— Эх, ребятаки, — вздохнул мужик. — Молоды вы ещё! Мы в командировках всегда так: сначала пьём, пока не кончатся казённые деньги, потом вкалываем в две смены, чтобы уложиться в сроки. Привыкайте, студенты!

— И откуда здесь столько пива? — пробурчал очкарик. — Городок-то, вроде, промышленный, большинство жителей на заводе работает.

— Да нам-то какая разница? — засмеялся мужик. — Ты, Серёга, наслаждайся жизнью, пока есть такая возможность. Что ты всё ноешь?

— Мне в Москву надо, а мы здесь без дела торчим. И Андрея родные в Крыму заждались.

— Да чего делать-то летом в Москве? — удивился мужик. — Вот Андрюха — молодец: Крым сейчас — самое то! Море, вино, женщины... Эх, я б тоже от путёвочки в санаторий не отказался.

— Андрюхе санаторий без надобности, — засмеялся очкарик. — Живёт он там.

— В самом Крыму? — не поверил мужик.

— Да, — смущённо улыбнулся азиат. — В Судаке. Там много корейцев живёт. Видели фильм «Начальник Чукотки»? Его у нас снимали. Мы чукчей изображали, парились на жаре в ихних шубах. Я тоже там мельком появляюсь в роли ребёнка.

Витька слушал эту ахиною и прикидывал, как ему незаметно вытащить у лопуха-очкарика кошелек, торчащий из заднего кармана джинсов. И вдруг в раскрытую настежь дверь заведения

вошла давешняя толстуха. Короткие русые волосы у неё были растрёпаны, пара верхних пуговиц на блузке вырвана с мясом, и в распахнувшемся вороте белели крепкие груди, стянутые полупрозрачным лифчиком. «Четвёртый номер, не меньше», — машинально отметил Витька. Бежать было некуда, и он обречённо ждал крика: «Держи вора!». Но девица молча подошла к его столику, игнорируя удивлённые взгляды и матерные комментарии полупьяных мужиков, и шипящим шёпотом потребовала:

— Отдай, а то хуже будет!

Конечно, Крест мог вновь оттолкнуть настырную дуру и попытаться смыться, но он уже понял, что происходит что-то невероятное. Из родного Питера его каким-то образом мгновенно перенесло в белорусский Светлогорск. Куда тут бежать?

— Сначала скажи, что происходит? — ответил Крест девице.

— Ты мне будешь ещё условия ставить? — Хищно оскалилась та. — Сдохнуть в местной тюрьме хочешь? Отдавай украденное немедленно, тогда я помогу тебе вернуться домой.

— Замётано! — Поймал её на слове Витька. — Держи свой сотик.

Он протянул ей телефон, который до сего момента так и был крепко зажат у него в кулаке. Та жадно схватила прибор и начала внимательно осматривать со всех сторон.

— Всё в порядке? — поинтересовался Витька. — А теперь объясни, что происходит?

— Объяснить? — насмешливо хмыкнула толстуха. — С какой стати?

— Ты же обещала! — Напрягся Крест. — За базар надо отвечать.

— Я обещала вернуть тебя домой, — огрызнулась девица. — Пошли отсюда.

— Подожди, — удержал её Витька. — В горле ужасно пересохло. Давай по кружечке возьмём?

— Ты что, совсем ничего до сих пор не понял? — Презрительно посмотрела на него толстуха. — Нам не на что купить это пиво.

— Да ладно! — недоверчиво фыркнул Витька. — Имеешь

такой навороченный сотик, а на кружку пива денег нет?

— Ты что — идиот? — удивилась девица. — Здесь совсем другие деньги.

— Доллары, что ль? — не поверил Крест.

— Ага, евро! — съязвила толстуха. — Ты знаешь, какое сегодня число?

— Конечно, знаю.

— Товарищи! — Вдруг повернулась к троице за соседним столом девица. — У вас свежая газета?

— Вчерашняя. — Извиняющее развел руки с зажатыми в них кружкой пива и куском рыбы Александр Палыч. — Воблу, вот, завернуть взяли...

— Это не важно, — нетерпеливо отмахнулась толстуха. — Можно нам посмотреть?

— Пожалуйста! — Александр Палыч поставил кружку, вынул из кармана брюк свёрнутую в трубку газету. — Андрюха, передай девушке.

— На, прочти дату. — Сунула толстуха газету Витьке.

— Двадцать второе июля, — прочёл тот. — Всё правильно.

— Ты год посмотри!

— Одна тысяча девятьсот семьдесят седьмой... — Не поверил собственным глазам Крест. — Это что, шутка такая?

— Ты сам выбрал эту забегаловку, — ехидно усмехнулась девица. — Верни людям газету, и пошли отсюда.

— Погоди! — решил Витька.

Он свернул газету трубочкой, подошёл к корейцу, с интересом смотрящему на толстуху, и тихо спросил.

— Слышь, друг, пивком не угостишь, а то я сегодня совсем пустой, а у подруги просить, сам понимаешь, запаadlo...

— Пойдём! — С готовностью отставил тот свою полупустую кружку и направился к стойке. Витька, подмигнув недоумевающей смотрящей на него толстухе, поспешил за корейцем. Вскоре они вернулись с четырьмя кружками пива и воблой.

— Знакомьтесь, — весело сказал Витька. — Это — Андрей, студент из Москвы, а это...

— Лена, — поспешила выручить его девица. — Студентка из... Ленинграда.

— Серёга, иди сюда! — Повернулся к очкарику кореец.

— Иди, — великодушно кивнул тому Александр Палыч. — Ваше дело молодое...

— Это — Сергей, — представил очкарика кореец. — Мы тут вместе на практике. А вы?

— А мы здесь проездом, — больно пнув под столом Витьку, улыбнулась новым знакомым толстуха. — Нам уже пора...

— Да, ладно, успеем! — перебил её Витька, с блаженным видом ставя на стол наполовину осушённую кружку. — Давай хоть пиво допьём. У меня в горле была такая сушь, аж глотать больно.

— Нам надо идти! — Сверкнула в его сторону глазами толстуха.

— Ну чего ты ломаешься? — Разозлился Крест. — Попробуй хоть. Пиво тут на удивление хорошее, я даже не ожидал. Пей, вряд ли ещё когда удастся попробовать такое.

Студенты, молча, смотрели на них. Кореец взял воблу, с хрустом оторвал ей голову и начал ловко очищать от чешуи. Очкарик мелкими глотками пил своё пиво.

Толстуха решительно взяла кружку, осторожно отхлебнула и, скривившись, с отвращением поставила назад.

— И как вы только пьёте эту гадость?

— Не понравилось? — удивился Витька. — Тогда я допью.

Под удивлёнными взглядами студентов, он сначала осушил свою кружку, а потом присосался к отставленной Леной.

— А что за прибор передал вам Виктор? — вдруг спросил очкарик Лену.

— Какой прибор? — Повернулась к нему та. — Когда?

— Ну, когда вы вошли, — смутился Сергей.

— Да, я тоже видел, — поддержал друга кореец. — Такая маленькая плоская вещица с большим экранчиком и кнопочками. Новая модель калькулятора?

— Ах, это, — широко улыбнулась Лена. — Это сувенир, игруш-

ка. — И опять довольно чувствительно пнула под столом Витьку. — Поторопись!

— Всё, всё, уходим, — торопливо допивая пиво, кивнул ей Крест. — Извините, мужики, но нам, действительно уже пора уходить.

— Мы вас проводим, — решительно ответил кореец. — Нам всё равно делать нечего, правда, Серый?

— Сам ты — серый! — недовольно огрызнулся очкарик. — Я ж тебя «Дрючей» не зову? Конечно, проводим, — подтвердил он, смущённо взглянув на Лену, и неожиданно покраснел.

Они вывалились из душной забегаловки и в нерешительности остановились посреди улицы. Лена явно не хотела вести неожиданных сопровождающих к нужному им с Витькой месту.

— Ну, вот! — Зло посмотрела она на него. — Из-за твоего дурацкого пива у меня теперь отвратительный привкус во рту. Что теперь делать?

Конечно, Крест правильно понял её вопрос, но как отделаться от студентов, придумать не мог. Он, неожиданно для себя, довольно сильно захмелел, и в голову ему не шло ни одной мысли.

— Тут недалеко есть кафе, — нерешительно сказал очкарик. — Там продают лимонад.

— Точно! — Обрадовался кореец. — Есть ещё сидро и «Байкал». Или вам больше нравится мороженое?

— Ну что ты молчишь? — Повернулась к Витьке Лена.

— Это... мужики... — начал Крест.

— Мы угощаем, — понимающе подмигнул ему кореец. — Идёмте, Леночка, тут совсем рядом.

И решительно взяв девушку под руку, он повёл её по залитой солнцем улице. Очкарик немедленно пристроился с другой стороны. Витька сплюнул в пыль горькую тягучую слюну и поплёлся следом. «Вот настырный азиат! — зло подумал он. — Ну, погоди!». Что именно «погоди», Крест не знал. Толстуха явно надеется, что он как-нибудь избавит их от неожиданных сопровождающих. Витька посмотрел на идущую впереди оживлённо беседующую

троицу и обмер. Толстуха исчезла! Солнце, просветив бесформенную блузку, обрисовало классические формы языческой богини: высокий полный бюст, узкую талию и широкие бёдра.

Разоблачение

Алёна ругала себя матерно. Не вслух, конечно. Внешне она старалась выглядеть весёлой, время от времени кокетливо косила глазом то на семяющего слева низенького азиата, то на сопящего справа длинного и тощего очкарика. Сзади тащится следом за ними этот придурок Витька, из-за которого Алёна оказалась где-то в чёртовой глуши советской Белоруссии. Ну, надо же было так вляпаться! Как она теперь оправдается перед Сергеем Ивановичем?

Перед мысленным взором Алёны возникло умное лицо профессора Владимирова, его всё понимающие, любящие глаза.

«Что же ты, Алёнушка, — явственно услышала она его укоризненный голос. — Я доверил тебе ценный прибор, созданию которого посвятил всю свою жизнь, а ты так меня подвела!»

Алёне хотелось завывать в полный голос и отлупить, как следует, пыhtящего за спиной доморощенного грабителя. Может, натравить на Витьку этих двух навязчивых студентов, прилипших к ней с непрошенной помощью? А куда они, собственно, её ведут? Как она теперь найдёт дорогу к portalу? Алёна резко остановилась.

— Слушайте, мальчики, что-то мне не хочется сидеть в такую жару в душном кафе. В этом городишке есть парк?

— Парк? — Удивлённо переглянулись кавалеры.

— Ну, или сквер? — Алёна небрежно поиграла воротом блузки, то распахивая её, то прикрывая, имитируя отсутствующий веер, и с удовлетворением увидела, как побагровевший от смущения тощий очкарик уставился на её грудь. — Жутко хочется посидеть у фонтана.

— Тут рядом есть такой сквер! — радостно воскликнул азиат. — А в нём небольшой работающий фонтан.

— А как же лимонад? — вдруг хрипло спросил Витька Крест.
— Там всё есть! — Махнул рукой кореец. — И лимонад, и мороженое.

И, по-хозяйски взяв Алёну под руку, Андрей Чен решительно потянул её в ближайший переулок. «Вот и прекрасно! — с удовлетворением вздохнула та. — Часть проблемы возврата домой решена». Алёна точно знала, что портал находится в пяти минутах быстрой ходьбы от сквера с фонтаном. Потому что, когда ослеплённая злостью, болью и солнцем она выскочила из тёмного подъезда, то бросилась в погоню за дерзким грабителем, как оказалось, не в ту сторону. Узкая извилистая улица вывела её в небольшой тихий сквер с журчащим посредине круглым фонтаном. По узким асфальтовым дорожкам неторопливо прогуливались мамы со спящими в колясках детьми, на лавочках вязали и о чём-то тихо переговаривались старушки, небольшой ветерок шелестел листьями тополей и аккуратно подстриженных кустов акации. Поняв по удивлённым лицам и укоризненным взглядам, что до неё тут никто не нарушал установившийся порядок, Алёна развернулась и помчалась в обратную сторону...

— Вот и сквер, — услышала она радостный возглас азиата. — Вы проходите к фонтану, а я сбегаю за... — Он вопросительно посмотрел на Алёну. — Так вам, Леночка, лимонад или, может, лучше мороженое?

— И того, и другого, — грубо вмешался Витька Крест. — И можно без хлеба!

— О, цитата из «Винни Пуха», — засмеялся Чен. — Мой любимый мультик. Помните, к чему привело медвежонка обжорство в гостях у Кролика?

— Мороженого достаточно, — улыбнулась корейцу Алёна.

— И мне, — кивнул другу Сергей.

— А мне — пива, — криво усмехнулся Крест.

— Может, хватит? — Яростно сверкнула на него глазами Алёна.

— Ну, раз уж мы теперь никуда не торопимся... — Ехидно осклабился Витька.

— Тогда пошли со мной, — предложил ему Чен. — Я один всё не донесу.

Крест вопросительно взглянул на Алёну. Та в ответ раздражённо дёрнула плечом и отвернулась к фонтану. Хмыкнув, Витька кивнул Андрею, и они направились к виднеющемуся неподальку павильону кафе.

Алёна молча пошла вокруг фонтана, ища место, где слабый ветерок смог бы хоть немного остудить её разгорячённое тело влажной прохладой. Очкарик плёлся рядом, не решаясь начать разговор. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке без поддержки разбитного азиата. Алёна была рада, что стеснительный студент не мешает ей спокойно осмотреться. Вскоре она увидела аллею со «знакомыми» старушками. Что ж, путь к portalу теперь ясен, осталось избавиться от очкарика с корейцем и...

— Вот и мы! — Сияющий от радости Чен протянул Алёне холодный брикет. — «Крем-брюлле».

— Спасибо! — Благодарно улыбнулась ему Алёна. Она аккуратно освободила от красочной упаковки зажатое меж двумя толстыми жёлтыми вафлями сладкое лакомство и с удовольствием лизнула краешек.

— Давайте присядем, — предложил Сергей, услужливо выхватывая из пальцев Алёны липкую бумажку упаковки, чтобы бросить её в ближайшую урну, и вскоре вся компания устроилась в тени высокого, «плачущего» белым пухом тополя.

Витьке места на скамье не хватило, и он остался стоять, облокотившись спиной о ствол, время от времени отхлёбывая из горлышка зажатой в руке бутылки холодное горькое пиво.

— А всё же, Леночка, — спросил Чен, быстро покончив со своей порцией мороженого. — Что это за штуку передал вам Виктор в пивной?

— Так калькулятор же! — удивлённо посмотрела на него Алёна.

— Мы с Серёгой — технари, — засмеялся Андрей, и его узкие глазки превратились в щёлочки. — Считать много приходится, так что повидали много разных калькуляторов: и простых, и для

инженерных расчётов.

— Ну и что?

— Экранчики у всех узкие и длинные, чтобы побольше цифр поместилось, — снисходительно пояснил кореец. — А у вашего прибора экран чуть ли не в пол корпуса и цветной вдобавок!

— Ну, что ты пристал, — возмутился очкарик. — Сказано тебе: калькулятор, значит — так и есть. Не телефон же!

— Прокололась-таки! — Сплюнул Витька Крест и бросил опустевшую бутылку в кусты.

— Ты куда бросаешь? — возмутился Чен. — Вот же, рядом, урна стоит!

— Да пошёл ты! — Ощерился на него Крест.

— Чего?! — Вскочил кореец.

— А ну, тихо оба! — Тоже встала Алёна. — Вот только драки мне тут не хватало.

Она повернулась к Витьке.

— Хочешь здесь насовсем остаться?

Крест молча сжал кулаки, на его узких скулах вздулись желваки.

— Так чего мы здесь прохлаждаемся? — сквозь зубы выдавил он, наконец. — Валим отсюда!

— Лена, — вдруг тихо сказал Сергей, глядя на девушку сквозь толстые стёкла очков огромными глазами. — Кто вы? Откуда?

— Нам, действительно, пора. — Алёна бросила недоеденное мороженое в урну, села на лавочку, машинально достала из сумочки упаковку влажных салфеток, вытащила одну и начала тщательно вытирать пальцы рук.

Витька Крест выругался, и Алёна поняла, что вновь совершила ошибку. Сергей дрожащей рукой взял с её колен красочную пачку салфеток и прочёл:

— Изготовитель И Пэ Петров Вэ А, место изготовления — Россия, город Санкт-Петербург, дата изготовления — май две тысячи четырнадцатого года...

— Вас не учили, что брать чужие вещи без разрешения нельзя? — Алёна вырвала у очкарика из рук салфетку и сунула пачку

в сумочку.

— Носовые платки у нас не в моде, — зло выкрикнул Витька Крест. — И джинсы продают в основном китайского производства. Может, на деньги наши посмотреть хотите? Давай, умная ты наша, покажи им. Чего уж теперь скрывать? Наверняка у тебя есть, это я сегодня — пустой...

— Заткнись! — вскочив, взвизгнула Алёна. — Если б не ты...

— Тихо, тихо! — Вклинился между ними кореец. — Не надо кричать, люди вокруг. Скандал и милиция, как я понял, вам ни к чему?

— Да, — беря себя в руки, благодарно улыбнулась ему Алёна. — Спасибо вам за всё, мальчики, но нам действительно пора домой.

— Домой — это куда? — Забыл о своей стеснительности очкарик.

— Вот именно! — поддержал друга кореец. — Хотелось бы услышать, наконец, хоть один правдивый ответ.

— Домой — это в Питер, — сквозь зубы прошипела Алёна. — Мы не шпионы и не преступники. По крайней мере — я.

— В Питер, значит, — задумчиво протянул очкарик. — Не в Ленинград. И там всё у вас другое: не такое, как здесь или в Москве. Две тысячи четырнадцатый год и странный калькулятор...

— На телефон намекаешь? — Усмехнулся Витька Крест и повернулся к Алёне. — Раскололи они тебя. Что будем делать?

— А всё ты! — С ненавистью посмотрела на него Алёна. — Пивка ему захотелось на халяву выпить...

— Самое интересное, мужики, — обратился к замершим в изумлении студентам Крест. — Мне тоже очень хочется узнать, что это за «телефон» такой у неё в сумочке, и как я оказался в этом паршивом городишке?

— А вы, разве, не вместе? — пробормотал очкарик.

— Вместе, — кивнул Витька. — Но врозь.

— Как это?

— Не важно. Ну что, красавица, пытаться тебя мы, конечно,

не будем — люди кругом, и вообще. Может, сама, добровольно расскажешь?

— С какой стати? — Обвела всех троих насторожённым взглядом Алёна, крепко прижав к себе сумочку. — Прощайте, мальчишки. А ты, Виктор, можешь пойти со мной или остаться здесь. Навсегда. Выбирай!

Она пошла в сторону нужного ей выхода из сквера, но решительный голос Креста её остановил.

— Ты нам здесь и сейчас всё расскажешь, или...

— Или что? — Повернулась к нему Алёна, кипя от злости.

— Или тоже останешься здесь! — Нагло усмехнулся ей в лицо Крест. — Вот накинусь на тебя сейчас на глазах всех этих старух и молодых мамаш, те, конечно, моментально вызовут милицию. Воспользоваться прибором я тебе не дам. Так что, как ты любишь говорить: выбирай!

Когда Алёна молча вернулась и села на лавочку, а кореец и очкарик заняли свои места по бокам, Витька Крест вновь прислонился спиной к дереву. Он не понимал собственных поступков: зачем было останавливать девицу, задерживать её в этом парке? Что ему на самом деле важнее: рассказ Алёны или возможность побыть с ней подольше? Что если там, в Питере, она убежит, и Витька её больше никогда не увидит? Он же ничего о ней не знает!

Все молчали, ожидая, пока девушка успокоится и решится всё рассказать.

— Да, мы из будущего, — наконец выпалила Алёна, нервно кусая пухлую нижнюю губу. — Никаких подробностей тамошних реалий от меня не ждите — на это нет времени. Вот только если этот... — Девушка презрительно мотнула головой в сторону Витьки. — Если он решит остаться здесь, тогда и расспросите его.

— С чего ты решила, что я не хочу вернуться? — удивился Крест.

— Не очень-то ты торопишься! — с горечью ответила Алёна и вызывающе вздёрнула растрёпанную головку. — И потом, думаешь, я буду молчать о твоём нападении?

— В полицию побежишь? — Насмешливо скривил губы Крест и сплюнул. — И что ты им расскажешь? О краже машины времени? О путешествии в прошлое?

— О попытке ограбления! — взвизгнула девушка.

— У тебя что-то пропало? — деланно удивился Витька. — Есть свидетели нападения?

— Тихо, тихо, — вмешался кореец. — Не надо шуметь, мы и так привлекаем ненужное внимание. Оставьте свои разборки на потом. Леночка, расскажите о главном: как вы сюда попали?

— Вот именно! — поддержал его Крест. — Выкладывай, что за «телефон» у тебя в сумочке.

— Ты мне ещё будешь приказывать?! — Вскочила разъярённая Алёна.

— Леночка, успокойтесь... — Попытался удержать её за руку кореец. — А ты, Витя, помолчи, не раздражай девушку. Может, ещё пивка хочешь?

— Хватит с него! — Раздражённо выдернула свою руку, Алёна но всё же вновь села. Её лицо покраснело, объёмистая грудь бурно вздымалась и опадала, будто девушка только что пробежала кросс.

— Так где же вы взяли этот странный «телефон»? — неожиданно подал голос очкарик. — Судя по реакции и вопросам Виктора, путешествие во времени и для него стало неожиданным сюрпризом. Я прав?

— Ещё как! — буркнул Крест. — Я такое только в фантастических фильмах видел.

Все парни дружно уставились на Алёну.

— Мне его дал... один человек, — неохотно ответила девушка. — Я действительно учусь в одном из питерских вузов. Вам необязательно знать, в каком. Как и имя профессора, руководителя моей практики на одном секретном предприятии. Во-первых, я давала подписку о неразглашении...

— Так не пойдёт, — решительно сказал Чен. — Мне всё равно, где вы, Леночка, учитесь и проходите практику. Оставьте свои секреты при себе. Но хотя бы в общих словах расскажите нам...

— Да врёт она всё! — прервал корейца Крест. — Сами подумайте: кто пустит какую-то студенточку в секретное учреждение? И уж тем более, доверит ей «машину времени»?

— Сам ты врешь! — вспыхнула Алёна. — Мой... руководитель практики работает в том учреждении, он — один из его основателей. И параллельно преподаёт в нашем институте. Сергей Иванович — учёный с мировым именем!

— Сергей Иванович, значит? — желчно хмыкнул Крест. — А ты — его лучшая и, наверно, любимая студентка и ученица? А может, не только студентка, раз он так тебе доверяет?

— Это не твоё собачье дело! — прошипела Алёна, с ненавистью глядя на Витьку. — Скажешь ещё слово, и я оставлю тебя здесь.

— Не надо ссориться, — попросил Чен. — Мы здесь не для того, чтобы лезть в вашу личную жизнь...

— Вот и не лезьте! — отрезала Алёна. — Профессор... заметил меня ещё на вступительных экзаменах. Предложил перейти на факультет, где он читает свой курс. Мне было всё равно — я тогда ещё не знала, кем хочу стать, чем заниматься. Просто жила рядом с тем институтом.

— А теперь, значит, не живёшь... — с неожиданной для себя горечью тихо сказал Витька.

— Сергей Иванович постоянно следил за моими успехами, — проигнорировала его реплику Алёна. — Выделял среди других студентов. Вскоре мы полюбили друг друга...

Витька громко хмыкнул.

— Да, полюбили! — Вызывающе посмотрела на него Алёна. — Но это вовсе не значит, что он продвигает меня исключительно по этой причине. Я всегда сама всего добивалась: школу закончила с золотой медалью и в институте честно сдаю все зачёты и экзамены. А рассказываю вам всё это только для того, чтобы вы поняли, почему Сергей Иванович доверил мне Локатор.

— Ладно, ладно, — успокоительно прогудел Чен. — Мы вам верим. Давайте о главном: зачем этот секретный профессор дал вам Локатор?

— Это опытный экземпляр, — остывая пробурчала Алёна. — Первый и пока единственный. Его надо было испытать...

— И «папочка» вынес опытный экземпляр «машины времени» из секретной лаборатории и доверил его испытание любимой студентке! — саркастически воскликнул Крест и захохотал.

— Да, Лена, — смущённо улыбнулся очкарик. — Звучит несколько... фантастично, что ли.

— И тем ни менее, всё так и было, — спокойно ответила Алёна. — Но, если вы мне не верите, стоит ли рассказывать дальше?

— Стоит, — твёрдо сказал Чен. — А почему профессор сам не испытал прибор в лаборатории?

— Испытал, — вздохнула Алёна. — Результат был отрицательным.

— Не понимаю, — искренне удивился очкарик. — А что же, по мнению профессора, вы-то могли сделать? И как тогда оказались здесь, если «машина времени» не работала?

— Всё дело в том, что Локатор — это не машина времени. — Смущённо посмотрела на него Алёна. — По крайней мере, никто не ожидал, что он может ею стать. Его создавали для поиска порталов.

— Каких ещё порталов? — спросил Чен. — Это ещё что за зверь?

— Вряд ли я смогу вам это объяснить, — улыбнулась Алёна. — У вас нет даже минимума необходимых базовых знаний. Это всё равно, что рассказывать первокласснику о логарифмах.

— Да брось ты выпендриваться! — взорвался Крест. — Никто не требует от тебя технических и научных подробностей. Портал — это просто вход, дверь в иной мир или другое время. Как он работает, нам сейчас абсолютно по барабану.

Алёна недовольно посмотрела на Витьку, презрительно дёрнула плечом и продолжила рассказ.

— Ну, ладно. Вы знаете, что люди постоянно куда-то исчезают или появляются из ниоткуда?

— Как это? — недоверчиво спросил Чен.

— А так, — вздохнула Алёна. — Идёт себе человек по улице

и вдруг исчезает! А однажды целый полк английских солдат маршировал к линии фронта, зашёл в какое-то серебристое облако и пропал. С тех пор этих солдат никто не видел. Но известны случаи и внезапного появления исчезнувших людей, но совершенно в другом месте и даже времени.

— Ну, ты нам ещё про «Летучего голландца» расскажи! — хмыкнул Крест.

— И рассказала бы, да времени нет, — раздражённо огрызнулась Алёна, — Словом, подобные случаи — не редкость, и они известны с незапамятных времён. Есть множество теорий на этот счёт, но мой... — Девушка с вызовом посмотрела на Витьку. — Сергей Иванович считает, что наш мир пронизан межпространственными и межвременными туннелями, как кусок сыра дырами. Каждая «дыра» — вход в такой туннель. Их, конечно, не видно невооружённым глазом, так как нам доступны только три измерения: длина, ширина и высота. Время можно считать четвёртым, но мы пока не умеем им пользоваться. Но, возможно, существуют и пятое, и шестое, и...

— Не лезь в дебри, — прервал Алёну Крест. — Всё равно не поймём. Давай ближе к делу.

— Почему это не поймём? — Недовольно покосился на Витьку очкарик.

— Действительно, Витя, — поддержал друга кореец. — Тебя же просили помолчать.

Крест махнул рукой и сел прямо на траву, показывая, что готов слушать рассказ Алёны хоть до утра.

— Словом, Локатор — это индикатор порталов в межпространственные тоннели, — сказала Алёна. — В лаборатории он не сработал, значит — там портала нет. Вот меня и попросили походить с ним по городу.

— Наверде сапёра, ищущего мины в поле, — пробормотал очкарик.

— Да, — кивнула Алёна. — Я уже вторую неделю прочёсываю улицы Питера, а сегодня на меня неожиданно накинудся этот...

Девушка махнула в сторону Виктора.

— Красиво лепишь, — скривился Крест. — Одно только не понятно: каким образом мы с тобой здесь оказались?

— Ты в армии служил? — насмешливо спросила Алёна.

— Пока нет. А что?

— Значит, не знаешь почему, когда отряд солдат вступает на мост, раздаётся команда идти не в ногу?

— Ты не уходи от темы...

— Я и не ухожу, — снисходительно усмехнулась Алёна. — Просто пытаюсь объяснить первоклашке, что такое логарифмы.

— Ну-ну, — буркнул Крест. — Валяй.

— Вы, Леночка, на резонанс намекаете? — вмешался очкарик.

— Конечно! — С удивлением посмотрела на него Алёна.

— У нас в институте есть военная кафедра, — пояснил кореец. — Поэтому мы знаем, что слаженный ритм поступи отряда солдат может войти в резонанс с колебаниями моста и тем самым разрушить его. Потому и даётся команда идти не в ногу.

— Очевидно, испускаемый Локатором сигнал вошёл в резонанс с частотой поля портала, и тот открылся, — сказала Алёна. — Другого объяснения у меня нет.

— И ты думаешь, здешний портал тоже откроется? — спросил Крест.

— Ну, пропустил же он нас сюда! — Пожала плечами Алёна.

— А ты уверена, что мы вернёмся именно туда, откуда «стартовали»? — не унимался Крест.

— Уверена! — Сверкнула в его сторону глазами Алёна. — В средние века в одном из тибетских монастырей жил парнишка-китаец по имени, допустим, Ли. Однажды он исчез и вернулся назад только через несколько лет. Монахам он рассказал невероятную историю о том, что побывал в будущем. Описал современные города, самолёты и автомобили. Мальчишке не поверили, но записали его рассказ, и он дошёл до наших дней.

— Ну и что? — скептически хмыкнул Виктор.

— Эта история всплыла потому, что в одном из современных китайских городов из ниоткуда появился тот самый средневеко-

вый мальчишка Ли. Он говорил на древнем диалекте, с невероятной точностью описал монастырь, его порядки и назвал имена давно умерших монахов, якобы живших там. А через какое-то время этот мальчик исчез точно так же внезапно и необъяснимо, как появился. И, как я уже сказала, хроники монастыря говорят о том, что парнишка вернулся именно туда, откуда пропал. В любом случае, у нас с тобой, Витя, просто нет другого выхода. Пока не попробуем — не узнаем.

Алёна решительно встала.

— Больше мне вам, мальчики, сказать нечего. Пора возвращаться...

В погреб

Сам дом Алёна запомнила хорошо: его стены были недавно покрашены жуткой поносно-жёлтой краской. Соседние дома тоже не радовали глаз, но, по крайней мере, гамма их расцветки была более приятной: бледно-голубые и светло-розовые. «Цвета детской неожиданности», по выражению Алёниной мамы, был только один. Так что перепутать дом они не могли. Но вот, в каком из двух подъездов находится портал, Алёна не запомнила и в нерешительности застыла, как тот Буриданов осёл между двумя охапками сена.

— Ну, чего задумалась? — недовольно спросил Витька. — Локатор-то тебе на что?

«И правда, — облегчённо вздохнула Алёна. — Чего это я туплю?». Она достала из сумочки прибор, включила его и пошла к ближайшему подъезду.

Крест поспешил за ней. «Чёрт её знает, эту чокнутую, — подумал он. — Ещё смоемся без меня». Витька обогнал Алёну и картинно-галантно распахнул перед ней скрипучую дверь. Последнее, что он увидел, прежде чем шагнул в полумрак подъезда, это две напряжённо застывшие посреди улицы фигуры московских студентов. А через мгновение его оглушил близкий взрыв...

Затащив ошарашенных Алёну и Витьку в пустой гараж, где уже жались друг к другу с десятков мужчин, женщин и детей, коренастый небритый мужик в грязных камуфляжных штанах и покрытой пятнами пота и крови зелёной футболке хрипло проорал:

— Какого чёрта вы выскочили на улицу во время обстрела?

— Да мы... — промямлил Витька.

— А вы чего стоите? — Повернулся к окружающим мужик. — Не знаете, что делать?

Он, нагнувшись, рывком поднял крышку погреба.

— Давайте, быстро, спускайтесь. Сначала женщины и дети.

— Шмель, там темно, — дрожащим голосом сказала девушка в джинсах и светлой блузке, заглянув в яму.

— Вот, держи! — Мужик вынул из кармана штанов огарок све-чи и зажигалку. — Электричества нет, сами знаете. Нацгады неде-лю назад здешнюю подстанцию разбомбили.

Девушка зажгла свечу и ловко спустилась по крутой лестни-це.

— Тут всё есть! — послышался из погреба её повеселевший голос. — И свечи, и запасы. Наверно, хозяева прятались...

Очередной взрыв прогремел совсем рядом, и по металли-ческой двери гаража дробью застучали осколки камней. Мимо застывшей в ступоре Алёны протиснулась к погребу молодая женщина в коротком цветастом платье, крепко прижимая к груди мальчика лет пяти.

— погоди, — остановил её Шмель. — Дай мне мальчика, я подержу.

Но ребёнок испуганно посмотрел на него огромными недет-скими глазами и ещё крепче прижался к матери.

— Ничего, — сказала женщина и начала неловко спускаться вниз. — Не впервой.

За ней, причитая, полезла в погреб грузная старуха. Снаружи продолжали грохотать взрывы. Оттолкнув Алёну, к спасительной яме бросились двое.

— Давай, сынок, быстрее! — слышался срывающийся от волнения мужской бас, и по крутым ступенькам вниз шустро сбежал парень лет двадцати, а затем сунулся и заботливый папаша.

— Ты что ж делаешь, гад? — яростно зашипел Шмель. — Я ж сказал: сначала женщины и дети!

— Дома у себя командуй! — огрызнулся щуплый седой мужик и исчез внизу.

— Люси, соседки моей нет! — Подошла к яме худенькая старушка. — И дочки её...

— Чёрт! — выругался Шмель и чуть приоткрыл дверь гаража. — В машине остались. Девчонка, слышно, плачет, а мать не видать. Наверно на полу лежит. Если ранена, один я обоих не дотащу. Кто со мной?

Люди молча подходили к яме и суетливо спускались вниз, стараясь не смотреть на Шмеля.

— Я пойду, — неожиданно для самого себя сказал Витька и шагнул к двери.

— погоди, — остановил его Шмель. — Скоро обстрел закончится, и у нас будет несколько минут, пока укропы будут перезаряжать свои «грады». Тебя как зовут-то?

— Крест. А тебя — Шмель?

— Да. Ты сидел что ли?

— Нет, — удивился Витька. — С чего ты взял?

— А чего ж тогда Крестом назвался? Кликухи — они как татуировки: о многом рассказать могут.

— С детства так прозвали, — буркнул Витька. — Фамилия у меня — Крестовский, а имя — Виктор. А ты почему Шмель?

— А я — Николай Шмель. — Протянул руку мужик. — Будем знакомы. Многие ополченцы кликухи используют: Бес, Моторола, Рязань, Самсунг. А мне с фамилией повезло — ничего придумывать не надо.

— Так ты — ополченец?

— Нет, — нахмурился Шмель. — Я до войны на маршрутке в Донецке шоферил. А как укропы на Донбасс полезли, хотел

в ополчение записаться, но меня в штабе попросили иной работой заняться. Машину для этого дела мне начальство таксопарка оставило. Словом, спасаю беженцев. Сначала из Славянска возил, теперь — отсюда. Маршрут известный: через Донецк к Изварино, а там уже Россия. Обратным рейсом беру добровольцев и гуманитарку. Слышь — тихо стало. Пора!

Шмель решительно распахнул дверь гаража и бросился к стоящей на дороге «Газели». Витька поспешил за ним. На улице дышать было трудно: в воздухе висела плотная смесь дыма и пыли. Остро пахло гарью и порохом. Левый бок машины был весь в пробоинах. Нырнув с разбега вслед за Николаем в распахнутую дверь, Витька чуть не ткнулся лицом в безжизненное тело в камуфляже на переднем сиденье. В ноздри ударил запах крови. Крест застыл, с ужасом глядя на кровавую маску, бывшую ранее лицом. Посреди салона машины багрово блестела лужа, от неё вглубь вели красные следы ботинок.

— Ну, что застыл? — рявкнул Шмель. — Помоги мне. Самсунга не спасти: его убило сразу, первым же взрывом.

— Самсунга? — тупо спросил Витька, заставляя себя шагнуть в скользкую, страшную лужу.

— Наш сопровождающий через блокпосты, — пояснил Шмель, осторожно отрывая плачущего ребёнка от тела лежащей на полу женщины. — Как теперь поедем? Одна надежда на то, что меня уже везде и так в лицо знают. Принимай!

Шмель сунул Витьке в руки белокурую девочку лет четырёх. Тот неловко принял её и затоптался на месте, не зная, что делать дальше.

— Чёрт! — послышался сдавленный вскрик Николая. — Она без сознания. Одному мне её отсюда не вытащить.

— Я отнесу ребёнка и вернусь, — предложил Крест.

— Не успеем, — с досадой прохрипел Шмель, пытаясь поднять с пола тело довольно полной женщины. — Сейчас укропы опять долбить начнут.

— Давайте девочку мне, — вдруг раздался голос Алёны.

Витька оглянулся. Девушка стояла в дверях, решительно про-

тягивая к нему руки.

— Ты откуда здесь? — удивился он.

— Какая разница? — прошипел Шмель. — Отдай ей ребёнка и помоги мне вытащить раненую.

Они успели спуститься в подвал за секунду до того, как гараж вновь содрогнулся от грохота взрывов. При колеблющемся свете старенькой керосиновой лампы и нескольких свечей, воткнутых в пустые бутылки из-под вина, погреб казался довольно большим и даже уютным. Вдоль стен стояли стеллажи, на которых виднелись ряды разномастных стеклянных банок, наполненных различными соленьями, компотами и соками. Посреди подвала на двухместной софе, покрытой цветастым байковым одеялом, уложили раненую женщину. В глубине на разложенном диване, паре кресел и брошенных прямо на пол толстых матрацах устроились испуганные пассажиры маршрутки.

— Доктор, идите сюда! — крикнул Шмель. — Нужна ваша помощь.

К удивлению Алёны с матраца поднялся седой грубиян, оттолкнувший её от люка, чтобы его сын смог без очереди спуститься в подвал. Теперь это был совершенно иной человек: спокойный, решительный и как бы даже увеличившийся в росте.

— Свет! — пробасил он, и Шмель быстро поднёс ближе керосиновую лампу.

— Ты поняла, где мы? — тихо спросил Алёну Витька, оттянув её в полумрак более-менее свободного угла.

— Не глупей тебя! Нас вместо Питера в Новороссию закинуло, — по привычке огрызнулась Алёна, и успокоившаяся, было, на её руках девочка вновь захныкала от страха. — Не бойся, маленькая, — девушка ласково прижала ребёнка к груди. — Тётя не ругается на дядю: дядя хороший, он твою маму спасал.

— Зря старался... — упавшим голосом сказал Витька. В животе у него завязался тугой клубок, а к горлу подкатила горечь.

Алёна проследила его взгляд. Доктор молча накрывал с головой невесть откуда взявшейся грязной серой простынёй раненую

женщину. Шмель стоял рядом, сжимая и разжимая кулаки. Громко запричитала старуха, но на неё шикнула женщина в цветастом платье: «Мама, не пугайте детей!», и та отвернулась к стене, зажимая рот, но её плечи продолжали трястись от рыданий.

— Если б её сразу в больницу... — жалко пробурчал доктор и перекрестился. Он опять ссутулился и усох.

— А кто б её там спасал? — Зло ощерился Шмель. — Ты же вот сбежал! И не ты один...

— Да, бегу! — вскинулся доктор. — Я уже жену на днях похоронил: вышла из дома, хотела в магазин за продуктами сходить, а тут — артобстрел. В двух шагах от родного дома по кускам собирать пришлось. И я решил: хоть сына от этой проклятой войны спасу. Пусть в нормальной стране живёт, а сюда мы уже всё равно никогда не вернёмся. Некуда нам возвращаться. Да что я перед тобой оправдываюсь? Ты ж сам вон уже сколько таких, как я, в Россию вывез, да и сейчас везёшь...

— Ты себя с ними не равняй! — Махнул рукой в сторону затихших женщин и детей Шмель. — Одно дело — бабы, дети и старики, а другое — врач и молодой здоровый парень. Ты в больнице нужен, чтобы раненым жизнь спасать, а твой сын — в ополчении должен Родину от бандерлогов и нацгадов защищать, за мать свою мстить, а не...

— Родину? — взревел доктор. — Моя Родина — Советский Союз! Я и мой сын — люди гражданские. Пашка даже в армии не служил, что он может? Погибнуть в первом же бою? Нет уж! Пусть российская армия воюет. Путин обещал нас защитить — и где его войска?

— Ишь ты, какой хитрый! — зло усмехнулся Шмель. — На Донбассе миллионы здоровых мужиков и парней, а сколько из них в ополчении воюет? Несколько тысяч! А остальные чего ждут? Думаешь, Путин — дурак? Пошлёт своих солдат жизни класть за тех, кто сам себя защищать не хочет?

Женщина в коротком цветастом платье встала с кресла, взяла за руку сына и, подойдя к спорщикам, укоризненно сказала:

— Угломонитесь, чего уж теперь кричать? Дайте лучше пройти.

Те расступились, и женщина подошла к Алёне.

— Вот, сынок, ты всё сестрёнку хотел, — сказала она мальчику и протянула ко всё ещё всхлипывающей девочке полные загорелые руки. — Анечка, иди ко мне.

Та энергично освободилась от объятий Алёны и вскоре стояла рядом с мальчиком.

— Тётя Маша, а где мама? — спросила она.

— Мама должна была вернуться к папе. — Присела рядом с детьми женщина и прижала их к груди, пряча выступившие слёзы. — Просила тебя пожить с нами, пока она за тобой не придет. Ладно?

— Ладно, — покорно кивнула девочка.

— Ну, пойдёте, там кресло для нас разложили, отдохнём перед дорогой. — Женщина повела детей назад, мимо софы с прикрытым простынёй телом.

— Мама, а если мы попросим Бога, он выключит войну? — вдруг спросил мальчик, косясь на проступившие на простыне пятна крови.

— Конечно, сынок, — ответила Маша. — Вот до церкви доберёмся и помолимся. Бог нас обязательно услышит.

Алёна вдруг повернулась к Витьке и, дрожа, прижалась к нему, пряча лицо на его груди. Он неловко обнял её, чувствуя, как горячо намокает от её слёз его рубашка.

— Ну, что ты? — бессвязно забормотал он. — Всё будет хорошо...

К ним подошёл Шмель и протянул вскрытую трёхлитровую банку яблочного сока.

— Вот, попейте, — хрипло произнёс он. — Прошлогодний, судя по этикетке, но вполне себе ничего. Есть ещё грушевый, сливовый и вишнёвый, если хотите. Хозяйева этого подвала капитально запаслись...

Алёна отстранилась от Витьки, вынула из сумочки салфетку и быстро вытерла мокрое лицо.

— Спасибо, — жалко улынулась она, принимая тяжёлую банку. — Вот, расклеилась я что-то. Тяжёлый выдался день...

— Извините, ребята, воды мало, — виновато сказал Шмель. — Нашли неполную пятилитровую бутылку, отдали детям и их матерям.

— Всё нормально, — буркнул Витька, следя, как Алёна пытается пить из банки сок. Зубы её стучали о стекло, по подбородку на грудь стекали густые жёлтые струйки.

— Ну, вот, — вздохнул Шмель. — В моей машине освободилось два места. Вы как: останетесь здесь или, может, махнёте с нами туда, в Россию?

— Спасибо за предложение, Коля, — серьёзно ответил Крест, переглянувшись с Алёной. — Мы подумаем.

— Не ожидала я, что уголовник станет рисковать своей жизнью ради посторонней женщины, — тихо сказала Алёна, когда Шмель отошёл.

— Я — не уголовник, — обиделся Крест.

— А кто же ты? — удивилась та и отдала Витьке банку с соком. — Грабишь на улице беззащитных девушек...

— Ну, уж и беззащитных! — ухмыльнулся Крест. — Удивляюсь, как это мне удалось вырваться из твоих рук.

Он тоже приложился к банке и остановился только тогда, когда почувствовал, что больше не может влить в себя ни капли. Поставив полупустую банку на ближайшую полку, Крест с удовлетворением почувствовал, что яблочный сок наконец-то смыл так мучивший его последние минуты противный привкус пороха и крови.

— И много ты «зарабатываешь» грабежом? — Искоса взглянула на него Алёна.

— Ты — моя первая жертва, — невесело признался Крест. — Так что, считай сама...

— Врёшь! — не поверила Алёна. — Кто же ты тогда?

— Студент, как и ты, — вздохнул Крест.

— Ищи дуру! — вспыхнула Алёна. — А как же все эти твои уголовные «замётано» и «за базар надо отвечать»?

— Я ж для тебя — грабитель и вор, — улыбнулся Крест. — Пришлось соответствовать образу. К тому же, уголовный жаргон,

после всех этих бесконечных бандитско-ментовских сериалов, что идут по телевидению, скоро вообще заменит русский язык. Все начнут «ботать по фене».

— И на кого же ты учишься? — спросила Алёна, всё ещё недоверчиво глядя на Витьку.

— Перед тобой, как это ни странно, будущий филолог.

— Кто?! — Аж подпрыгнула девушка. — Филолог? Может, ты ещё и стихи пишешь?

— Пишу, — не стал отрицать Витька. — Но проза мне ближе.

— А ну, прочти что-нибудь! — потребовала Алёна. — Хотя, нет, не надо: откуда я знаю, что ты своё читаешь? Сочини прямо здесь и сейчас!

— Ты что, с ума сошла? — опешил Крест. — О чём?

— Да вот обо всём этом. — Кивнула девушка на жмущихся друг к другу, вздрагивающих от взрывов пассажиров маршрутки. — Что, слабо?

— Ну, ладно, — усмехнулся Витька. — Слушай.

Встав, он глубоко вздохнул и начал громко читать стихотворение, отбивая ритм взмахом правой руки.

Порешил Кощей расчётно-точно:
«Захочу, и всем устрою мрак!»
Только вот стоит и днём и ночью
На его пути Иван-Дурак.

О себе не слишком-то болея,
Но за брата, за родного, враз
Он, душой и взглядом тяжелея,
Врежет супостату в наглый глаз.

В Крым пошёл Иван к родному брату,
Сели за стол, похлебали щей.
Вместе легче биться с супостатом,
В злом бессилье мечется Кощей.

Набирайтесь, братья, доброй силой.
На Майдане поселился вор.
Крым теперь опять навек с Россией,
За Украину завтра разговор.

— Здорово! — воскликнул Шмель. — Повезло крымчанам. Скорее бы и нам...

— Бросьте вы эту агитацию! — прервал его врач. — Где эти братья? Мы им поверили, а теперь вот сидим в подвале, как крысы.

— Тише вы! — шикнула на них Маша, прижимая к себе уснувших детей.

— Неужели, действительно, твоё? — понизив голос, спросила Алёна вновь севшего рядом с ней Витьку.

— Моё, — скромно потупился Крест. — Но, честно говоря, это не экспромт, — признался он. — Хотя, написано недавно: в марте на волне всеобщей эйфории накатал.

— Всегда завидовала творческим людям: писателям, художникам, композиторам, — вздохнула Алёна. — И чего тебя понесло в грабители?

— «На счётчике» я, — мрачно ответил Витька. — А расплачиваться нечем.

— Как это? — не поняла девушка. — На каком счётчике?

— В долги влез, — пояснил Крест. — Поддался сдуру на эту всеобщую моду на всяческие нетбуки, айфоны и айпады. Опять же, все курсовые и рефераты надо делать на компьютере, а кланчить всё время ноутбук у соседа по общаге надоело. Да и послал тот меня открытым текстом — ему в интернете охота по сайтам ползать, в игры по сети поиграть, а тут я со своими просьбами. Вот и взял кредит на покупку всего этого добра, а отдавать нечем. К тому же ещё и проценты набежали немалые. Начались звонки из банка, потом письма с угрозами суда, а пару месяцев назад ко мне в общагу открыто заявились бандиты, которым банк толи продал мой долг, толи просто нанял их, чтобы выбить из меня деньги. Словом, отделали меня так, что мама

не горюй!

— Не может быть! — ужаснулась Алёна.

— Се ля ви! — Развёл руками Крест. — Забрали всё: и ноут, и принтер, и айфон, а сумму долга ещё и увеличили — типа, им я тоже теперь за хлопоты должен. Дали месяц сроку и назначили свои проценты за каждый день — «поставили на счётчик».

— И тогда ты пошёл грабить, чтобы вернуть им деньги? — догадалась Алёна.

— Не сразу, — вздохнул Крест. — Сначала, отбросив гордость, обегал всех своих друзей и знакомых. Никто ничего не дал. Большинство — такие же, как я, нищие студенты, с трудом сводящие концы с концами. А те, у кого денежки есть, только посмеялись и предложили попытать счастья в карточной игре — новичкам, типа, везёт! Я, дурак, согласился. Одолжил немного денег, чтобы было, что ставить на кон, и поначалу мне, действительно, везло. Меня подбадривали, а ставки незаметно росли, и в результате я теперь должен немалую сумму и этим шулерам.

— И тогда ты пошёл грабить? — с сочувствием спросила Алёна.

— Нет. — Отрицательно качнул головой Крест. — Попытался найти хоть какую-нибудь работу. Но это оказалось практически невозможно: днём надо ходить на лекции, а вечерние и ночные работы давно и прочно застолбили гастарбайтеры. Разовые приработки меня не спасли.

— А у родителей гордость не дала помощи попросить?

— Нет у меня никого, — признался Крест. — Отца вообще никогда не видел — тот сбежал ещё до моего рождения. Мама погибла, когда мне и пяти лет не было — шла по краю тротуара, а какой-то пьяный подонок не справился с управлением своей машины. Бабушка умерла в прошлом году. Есть, конечно, ещё какие-то родственники, но я с ними практически не общался и даже адресов их не знаю. Только на похоронах и встречались...

— На что ж ты живёшь?

— Сдаю квартиру таджикам, торгующим на базаре сухофруктами, — признался Крест. — Не на стипендию же! Я даже ездил

в свой захолустный городок, просил у жильцов заплатить вперёд за несколько месяцев, но те только руками развели — всё заработанное, дескать, сразу переводят в доллары и отправляют на родину, семьям.

— И тогда... — неуверенно начала Алёна.

— Нет, ещё не тогда... — Скривил губы в жалкой улыбке Крест. — Сначала бандиты вновь хорошенько отмутузили меня, потом, видя, что взять с меня нечего, отвезли в другой банк, где мне моментально оформили новый кредит. Я тут же полностью расплатился с бандитами, потом — с карточными игроками, но понял, что когда придёт срок возврата кредита, ко мне снова заявятся всё те же костоломы.

— И вот уже тогда...

— Да, — кивнул Крест. — Так я из студента превратился в неудачливого грабителя.

— Да уж, — хмыкнула Алёна. — Ты — явный неудачник!

— Зато я встретил тебя, — неожиданно вырвалось у Витьки, и он смущённо отвернулся и потянулся за банкой с остатками сока.

— Выходим! — вдруг громко скомандовал Шмель. — Похоже, на сегодня укропы закончили. Надо быстрее сматываться отсюда.

Он первым поднялся по лестнице и откинул крышку люка. За ним неуверенно полезли остальные.

— Как думаешь, — спросил Алёну Крест, помогая девушке встать. — Может, мне не возвращаться в Питер, а остаться здесь? По крайней мере, погибну за настоящее дело...

— Попробуй только бросить меня одну в такой ситуации! — Яростно сверкнула глазами девушка. — Не отчаивайся, — сбавила она тон, увидев, как потемнел от обиды Крест. — Мы обязательно что-нибудь придумаем. Серёжа... профессор Владимиров наверняка поможет тебе, у него большие связи. По крайней мере, устроит на работу в свою организацию — ты же теперь полноправный участник важного эксперимента!

— Не нужно мне ничего от твоего профессора! — зло буркнул Крест и, осторожно взяв у Маши спящую девочку, полез наверх...

Тела погибших положили на обочине дороги, рядом с иссечённым осколками деревом и накрыли одеялом, чтобы не пугать детей. Потом женщины какими-то тряпками начали спешно затирать кровавые лужи на полу маршрутки. Шмель обошёл машину, попинал чудом уцелевшие шины, проверил, как заводится мотор.

Алёна и Витька стояли у входа в гараж, наблюдая, как доктор с сыном расчищают покрытую воронками дорогу от упавших ветвей дерева.

— Обманул китаёза, — тихо буркнул Крест. — Как нам теперь домой вернуться? Может, действительно, с беженцами поехать?

— А я верю китайцу, — упрямо трянула чёлкой Алёна. — Наверно, мы не в тот подъезд вошли. Надо попробовать вернуться в Белоруссию.

— Ты запомнила, где портал? — тихо спросил Крест.

— Должен быть где-то здесь, — неуверенно ответила Алёна. — Мы вышли, и Шмель почти сразу затащил нас в гараж. Он что-то говорил про дом.

Это был так называемый «частный сектор» — либо какой-то посёлок, либо окраина города. Вдоль узкой дороги за высокими заборами стояли одноэтажные кирпичные дома, окружённые большими участками садов и огородов. Большинство из них было полуразрушено и, по-видимому, давно покинуто жителями. Рядом с их гаражом был только один дом. Вернее — обгорелые развалины без крыши и передней стены. Даже двери не было, откуда они могли бы выйти.

— Доставай Локатор, — предложил Крест.

Алёна покорно вынула из сумки прибор и включила. Табло осветилось, по нему побежали какие-то цифры.

— Он должен быть где-то здесь, — неуверенно указала девушка в сторону дома.

И тут они оба увидели. В паре метров от них воздух перебивался и дрожал, как над костром или раскалённым асфальтом. Витька оглянулся. Шмель с кем-то говорил по рации, которую он несколькими минутами ранее достал из кармана «разгрузки»

Самсунга. Автомат погибшего Николай держал в левой руке.

— Если уходить, то сейчас, — сказал Витька. — Пока не приехали за телами. Шмель нас ни о чём не спрашивал, а вот другие...

— Уходим по-английски, — кивнула Алёна. — Не прощаясь.

И, взявшись за руки, они дружно шагнули в колеблющееся рядом марево портала...

Конечно, это была всё та же знакомая им улица «пивного» белорусского городка. Московских студентов поблизости уже не было, и Витька с Алёной, крепко сжимающей в руке работающий Локатор, под удивлёнными взглядами сидящих на лавочке старушек быстро пробежали несколько метров, обогнув небольшой палисадник с полусохшей клумбой, и буквально вломились в соседний подъезд...

Новый старый знакомый

Их взяли сразу, как только они появились в полумраке проходного питерского подъезда. Двое крепких парней профессионально вывернули Витьке руки за спину, согнув его самого так, что он чуть не ткнулся носом в собственное колено. Звонко клацнул холодный металл наручников. Резким рывком один из громил вернул Креста в вертикальное положение, а второй тут же ловко вставил в распахнутый от неожиданности и боли рот Витьки кляп.

— Что вы делаете? — возмущённо вскрикнула рядом Алёна. — Кто вы такие?

— Тихо, Леночка, — раздался в ответ спокойный властный голос. — Всё в порядке, не кричи.

В дверях одной из квартир первого этажа стоял высокий грузный мужчина в мятых белых брюках и светло кремовой рубашке с короткими рукавами.

— Серёжа! — удивлённо-радостно воскликнула Алёна и тут же смущённо поправилась: — Сергей Иванович, что тут происходит?

— Отпустите её, — приказал профессор Владимиров двум парням, крепко держащим Алёну за руки, и те послушно освободили девушку. — Я знаю, у тебя сегодня был очень трудный день, — Сергей Иванович брезгливо взглянул на заляпанную кровью и яблочным соком блузку Алёны. — Иди домой, отдохни...

— Никуда я не пойду! — Сверкнула глазами Алёна. — Мне нужно тебе... вам столько рассказать, объяснить...

— Потом, — нетерпеливо отмахнулся от неё профессор. — Сейчас не до тебя. Костя, отвези её домой.

— Я никуда не поеду! — решительно повторила Алёна и оттолкнула парня, попытавшегося вывести её на улицу. — Сначала объясните, что здесь происходит?

— Как хочешь, — равнодушно отвернулся от неё профессор и шагнул к Витке. — Ну, здравствуй, Виктор. Давно я тебя ищу. В машину их! — приказал он парням. — Обоих. Едем на базу.

Окна в роскошном лимузине профессора были закрыты чёрными, под цвет кожаной обивки сидений, шторами, и Крест не видел, куда и по каким улицам их везут. Алёна, надувшись, сидела рядом, а профессор вальяжно развалился напротив, с интересом разглядывая пленников.

— Ехать долго, может, пока поговорим? — предложил он и, нажав кнопку, отделил кабину шофёра от салона звуконепроницаемой перегородкой. — Готов ответить на все ваши вопросы, чтобы не тратить на это время в дальнейшем.

— Вы сказали, что давно искали меня, — ответил Крест. — Зачем? Разве вы меня знаете?

— Недостаточно, — кивнул профессор. — Потому мне и понадобилась помощь Леночки, чтобы тебя найти.

— Моя помощь? — непритворно удивилась Алёна. — О чём это ты? Я же искала портал...

— Ты искала человека, способного открыть портал, — усмехнулся профессор. — Вот его.

— Меня? — хмыкнул Крест. — У кого-то тут явно поехала крыша!

— Не понимаю, — пролепетала Алёна. — А как же Локатор?

— Вы, конечно, знаете о существовании дальтоникиков? — спросил профессор. — Это люди, не различающие цвета. Для них, что красный, что зелёный — всё едино. Так вот, если воспользоваться этой аналогией, то большая часть человечества — «дальтоники». В том смысле, что видит только нашу действительность. Но есть и небольшой процент людей, которые способны в определённых обстоятельствах увидеть вход в параллельный мир, портал. Мы называем их «сезамами». Потому что они могут не только видеть порталы, но и открывать и даже проводить сквозь них обычных людей. И самое удивительное в том, что сезамам для этого не нужны технические устройства! Да-да, моя милая, наивная Леночка, Локатор — не может открыть портал. Ты, Виктор, верил, что прибор работает, и бессознательно открывал порталы, и это помогло вам с Леночкой вернуться назад.

— Почему я? Может, это Алёна? Ведь в самый первый раз я ничего не знал о Локаторе, принял его за обычный сотовый телефон, так что ни во что подобное верить не мог.

— Разумеется, прибор работает, — снисходительно пояснил профессор. — Но он воздействует не столько на портал, сколько на мозг сезама. Это обычный катализатор и усилитель определённых частот излучений головного мозга. Мы, обычные люди, сигнал Локатора не воспринимаем, а вот на тебя он подействовал. Да ещё, наверно, и стрессовая ситуация, опасность быть пойманным внесли свою лепту. Эффект, как говорится, налицо: ты открыл портал, причём — неоднократно, раз уж вы сумели вернуться. Именно ты, Витя, являешься сезамом, потому что Леночку мы проверили в первую очередь, а потом и всех без исключения сотрудников нашей организации, — скривился профессор Владимиров.

— Каким образом? — не поверила Алёна. — И почему я раньше ничего не слышала о сезамах?

— А ты действительно веришь, что я допустил тебя ко всем своим секретам? — насмешливо усмехнулся профессор. — Ты нужна нам была только в качестве наживки для выхода на Викто-

ра и знала только то, что я позволил тебе знать. Мне даже пришлось разыгрывать из себя влюблённого идиота, чтобы занять твою голову проблемами, далёкими от порталов, и избегать неудобных вопросов.

— Мерзавец! — вспыхнула Алёна.

— Ну-ну, — поморщился профессор. — Давай обойдёмся без взаимных оскорблений. Ты ещё заплачь...

— Не дождёшься!

— Вот и славно, — удовлетворённо вздохнул профессор и повернулся к Виктору. — Терпеть не могу женских истерик. Как я рад, что ты — мужчина.

— Не могу сказать того же о вас, — угрюмо ответил Крест, бросив на Алёну сочувственный взгляд.

— Ну, надо же, — удивился профессор. — Да ты, оказывается, джентльмен! А у меня при первой нашей встрече много лет назад в советской тогда ещё Белоруссии почему-то сложилось о тебе мнение как о мелком воришке, наглom попрошайке и хаме. Не помню, чтобы ты особо любезничал в то время с Леночкой. И она вот тебя почему-то защищает теперь, а тогда, могу поклясться, люто ненавидела.

Витька с Алёной с недоумением смотрели на профессора.

— О чём это ты? — наконец, вымолвила девушка. — Откуда...

— Ну, не тупи, дорогая, — вздохнул профессор. — Это же я был тем тощим студентом-очкариком, что познакомился с вами в белорусской пивнушке, а потом провожал в парк и к portalу.

— Ты — тот студент? — всё никак не могла поверить Алёна.

— Да, я теперь не так строен и кучеряв, — вздохнул Сергей Иванович, погладив одной рукой округлый животик, а другой наполовину лысую голову. — И очки мне давно не нужны — небольшая операция на глазах в клинике Святослава Фёдорова. Но это, действительно, я был тем скромным и стеснительным студентом. Ваша история произвела на меня просто огромное впечатление, заставила сменить институт и специальность, через много лет найти тебя, Леночка, и постараться удержать рядом с собой.

Это было не просто! Что я знал о тебе? Студентка одного из питерских вузов в две тысячи четырнадцатом году. Фамилия — неизвестна. Имя — возможно, вымышленное. А о Викторе — вообще ничего! Кроме того, за десятки прошедших с нашей первой встречи лет я основательно подзабыл вашу внешность. Три года я прочёсывал все питерские вузы, пока не увидел тебя, Леночка, на приёмных экзаменах в собственном институте, и только тогда вспомнил, что именно так, по твоим словам, мы и должны были встретиться! Оказалось, ты нас тогда в Белоруссии не обманула, рассказала правду. И это дало мне первое доказательство того, что я иду верным путём, и вскоре ключ к порталам окажется в моих руках.

Однако, когда был создан первый прототип Локатора, и мы убедились, что он не может открыть портал, я понял, что это сделал кто-то из вас двоих. Ты оказалась обычной девушкой, и нам пришлось заняться поисками Виктора. Однако когда и в каком именно переулке он на тебя нападёт, я не знал, а потому, пока ты блуждала по городу с Локатором в руках, за тобой непрерывно следили мои люди. Когда вы исчезли, мне позвонили, я тут же приехал, и мы ждали вашего возвращения прямо в том проходном подъезде. Но вас всё не было и не было, и мне пришлось снять квартиру у местного алкаша, чтобы не маячить на глазах у жильцов, возбуждая ненужное любопытство и беспокойство. Мы ведь всего пару часов тогда в Белоруссии провели вместе, не больше. Что же случилось с вами обоими? Где вы задержались на целых пять суток?

— Пять суток? — удивился Крест. — А что случилось с вашим другом-азиатом?

— С Андрюшей-то? — вздохнул профессор. — Он недавно погиб. На Донбассе.

— На какой стороне?

— На нашей, конечно!

— А вы — на какой? — не унимался Крест.

— Я — патриот России, — пристально глядя Витьке в глаза, ответил профессор.

— Я тоже, — усмехнулся Крест. — И всё же хотелось бы более конкретного ответа, потому что одни патриоты с радостью говорят: «Крым — наш!», а другие, тоже патриоты, с негодованием кричат: «Руки прочь от братской Украины!».

— А ты, Виктор, не так прост, как мне казалось, — удивлённо сказал Сергей Иванович. — Конечно, я — из первых, как и Андрюша Чен. Он был, как вы знаете, русским корейцем, крымчанином. Институт, как я, менять не стал — не чувствовал в себе необходимых для другой специальности способностей. Но и по выбранной ему поработать не удалось: его распределили в КГБ. Отказываться от подобных предложений в то время было не принято. Зато это позднее помогло нам найти первого сезама. К сожалению, мы его быстро потеряли, но успели в достаточной степени изучить. Вот почему, Леночка, я всегда точно знал, что ты — обычный человек.

— У вас был живой сезам? — удивлённо воскликнула Алёна. — Когда? И почему я об этом ничего не слышала?

— Ты и не могла слышать, — усмехнулся профессор. — Это случилось, когда тебя ещё и на свете не было. К тому же, зачем отягощать твою прелестную головку излишними знаниями?

Алёна насупилась и отвернулась.

— Как это произошло? — стараясь отвлечь девушку от неприятных мыслей и вернуть разговор в кровно интересующее его русло, спросил Крест.

— Андрей Чен работал в Москве, а я, как вы знаете, переехал в Ленинград, — с готовностью начал рассказ профессор Владимиров. Ему, видимо, давно хотелось хоть с кем-нибудь поделиться своей тайной, чего он не мог позволить себе ранее. Крест и Алёна оказались единственными людьми, перед которыми он мог открыться почти полностью. — Но мы не теряли связи. Однажды он неожиданно позвонил мне и попросил срочно приехать к нему в Москву. У меня в то время было полно дел, но Андрей произнёс в качестве причины только одно слово — «сезам», и я, бросив всё, поспешил к нему.

По долгу службы Чен курировал одну подмосковную психуш-

ку, в которую наши спецслужбы направляли «на лечение» всяких там диссидентов и тому подобных неугодных властям людей. Но были там и обычные больные. Словом, об одном из таких психов Андрею и рассказал главврач больницы.

Представьте себе: зима, февральская метель, мороз около двадцати градусов. На одной из улиц Коломны — не нашей, питерской, а старинной, подмосковной — машина чуть не сбивает невесту откуда взявшегося прямо на дороге полуголого человека, одетого в тонкую, мокрую насквозь накидку и сандалии. По-русски этот неизвестный не говорит, а его тарабарщину тоже никто из окружающих не понимает. Документов, конечно, никаких при нём нет. Сначала его доставили в местную больницу, и там совершенно случайно выяснилось, что он говорит на древнегреческом языке! Один из профессоров-филологов коломенского пединститута как раз лежал в той же палате на соседней койке. Бред соседа так поразил его, что он потребовал немедленно вызвать психиатра.

Словом, вскоре странный незнакомец оказался в кагэбэшной психушке. Чен нашёл соответствующего специалиста, и тот, наконец, перевёл невероятный рассказ неизвестного о себе. Того звали Аякс, родился и вырос он в древнегреческом Коринфе, был матросом на корабле местного купца. Однажды на пути к Криту их галера попала в бурю и затонула. Когда Аякс погрузился в воду и уже начал прощаться с жизнью, то неожиданно оказался в нашем мире.

Никто, конечно, в его историю не верил. Кроме Чена и меня. И мы решили рискнуть: пошли в соответствующий отдел КГБ, занимавшийся всяческими сверхъестественными явлениями — телепатия, телекинез и тому подобное. Рассказали свою историю, то бишь — про встречу с вами, гостями из будущего, в Белоруссии во время студенческой практики. Андрей Чен явно рисковал тогда своей карьерой, как и я, впрочем. Но, во-первых, нас было двое, рассказывавших абсолютно одинаковую историю, а во-вторых, мы предложили для доказательства своих слов провести эксперимент. У нас же был живой сезам — Аякс, и мы точно зна-

ли, где находится портал — тот дом в Белоруссии, в котором вы исчезли практически на наших глазах. Шансы на удачу были довольно высоки, и вскоре наша небольшая группа прибыла в Светлогорск.

Однако, там мы столкнулись с неожиданной трудностью. За десять прошедших лет город изменился. Те двухэтажные дома снесли, а сквер превратили в парк с детскими аттракционами. Было лето, воскресенье, кругом бегали дети, у лотков с мороженым и напитками толпились покупатели. Мы бродили по парку, стараясь определить, где же раньше был тот чёртов дом. Аякс, впервые вышедший из психушки в большой мир, смотрел вокруг с детским восторгом и жадностью первооткрывателя. Наша группа тоже вызвала у окружающих сильный интерес. Жара под тридцать градусов, а трое здоровых крепких мужчин парятся в костюмах: Чен и двое охранников прятали под пиджаками кобуры пистолетов. Мне было легче в обычных летних брюках и рубашке с короткими рукавами, переводчица с древнегреческого тоже не особо страдала в своём пёстром сарафане. А вот Аякс явно маялся в непривычной одежде — больничная пижама за полгода несколько примирила его с необходимостью носить «варварские штаны», но тесные джинсы и ярко-красная тенниска (чтоб не потерялся в толпе в случае чего) явно напрягали грека. Мне ещё пришлось тащить первый вариант Локатора, который был в то время весьма громоздким и тяжёлым.

Врачи, конечно, предварительно исследовали Аякса по всем возможным параметрам. Единственное, что мы нашли — необычное излучение мозга. У других людей оно тоже есть, но на несколько порядков слабее. Локатор и должен был улавливать наличие этого излучения. И он его фиксировал — Аякс же был рядом! В спешке и волнении я как-то упустил это из виду. Грек был живой помехой для работы Локатора в плане поисков портала. Когда я это понял, то выключил прибор и предложил охранникам увести Аякса из парка в служебную квартиру КГБ. Те вздохнули с явным облегчением.

Мы остановились у киоска и взяли напоследок кто мороже-

ное, кто бутылку холодного лимонада. Аякс с восторгом откусывал пломбир и счастливо улыбался дородной переводчице, передавшей ему лакомство. Какой-то ребёнок лет пяти промчался мимо нас на трёхколёсном велосипеде и вдруг, наехав на корень дерева, вспучивший тонкий асфальт дорожки, упал и громко заплакал. Аякс бросился к нему и... исчез!

На несколько секунд мы все замерли, не веря своим глазам. Испуганный малыш закричал ещё громче, и наступил всеобщий хаос. Охранники метались по парку в поисках пропавшего грека, Чен отгонял людей от упавшего с велосипеда мальчика, мать ребёнка рвалась на помощь орущему благим матом сыну, переводчица громко звала Аякса, а я, вновь включив Локатор, лихо-радочно крутил ручки настройки.

Вот так мы нашли и потеряли первого сезама. Зато доказали высокому начальству, что не выдумали свою историю. Мне создали все условия для работы над усовершенствованием Локатора, Чен прочёсывал психушки в поисках пришельцев из прошлого или будущего, но тут вдруг случилось то, что мы давно с Андрюхой ждали — распался СССР, а с ним был ликвидирован и КГБ.

— И на кого же вы работаете сейчас? — спросил Крест.

— В первую очередь на себя, — чуть помедлив, ответил профессор Владимиров. — Но ты, Витя, прав: за мною по-прежнему стоят весьма могущественные люди, и я получаю в полной мере необходимую финансовую поддержку, не говоря уже о защите. Но об этом мы...

Лимузин затормозил и остановился.

Предложение

— Ты на удивление здоровый человек, Витя, — просматривая что-то на экране монитора, сказал профессор Владимиров. — Это только предварительные результаты осмотра. Завтра утром, натошак, мы возьмём у тебя анализы крови, мочи и тому подобное и проведём более подробные исследования. Но и то, что есть сейчас, весьма меня радует. Нынешняя молодёжь, к сожалению,

очень часто уже с раннего детства обременена различными хроническими заболеваниями, а вот ты — молодец!

— Рад это слышать, — хмуро буркнул Крест. — Где Лена?

— Лена? — Недоумённо посмотрел на него Сергей Иванович. — Причём тут Лена?

— Я просто хочу знать, всё ли с ней в порядке?

— Да что с ней делается! — Пренебрежительно взмахнул рукой профессор. — Ну, поревёт немного, потом успокоится. Лучше давай поговорим о деле.

— Поговорим, — согласно кивнул Крест. — После того, как я увижу, что с Леной всё в порядке.

— Ты что, влюбился, что ль, в эту дурочку? — удивился Сергей Иванович.

— А если и так? — С вызовом посмотрел на него Крест.

— Что ж! — Задумчиво побарабанил пальцами правой руки по подлокотнику кресла профессор. — С одной стороны это несколько осложняет дело, но с другой...

Он достал из ящика стола пульт. Вспыхнул висящий в простенке между закрытыми жалюзи окнами плоский экран телевизора. Сергей Иванович нажал ещё пару кнопок, и на экране появилось изображение небольшой пустой комнаты. Широкая двуспальная кровать, застеленная розовым покрывалом, занимала большую её часть. У окна стояло изящное трюмо, заставленное множеством разнообразных флаконов, тюбиков и коробочек. Сергей Иванович вновь нажал кнопку на пульте, и спальню на экране сменила столь же пустая гостиная. Большой угловой диван и два низких кресла, тоже все розового цвета, между которыми стоял небольшой столик. На столике возвышалась хрустальная ваза, наполненная фруктами, янтарно отсвечивала жидкость в изящном графинчике, радужно переливались в лучах света высокие бокалы. Раздражённо буркнув что-то неразборчивое, Сергей Иванович нажал новую кнопку, и на экране появилась большая круглая ванна, наполненная бурлящей водой и кипельно белой мыльной пеной, сквозь которую кое-где розовело тело лежащей с закрытыми глазами Алёны.

— Как видишь, с ней всё в порядке, — усмехнулся Сергей Иванович и подмигнул оторопевшему от неожиданности Витьке. — Что, хороша девочка?

— Выключите это! — Побагровел Крест. — Извращенец! У вас там и в туалете, небось, камера стоит...

— Надо же, какие мы нежные! — с издёвкой протянул Сергей Иванович, выключая телевизор. — Голых девок, что ли, раньше не видел?

— Что вам от меня надо? — сквозь зубы процедил Крест.

— Ну, наконец-то правильный вопрос! — с удовлетворением воскликнул профессор Владимиров. — Я предлагаю тебе работу.

— Подопытным кроликом?

— Фи, Витя, ты меня разочаровываешь! — Покачал головой Сергей Иванович. — Конечно, мы сначала, действительно, проведём кое-какие исследования. Ты — один из сезамов! Нам надо как можно точнее знать, чем вы отличается от обычных людей. Но основной твоей работой будут путешествия во времени. Ну же, отвлечись, наконец, от голых баб и подключи мозги, напруги воображение в нужном направлении. Представь, что мы сможем сделать, зная прошлое стоящих у власти людей и будущие события! Правители любой страны станут нашими клиентами или марионетками.

— Мечтаете о власти над миром? — криво усмехнулся Крест. — Лена считает вас научным светилом, а вы, оказывается, всегда стремились только к богатству и власти.

— Кому в наше время нужна научная слава? — презрительно хмыкнул профессор Владимиров. — Тем более, у нас, в России? Большинство моих коллег давно уехали работать за границу. Деньги — это только первый этап нашего с тобой сотрудничества. Тебе больше не придётся грабить беззащитных девушек на улице — достаточно знать, как будет меняться курс акций на бирже. Мы с тобой станем очень богатыми людьми, Витя! А уж потом придёт очередь власти над миром.

— Мне понятно, профессор, зачем вам нужен я, — сказал Крест. — Но вот зачем мне вы?

— Резонный вопрос, — согласно кивнул Сергей Иванович. — И как бы ты сам на него ответил?

— Никак! — Развёл руками Крест. — Потому и спросил.

— Ты, Витя, пока — никто. Чтобы начать действовать, тебе нужны: — профессор Владимиров поднял руку и начал загибать пальцы, — первоначальный капитал для покупки акций и необходимого снаряжения; база, куда можно без опаски возвращаться; защита от бандитов и правоохранительных органов; консультации знающих людей; связи в административных и силовых структурах и много чего ещё. Всё это есть у меня. И всё это я могу направить как в помощь, так и во вред, так что тебе со мной лучше дружить, а не враждовать. Ведь теперь я знаю, кто ты, и скоро буду знать всё не только о тебе, но и обо всех твоих родственниках и друзьях. Ты меня понимаешь?

— Вполне. — Напрягся Крест.

— Ну, не надо хмуриться, — примирительно прогудел Сергей Иванович. — Я пока не собираюсь с тобой воевать. Наоборот, предлагаю взаимовыгодное сотрудничество. Ну, согласишься, Витя, я потратил на твои поиски немало времени и средств и теперь имею право на достойную компенсацию. Кроме того, именно я открыл твои неординарные способности и сейчас предлагаю тебе такие перспективы, о которых ты раньше даже мечтать не мог! Неужели, всё это не стоит если не дружбы, то хотя бы сотрудничества?

— А если я не соглашусь? Ведь вы действовали по собственной инициативе, я вас ни о чём не просил и, следовательно, ничего вам не должен.

— Не должен, значит? — Сокрущённо покачал головой профессор Владимиров. — Что ж, тогда мне придётся заставить тебя возместить мне все расходы на твои поиски. И пока ты будешь это делать, но, заметь, уже как раб, а не полноправный партнёр, я буду искать другого сезама, более разумного и сговорчивого.

— Мне надо подумать, — тяжело выдохнул Крест.

— Конечно! — Фальшиво улыбнулся профессор. — Я люблю в людях это качество. Думай, только не долго.

- А что будет с Леной?
- С Леной? — Заинтересованно взглянул на Витьку Сергей Иванович. — Мне она больше не нужна, но, как говорится в подобных случаях, она слишком много знает.
- Вы немедленно отпустите её домой! — жёстко потребовал Крест. — Живой и здоровой. Иначе, можете сразу забыть о каком-либо нашем сотрудничестве.
- Ты мне угрожаешь? — изумился профессор Владимиров. — Ты — мне?!
- Нет, не угрожаю, — ответил Крест. — Предупреждаю. Конечно, вы можете меня убить, но вот заставить работать на себя...
- Тебе не жалко своих родных?
- У меня их нет, — горько усмехнулся Крест. — Я — сирота!
- Да, это меняет дело, — озабоченно пробормотал профессор Владимиров и вновь нервно забарабанил пальцами правой руки по подлокотнику кресла. — Мы проверим...
- Отпустите девушку, — настойчиво предложил Крест. — Она вам не опасна: кто ей поверит, если что?
- Ладно, — неожиданно согласился Сергей Иванович. — Я её отпущу. Сразу, как только мы с тобой придём к соглашению.
- Не надо впутывать в это дело Лену! — процедил Крест. — Вы и так использовали её в своих гнусных целях, испортили ей жизнь, испоганили чувства...
- Вот только не надо читать мне мораль, — взвизгнул профессор Владимиров. — Ничего я ей не поганил. Она сама выбрала свою судьбу, насильно её никто ни к чему не принуждал. Наоборот, я помогал ей во всём, обеспечил отличные оценки на экзаменах, дал прекрасную специальность...
- Она и сама не дура! — возмутился Крест. — Окончила школу с золотой медалью.
- Брось, Витя! — презрительно скривился профессор Владимиров. — Эта медаль ничего не значит. Системы обучения в школе и институте — разные. Тупо вы зубрить урок и ответить на пятёрку — это одно, а практически самостоятельно изучить

материал за целый семестр и сдать экзамен — совершенно иное. В институте не столько зубрить, сколько понимать суть пройденного предмета надо.

— Отпустите Лену! — Упрямо набычился Крест. — Наши дела её теперь не касаются.

— Хорошо, — кивнул Сергей Иванович. — Пусть так. Но ты сам сейчас связал её судьбу с нашим соглашением. Всё зависит от тебя! Либо ты соглашаешься на моё предложение, и я сам отдаю тебе девчонку в качестве дополнительного бонуса, раз уж она тебе так нравится, либо...

— Либо что? Убьёте нас?

— Не сразу! — Хищно оскалился профессор Владимиров. — Сначала я заставлю тебя возместить мне все расходы. С процентами!

— Каким образом?

— В той психушке, Витя, где я когда-то нашёл первого сезама, есть один очень специфический пациент. Маньяк. Он сначала сдирает со своей жертвы кожу, потом насилует получившийся окровавленный кусок обезумевшего от боли мяса, затем режет всё ещё живое тело на куски. На его счету около двух десятков женщин — точное число жертв даже он сам не помнит. Я привезу его сюда и отдам в его руки Лену. А ты будешь сидеть рядом с ними, прикованный к стене, и смотреть. И умрёшь только после неё, если только раньше не согласишься на мои условия. Вот так вот, Витя!

— Подонок!

— Считаешь себя лучше меня? — Презрительно скривился Сергей Иванович. — Напрасно — ведь это ты заставляешь меня идти на столь грязные меры. Думаешь, мне они доставляют удовольствие? Так что чистеньким тебе, Витя, остаться не удастся. Ни физически, ни морально. Я не требую от тебя немедленного ответа. Хотел подумать — думай. У тебя столько времени, сколько потребуется моим сотрудникам, чтобы полностью исследовать тебя, сделать все необходимые анализы и тесты. Ну, а Лена, конечно, тоже пока погостит здесь. Я могу даже поселить вас

вдвоём в том номере, что ты видел. Но не сегодня — завтра утром твои анализы не должны иметь посторонних примесей.

— Ну вот, дорогая, мы, наконец, наедине, и можем поговорить откровенно, без лишних свидетелей.

Профессор Владимиров попытался обнять и притянуть к себе Алёну, но та резко оттолкнула его.

— Не прикасайся ко мне! Где Виктор?

— И ты туда же? — удивился Сергей Иванович. — Надо же, как вы, оказывается, сблизилась с этим уголовником.

— Он не уголовник!

Сергей Иванович обошёл девушку, устало опустился в кресло, взял стоявший на столике графинчик и наполнил два бокала янтарной жидкостью.

— Иди сюда, садись, — улыбнувшись, предложил он. — В ногах, как говорится, правды нет, даже в таких красивых, как у тебя.

Алёна возмущённо фыркнула, захлопнула входную дверь, и, плюхнувшись в другое кресло, повторила вопрос:

— Где Виктор?

— Отдыхает, — пожал плечами Сергей Иванович. — Завтра вы с ним увидите, а пока расскажи мне ваши приключения.

— Вот завтра и расскажу! — Упрямо сжала пухлые губы девушка. — А сейчас оставь меня: я устала и хочу спать.

— Что ж, — недовольно посмотрел на неё Сергей Иванович. — Я уйду, если ты так хочешь, но сначала скажу тебе одну важную вещь. Этот идиот, Крест, кажется, всерьёз влюбился в тебя.

— С чего ты взял? — растерялась Алёна. Она ожидала теперь от профессора Владимирова чего угодно, но только не таких слов.

— Ну, у нас с ним был сейчас соответствующий разговор. Мне пришлось придерживаться принятой роли, уж больно этот парень ревнив.

— Какой роли? — не поняла Алёна.

— Ну, той, что я разыграл при встрече, — ухмыльнулся Сергей Иванович. — Что вроде как никогда не любил тебя, а просто использовал как наживку. Надеюсь, дорогая, ты не поверила в это?

Алёна как-то неопределённо хмыкнула, бросив на профессора странный взгляд.

— Ну, не сердись, — попросил тот, пододвигая девушке наполненный бокал. — Давай выпьем за встречу.

— Это всё, что ты хотел мне сказать? — не прикасаясь к предложенному бокалу, холодно спросила Алёна.

— Анечка, этот Крест мне очень нужен, — не замечая её тона, внушительно произнёс Сергей Иванович. — То, что он влюбился в тебя, облегчает дело. Ты должна уговорить его на сотрудничество со мной. Ну, пококетничай с ним, построй глазки, даже дай себя поцеловать...

— Может, и в койку с ним лечь?

— Дорогая, ты — умная женщина, и сама сумеешь установить необходимые границы, — льстиво улыбнулся Сергей Иванович. — Повторяю: мне нужен этот парень! Ну, сделай это ради нашей любви. Хотя бы попытайся...

— Нашей любви? — Яростно сверкнула на него глазами Алёна. — Совсем меня за дуру принимаешь? Ты «начал играть роль» ещё до того, как узнал о чувствах Виктора ко мне. Да, я была доверчивой душой, но отныне больше не хочу иметь с тобой никаких дел. И Виктору посоветую то же самое.

— Ну, что ж, — устало вздохнул профессор Владимиров. — Ты не оставляешь мне выбора. Да, игры закончены. Вы с Крестом слишком много знаете, поэтому у вас сейчас есть выбор между мучительной смертью и добровольным сотрудничеством со мной. Ему я это уже объяснил, теперь знаешь и ты. Надеюсь, вы действительно так умны, как считаете сами, чтобы сделать единственно правильный выбор.

Залпом выпив свой бокал, Сергей Иванович с трудом выбрался из низкого кресла и вышел, громко захлопнув за собой дверь.

Все точки над i

— Ты? — Глаза Алёны радостно вспыхнули.

Крест шагнул в комнату, девушка внезапно бросилась к нему, обняла горячими голыми руками за шею, прижалась всем телом, и в следующее мгновение разум покинул Виктора...

— Я думала, что уже больше никогда не увижу тебя, — всхлипнула Алёна.

Витька ощутил на груди горячую влагу её слёз.

— Ну, что ты? — ласково перебирая пушистые волосы девушки, сказал он. — Теперь всё будет хорошо.

И вдруг до него дошло, что они лежат совершенно обнажённые в той самой розовой спальне, которую неделю назад показывал ему на экране своего телевизора профессор Владимиров. Крест напрягся и постарался нашарить на полу сброшенное одеяло.

— Что случилось? — Подняла с груди Витьки голову Алёна и тревожно посмотрела на него огромными мокрыми глазами.

— Тут везде видеокамеры, — смущённо ответил Крест. — Этот поддон всё видит...

Алёна нахмурилась.

— Ну и чёрт с ним! — Вдруг улыбнулась она. — Забудь о нём. Пусть смотрит! Я не хочу наши последние счастливые минуты отравлять мыслями об этом негодяе.

— Почему последние?

— Сейчас мы с тобой делаем то, что хотим сами, а что будет потом? — печально вздохнула Алёна. — Даже если мы останемся живы, нашу любовь ждёт не расцвет, а умирание...

Слёзы вновь наполнили её глаза.

— Ну, что за мысли? — Прижал к себе всхлипывающую девушку Виктор. — Я тебе обещаю: всё у нас будет хорошо. Вот увидишь!

— Не обманывайся, милый! — Отстранилась Алёна и вытерла

лицо краем простыни. — Это ты им нужен, а я... я жива до сих пор только потому, что обещала соблазнить тебя и уговорить на сотрудничество с ними. Как видишь, я своё обещание сдержала...

— Что за чушь ты несёшь! — возмутился Крест. — Никогда я в это не поверю. Я люблю тебя! Не знаю, как и когда это произошло, вряд ли с первого взгляда, но уже там, в Белоруссии, я всячески бессознательно старался оттянуть наше возвращение в Питер, не хотел расставаться с тобой...

— Я тоже тебя люблю, — сквозь слёзы улыбнулась Алёна. — Ужасно испугалась тогда, в гараже, когда ты вместе со Шмелём пошёл вытаскивать из машины раненую женщину и её дочку. Но окончательно всё поняла, когда тот именитый мерзавец, что сейчас подсматривает за нами, предложил мне выбор между мучительной смертью и твоим соблазнением. Я твёрдо решила умереть. Разбить фужер или бутылку с вином и вскрыть себе вены в ванне. Меня удержали не видеокамеры, о которых я тогда даже не подозревала, а жгучее желание хотя бы ещё разок увидеть тебя.

— Вот и умница, — вновь прижав к себе девушку и баюкая её, как ребёнка, хрипло сказал Виктор. Ком в горле мешал ему говорить. — Вот и молодец, что дождалась меня. Теперь у нас всё будет хорошо...

— Ну, что ты говоришь? — Резко отстранилась Алёна. — Ничего хорошего у нас больше никогда не будет! Даже если ты согласишься на все их условия, что ждёт меня? Я — тот канат, которым эти нелюди собираются привязать тебя, чтобы ты не сбежал при первой же возможности. Значит, меня либо навсегда запрут здесь, либо окружают круглосуточным наблюдением и охраной. Комнаты Зимнего дворца превратятся для меня в казематы Петропавловской крепости. Сейчас любовь для нас важнее свободы, но время будет идти, и неволя капля за каплей начнёт подтачивать нашу любовь и, в конце концов, убьёт её. Я не хочу узнать, кто из нас не выдержит первым. Лучше умереть здесь и сейчас, пока мы любим друг друга.

— Не будем спешить, — мягко предложил Виктор, не желая спорить далее. — Умереть мы всегда успеем. А пока давай отпразднуем нашу встречу. Честно говоря, я ужасно хочу есть! Ты иди, прими душ, а я пока закажу нам что-нибудь вкусное.

Алёна покорно встала и ушла в ванную комнату. Виктор быстро оделся и тут же услышал в гостиной звонок телефона. Он вышел из спальни и, взяв трубку, услышал глумливый голос профессора Владимирова:

— Какая трогательная сцена! Bravo! Я наслаждался каждым мгновением.

— Не сомневаюсь, — сдерживая ярость, ответил Крест. — Небось, и записали на память?

— Давай о главном, — перешёл на деловой тон профессор Владимиров. — Я правильно понял: ты принял решение и будешь с нами сотрудничать?

— Я отвечу вам после ужина.

— Что ж, подождём, — нехотя согласился Сергей Иванович. — Я лично распоряжусь, чтобы вам подали самые лучшие блюда. Но не стройте иллюзий: вам не удастся совершить позднее коллективное самоубийство! Об этом я тоже позабочусь.

— Самоубийство? — с иронией произнёс Крест. — Не дождётесь! Мы с Леной ещё всех вас переживём. И не надо никаких деликатесов: пусть принесут обычную здоровую пищу из натуральных продуктов. Вы же знаете, что мы с Леной предпочитаем, не так ли?

Не дожидаясь ответа, Крест повесил трубку и стал внимательно осматривать комнату...

— В фильмах во время таких сцен на столе обычно горят свечи, в бокалах искрится дорогое вино, а тарелки полны различных деликатесов, — сыто откидываясь в кресле, сказала Алёна.

— Это я попросил принести нам привычные блюда, — улыбнулся ей Виктор и, допив своё пиво, громко крикнул: — Эй, надзиратели! Стол можно убирать.

Алёна удивлённо посмотрела на него, но в следующее мгно-

вление понимающе нахмурилась. Входная дверь бесшумно открылась, вошёл охранник, быстро переставил опустевшую посуду на сервировочный столик и выкатил его прочь.

— И что же дальше? — грустно спросила Алёна. — Ты уже дал им ответ?

— Умирать сейчас я не собираюсь, — спокойно ответил Крест. — И тебе не дам.

— Понятно, — вздохнула девушка. — Что ж, будем жить. Но не забудь, милый, то, что я говорила тебе раньше про баланс между любовью и тягой к свободе. Как только я замечу...

— Не будем сейчас об этом, — прервал её Виктор. — До сегодняшнего дня я жил мечтою о тебе. Она казалась мне недостижимой, потому что я был уверен, что в лучшем случае безразличен тебе, а в худшем — противен. Решил для вида согласиться на сотрудничество с этими упырями, последний раз увидаться с тобой, а потом просто нырнуть в первый же портал и исчезнуть.

— И как бы ты жил потом, зная о своих необычных способностях?

— Скорее всего вернулся бы в Донбасс, — признался Крест. — Ведь я могу спасти многих людей: детей, женщин, стариков, раненых ополченцев.

— Значит, я теперь ещё и невольная причина их гибели? — с горечью прошептала Алёна.

— Конечно, нет! — с жаром воскликнул Крест. — Не мы с тобой их убиваем.

— Но ты мог бы их спасти! — стукнула себя крепко сжатым кулачком по колену Алёна. — Если б не я...

— От судьбы не уйдёшь, — вздохнул Виктор. — Я ж не единственный сезам в этом мире, но что-то не слышал о необъяснимых массовых появлениях где-либо беженцев с Донбасса. Все идут через официальную границу. Скажи, если б была такая возможность, ты бы вернулась со мной в ту кровавую мясорубку?

— Конечно! — воскликнула Алёна. — Лучше погибнуть, спасая людей, чем зачехнуть в золотой клетке.

— Ты уверена? — настойчиво продолжал спрашивать

Крест. — Подумай: людей ведь там не только убивают, но и калечат.

— От судьбы, как ты сказал, не уйдёшь! — Махнула рукой Алёна.

— Что ж! — Крест встал, подошёл к входной двери и запер её на ключ и массивный засов. — Слышите, профессор? — весело крикнул он. — Вот мой ответ. Вы целую неделю изучали меня, и я тоже изучал себя. Уже два дня, как я могу видеть и открывать порталы без помощи вашего электронного стимулятора. И один из них находится прямо здесь, в этой комнате.

Зазвонил телефон, а дверь сотрясли удары охранников.

— Спасибо, профессор, что вы ответили нам с Алёной свои личные апартаменты. В отличие от других номеров, здесь мощная стальная дверь и пуленепробиваемые окна. Наверняка где-то есть и замаскированный вход в более надёжное убежище с запасами воды, продуктов и всего необходимого для выживания. Приготовились к возможному нападению или не доверяете собственной охране?

Крест подошёл к продолжавшему звонить телефону и, сняв трубку, аккуратно положил её рядом с аппаратом. Теперь тишину нарушали только ритмичные удары чем-то тяжёлым в дверь и крики охранников.

— Не вздумайте трогать родных Лены, — с угрозой сказал Виктор. — Иначе, я вернусь и уничтожу вас всех. Мне теперь будет нетрудно это сделать, ведь вы сами обрисовали несколько способов, которыми хотели с моей помощью избавиться от личных врагов и конкурентов. Прощайте! Надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

Крест театрально взмахнул рукой, и вместо двери в спальню в воздухе замерцала серебристая завеса.

— Я не знаю, что нас ждёт там. — Протянул он руку изумлённо смотрящей на него Алёне. — Но это — свобода! Ты идёшь?

— С тобою — хоть на край света!

Счастливо улыбаясь, девушка встала с кресла, и, крепко взявшись за руки, они дружно шагнули в мерцающее марево...

«И ХРЮКОТАЛИ ЗЕЛЮКИ...», ИЛИ САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Переход от сна к бодрствованию был мгновенным, но Существо тут же забыло, что ему снилось. Оно лежало на животе, поджав под себя все три пары мощных лап, в волнении втягивая и выпуская острые когти. Полоска фасеточных глаз, кольцом опоясывающая верх головы существа, горела красным светом в полумраке берлоги. Длинный семисегментный хвост нервно подрагивал. На макушке чутко ловила все звуки мембрана ушной раковины.

Всё было тихо. Конечно снаружи уже громко распевали утренние песни птицы, слабый ветерок шелестел сиреневой листвой деревьев и кустов, где-то в траве шуршала мырка. Это всё были давно привычные звуки, обыденный фон, отсутствие опасности, своего рода тишина. Что же тогда нарушило спокойный сон Существа? Произошло что-то необычное, а значит — важное или опасное.

Существо медленно выползло наружу и замерло на краю небольшой полянки перед берлогой. Заходящее солнце почти не грело, его огромная красная полусфера быстро тонула в сиреновом море бескрайнего леса. Встав на задние лапы, Существо пошире распахнуло все три носовых отверстия, расположенных на равных расстояниях друг от друга чуть ниже полосы глаз. Окружающие запахи тоже были обычны: аромат цветов, вонь недоеденного прошлым вечером крола, чьи останки уже растащили по округе падальщики и мырки.

И вдруг Существо вновь уловило ЭТО. Так вот что его разбудило — ментальный Зов! Тело Существа покрылось зелёными и жёлтыми полосами. Опустившись на все шесть лап, Существо быстро выбежало в центр поляны, и лучи восходящего синего

солнца, выглянувшего, наконец, из-за стены деревьев, ласково обдали теплом и окрасили в синий цвет левую сторону его серого бочкообразного, покрытого хитиновой чешуёй тела. Начинался самый длинный и очень важный день в году: сегодня все соплеменники Существа ищут пару, чтобы сойтись в любовной схватке и оставить после себя потомство.

Существо громко и радостно взревело, затем тоже испустило призывный ментальный Зов и замерло в ожидании ответа. Разноцветные полосы на его теле пульсировали, то усиливая, то ослабляя оттенок. Окрестные птицы и звери, услышав рёв Существа, немедленно смолкли и затаились. Ничто не должно мешать самому опасному хищнику этих мест, в противном случае нарушителя тишины ждёт неминуемая смерть.

Вскоре пришли ответы. По уровню их силы, Существо определило источник ближайшего, издало в его направлении ответный зов и бросилось навстречу своей судьбе...

И вот они сошлись, внимательно рассматривая друг друга и, в особенности, высоко задранные хвосты. К досаде обоих количество сегментов в их хвостах оказалось одинаковым. Существа были одного возраста, и теперь им необходимо выбрать один из двух вариантов: либо немедленно разойтись в поисках другого партнёра, либо одно из них добровольно признает старшинство другого. Не раздумывая, оба выбрали первый вариант и заново испустили ментальный Зов. Уловив ответы, тут же бросились навстречу новому партнёру. Конечно, этот день является самым длинным в году, но жаркое синее солнце не стоит на месте. Тот, кто до его заката не успеет найти себе пару, останется без потомства.

Наконец, новая встреча, и Существо с удовлетворением рычит: хвост его партнёра состоит из девяти сегментов, значит — тот старше на целых два года, а потому будет играть роль самки. У каждой особи имеются детородные органы обоих полов, и это обеспечивает надёжность воспроизводства. Существо немедленно полностью окрасилось в зелёный цвет самца и начало любов-

ный танец вокруг жёлтой самки. Их тела соответственно трансформировались, и вскоре слились в любовной схватке на утоптанной мощными лапами траве. Хитиновая чешуя громко трещала, задранные хвосты вибрировали, а огромные клювы раскрылись. Самка издавала мелодичное мурлыканье, она млела в непрерывном экстазе. Самец же хрипел от боли, но не мог прервать мучительный процесс семяизвержения. Покрытая острыми шипами вагина самки цепко сжимала и доила его пенис. Самец вынужден был терпеть, его когти впились в тело самки, пронзив хитин чешуи, но та этого даже не заметила, полностью отдавшись сексуальному наслаждению.

Когда самец излил всё семя, оплодотворив яйца самки, на кончике его хвоста вырос шип, который он тут же вонзил в незащищенное, не покрытое хитином горло бьющейся в экстазе самки. Яд мгновенно парализовал её, превратив в инкубатор и источник пищи для будущих детёнышей. Мышцы самки расслабились, и самец, наконец, освободился от мучительных объятий.

Через несколько мгновений Существо вновь приняло свой обычный вид и цвет. Почти полностью обессиленное, оно, тяжело дыша, подвесило тело самки за хвост к мощной ветке ближайшего дерева и начало закутывать его в паутину. Существо испускало из себя прочную липкую нить до тех пор, пока тело парализованной самки не скрыл плотный жёлтый кокон.

Синее солнце почти село, а красное показало свой краешек над макушками деревьев, когда Существо из наломанных веток закончило сооружение временного жилища, в котором ему придётся провести пару недель, обеспечивая безопасность кокона. Когда детёныши выберутся на свет, оставив от матери только кости и хитин, Существо отправится назад, в свои постоянные охотничьи владения, предоставив молодяка его собственной судьбе. Лес велик, и места хватит всем. Кто-то из детёнышей погибнет, кто-то выживет. Главное — уцелеть в первый год. Потом у них уже не будет опасных врагов. А через два года, когда начнётся самый длинный день синего солнца, выжившие выберутся из берлог и откликнутся на ментальный Зов...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гибель Анархии	3
Проблема веса	40
Десять минут счастья	50
Чёрный следопыт	58
Магия любви	78
Спасти Герострата	109
Посмертный раб	136
«Сезам, откройся!»	159
«И хрюкотали зелюки...», или Самый длинный день	214

Сергей Калабухин

Необыкновенные приключения обыкновенных
героев

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Владимирович Калабухин родился в 1958 году в городе Коломна Московской области, где и проживает до сих пор. Верный приверженец дефицитного ныне жанра научной фантастики. Наряду с фантастикой пишет реалистические рассказы и яркие публицистические статьи.

Публиковался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, Белоруссии, США, Англии, Канады и Финляндии. Автор семи книг. Член Союза писателей России.

В этом сборнике собраны произведения разных лет, представляющие несколько направлений фантастики — первый контакт, киберпанк, детектив, магический реализм, космическая опера и, конечно же, путешествия во времени.

